РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

С. Г. Беляев

П. Л. БАРК И ФИНАНСОВАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ 1914–1917 гг.

ИЗДАТЕЛЬСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2002

ББК 63.3(2)
Б43

Рецензенты: докт. ист. наук академик РАН *Б.В. Ананьич*,
докт. ист. наук профессор *М.Ф. Флоринский* (СПбГУ)

Беляев С.Г.

Б43 **П.Л. Барк и финансовая политика России. 1914–1917 гг.** — Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2002. — 620 с.
ISBN 5-288-03120-7

В книге рассматриваются проблемы финансовой политики России в 1914–1917 гг., в период пребывания на посту главы финансового ведомства П.Л. Барка. Прослеживаются события личной биографии П.Л. Барка, анализируются вопросы бюджетной и налоговой политики, деятельность Государственного банка, проблемы финансирования боевых действий, государственного и народного хозяйства в период первой мировой войны, роль и место России в системе финансовых отношений европейских держав и финансово-экономические аспекты ее экспансии в Центральной Азии.

Для специалистов и всех, кто интересуется экономической историей России.

ББК 63.3(2)

Книга издается при финансовой поддержке Американского Совета научных обществ

ISBN 5-288-03120-7

ВВЕДЕНИЕ

Проблемы финансовой политики России в тот период, когда страна вступила в первую мировую войну, и судьбы тех людей, которые эту политику формировали, актуальны по многим причинам. Актуальны проблемы истории войны, после которой установился новый мировой порядок в социальной сфере, политике, экономике и финансах и которая без преувеличения может быть названа переломным моментом в истории всего человечества. Финансовое положение и политика воюющих стран становились основами их боеспособности и возможности приспособиться к новым условиям ведения хозяйства. Особенно здесь важна роль России, которая сыграла в войне совершенно исключительную, уникальную роль — побежденного участника коалиции-победителя. При рассмотрении политического курса всегда возникает вопрос о его создателях и тех, кто его осуществлял. Поэтому весьма актуальным представляется обращение к фигуре последнего царского министра финансов П.Л. Барка в связи с политикой в финансовой области, проводимой начиная с января 1914 г. вплоть до Февральской революции.

Изучение проблем финансовой политики России периода первой мировой войны было начато отечественными экономистами еще до ее окончания. В 1915 г. Обществом имени А.И. Чупрова при Московском университете была создана Комиссия по вопросу о финансовой реформе и начали выпускаться сборники «Вопросы финансовой реформы в России», в которых рассматривались самые разные стороны финансовой политики правительства[1]. В годы войны также вышли посвященные финансам и финансовой политике России военного периода работы А.И. Ильина, З.С. Каценеленбаума, В.Т. Судейкина, М.И. Туган-Барановского, С.С. Хрулева, С.Н. Прокоповича, И.А. Михайлова, Г.Д. Дементьева[2]. Финансовые

[1] *Соболев М.Н.* Перестройка финансовой системы России в связи с введением подоходного и поимущественного налогов // Вопросы финансовой реформы в России. Т. 1. Вып. 1. М., 1915. С. 1–12; *Веселовский Б.Б.* Современное положение местных финансов и ближайшие меры к урегулированию их // Там же. С. 13–23; *Поплавский И.А.* Железнодорожный налог и условия пересмотра железнодорожных тарифов в России в 1914–15 году // Там же. С. 24–140; *Гензель П.П., Соколов А.А.* К вопросу о финансовой реформе в России // Там же. Т.1 . Вып. 2. М., 1916. С. 1–4; *Соколов А.А.* Подоходный налог // Там же. С. 5–18; *Гензель П.П.* Проект подоходного налога // Там же. С. 19–23; *Твердохлебов В.Н.* О реформе прямых налогов в России // Там же. С. 50–75; *Гензель П.П.* Обзор податных мер к немедленному осуществлению // Там же. Т. 1. Вып. 3. М., 1917. С. 1–48; *Гензель П.П.* Перечень мер к немедленному осуществлению в области денежного обращения и государственного кредита // Там же. Т. 3. Вып. 1. М., 1917. С. 1–123.

[2] *Ильин А.И.* К вопросу о мобилизации государственных и общественных финансов для нужд военного времени. Екатеринослав, 1914; *Каценеленбаум З.С.* Война и русский руль. М., 1915; *Судейкин В.Т.* Война и наша финансовая политика. Пг., 1915; *Туган-Барановский М.И.* Откуда берутся деньги для войны. Пг., 1917; *Хру-*

сов и юстиции. В ответ Германия запретила транзит через свою территорию в Швейцарию русского мяса, на что Барк обращал внимание министра иностранных дел[77]. В это же время П.Л. Барк участвовал в работах по пересмотру русско-китайского договора 1881 г., в частности по урегулированию тарифных вопросов[78]. 13 января 1912 г. П.Л. Барк вошел в состав Совещания для обсуждения проекта положения о торгово-промышленных палатах под председательством С.И. Тимашева[79].

В 1913 г. П.Л. Барк занял пост председателя Комиссии по пересмотру торговых договоров, срок которых близился к истечению. Аналогичные комиссии были образованы при Редакции периодических изданий Министерства финансов (под председательством Н.Н. Покровского) и при сельскохозяйственном ведомстве (под председательством А.В. Кривошеина). Первое заседание комиссии под председательством Барка состоялось 30 мая 1913 г. Барк определял ее задачу как «подробное ознакомление с ходом подготовительных работ к пересмотру торговых договоров». Комиссия должна была в первую очередь изучить условия сбыта русского зерна и движение хлебных цен. Эту работу предполагалось завершить к концу 1914 г. Одновременно с началом работы Комиссии учреждениям по части торговли и промышленности и чинам фабричной инспекции и горного надзора Барком был разослан циркуляр, в котором указывалось, что в 1917 г. предстоит заключение новых торговых договоров и в связи с этим необходим пересмотр таможенных тарифов, для чего была образована особая таможенная комиссия под председательством Н.П. Лангового. Все учреждения торгово-промышленного ведомства обязывались представлять в Комиссию Лангового все необходимые ей сведения[80].

По своей должности товарища министра торговли и промышленности П.Л. Барк также делал представления в Совет министров об учреждении различных акционерных обществ и изменении их уставов[81], а также принимал участие в разработке промышленного законодательства. Так, в декабре 1911 г. он участвовал в работе собранного под председательством самого министра торговли и промышленности С.И. Тимашева междуведомственного совещания для рассмотрения разногласий при обсуждении проекта правил об открытии про-

---

[77] Журнал Особого совещания при Министерстве торговли и промышленности по возбужденному германским правительством вопросу о несоответствии проектируемого воспрещения вывоза из Империи за границу русской платины со ст. 5 действующего русско-германского торгового договора. 13 февраля 1912 г.: Там же. Оп. 8. Д. 54. Л. 110–121; П.Л. Барк — С.Д. Сазонову. 22 апреля 1913 г.: Там же. Д. 66. Л. 189–190.

[78] П.Л. Барк — А.А. Нератову. 10 сентября 1912 г.: Там же. Д. 223. Л. 222–223. См.: *Воскресенский А.Д.* Дипломатическая история русско-китайского Санкт-Петербургского договора 1881 года. М., 1995.

[79] Журнал Совещания для обсуждения проекта положения о торгово-промышленных палатах 23 января — 11 февраля 1912 г.: РГИА. Ф. 23. Оп. 9. Д. 275. Л. 1. О проектах образования торгово-промышленных палат см.: *Епифанова Л.М.* Представительство интересов: биржевые общества и комитеты // История предпринимательства в России. Кн. 2. Вторая половина XIX — начало XX века. М., 1999. С. 314–327.

[80] Управляющий канцелярией министра торговли и промышленности — В.Д. Сибилеву. 6 апреля 1913 г.: РГИА. Ф. 23. Оп. 8. Д. 66. Л. 187; Журнал Особой комиссии, образованной при Министерстве торговли и промышленности для рассмотрения вопросов общего характера, касающихся подготовительных работ по пересмотру торговых договоров с Германией и другими странами. 30 мая 1913 г.: Там же. Л. 194–202; Циркуляр П.Л. Барка учреждениям по части торговли и промышленности, чинам фабричной инспекции и горного надзора. 31 мая 1913 г.: Там же. Л. 223–224; Справка о ходе работ по подготовке к пересмотру торговых договоров [1914 г.]: Там же. Ф. 1276. Оп. 8. Д. 452. Л. 194; Журнал Сельскохозяйственного комитета по пересмотру торговых договоров. 14 мая 1913 г.: Там же. Л. 215.

[81] Об этом см.: Там же. Оп. 9. Д. 152. М.М. Андронников в 1914 г. сообщал И.Л. Горемыкину, что «в бытность товарищем министра... Барк утвердил устав акционерного общества "Нобель и Лесснер" для выделки мин и подводных лодок, за что получил от учредителей часть акций нового выпуска по подписной цене» (М.М. Андронников — И.Л. Горемыкину. [1914 г.]: Там же. Ф. 1617. Оп. 1. Д. 65. Л. 11).

ышленных предприятий, где торгово-промышленное ведомство настаивало на передаче в его ведение из Министерства внутренних дел права предоставлять разрешение на образование таких предприятий[82]. В 1912 г. П.Л. Барк стал представителем Министерства торговли и промышленности в образованном также под председательством С.И. Тимашева Междуведомственном совещании для обсуждения вопроса о синдикатах и трестах. В частности, 8 февраля 1912 г. П.Л. Барк выступал перед членами Государственной думы по поводу возможного образования металлургического треста и заявлял, что «переговоры, которые происходили между заводами, с одной стороны, и представителями иностранного капитала — с другой, не привели ни к каким практическим результатам, и трест этот не состоялся»[83]. П.Л. Барк также председательствовал в созданном при торгово-промышленном ведомстве Особом совещании для обсуждения вопроса об акционерном землевладении. Совещание было созвано по решению Совета министров от 9 апреля 1913 г., в котором обращалось внимание на «нежелательность» сосредоточения в руках акционерных обществ крупных земельных массивов, которыми Общества завладевают иногда вопреки положениям своих уставов. Совещание отказалось от проекта назначать в акционерные общества особых правительственных уполномоченных, так как пришлось бы значительно расширить штат чиновников, и остановилось на предложении Главного управления землеустройства и земледелия осуществлять в этом смысле «контроль» над акционерными обществами через местные учреждения сельскохозяйственного ведомства[84].

В 1913–1914 гг. фигура П.Л. Барка вновь привлекла к себе внимание правительственных и придворных «сфер» в связи с интригой В.П. Мещерского и А.В. Кривошеина против В.Н. Коковцова[85]. В условиях, когда назначение высших должностных лиц в системе исполнительной власти оставалось после 1906 г. прерогативой монарха, противостояние группировок в «верхах», которое неизбежно выливалось в форму закулисной интриги, продолжало оставаться в арсенале важнейших средств политической борьбы с целью оказать влияние на правительственный курс. В.С. Дякин, изучая проблему расстановки политических сил в России в конце 1913 — начале 1914 гг., отмечал, что «в условиях полусамодержавного режима и при невозможности для министров открыто исповедовать политическую, а не чисто ведомственную программу «подкоп» под Коковцова мог оказаться успешным только в форме дворцовой интриги». В мотивах действий одного из основных организаторов этой интриги «либерала» Кривошеина, который принципиально расходился с Коковцовым в подходах к дальнейшему развитию финансовой политики, по мнению В.С. Дякина, «не просто отделить его подлинные цели от демагогического прикрытия, связанного с тем, что рассчитывать на успех у Николая и его окружения можно было только в союзе с крайне правыми». Историк также отмечал, что «поддержка Мещерского была в буквальном смысле слова куплена Кривошеиным». По всей видимости, «купил» Кривошеин, в частности, и поддержку кандидатуры Барка на министерский пост со стороны не так давно разоблачавшего его аферы в Волжско-Камском банке издателя «Гражданина». В.С. Дякин также обращал внимание

[82] Журнал Особого междуведомственного совещания для рассмотрения разногласий, возникших при обсуждении проекта правил о порядке устройства и открытия заведений фабрично-заводской и ремесленной промышленности. 5 декабря 1911 г.: Там же. Ф. 1276. Оп. 8. Д. 106. Л. 48.

[83] Государственная дума. Третий созыв: Стенографические отчеты. 1912 г. Сессия пятая. Часть II. СПб., 1912. Стб. 1848–1849.

[84] Журнал Междуведомственного совещания... по вопросу об условиях приобретения акционерными компаниями внегородских недвижимостей. 30 мая 1913 г.: РГИА. Ф. 1276. Оп. 9. Д. 232. Л. 16–27.

[85] Журнал Междуведомственного совещания... по вопросу об условиях приобретения акционерными компаниями внегородских недвижимостей. 30 мая 1913 г.: Там же.

на то, что глава сельскохозяйственного ведомства «старательно афишировал свои дружеские связи в правом лагере»[86]. К делу были привлечены и другие министры и представители камарильи. «Интрига велась с двух концов — официально министрами... больше всего Кривошеиным и Маклаковым, и неофициально — Мещерским, Богдановичем, Распутиным[87] (при том, что Богданович в это время являлся противником «старца». — *С.Б.*) плюс Витте», — сообщал по свежим впечатлениям В.В. Мусин-Пушкин своему тестю, наместнику на Кавказе И.И. Воронцову-Дашкову[88]. Впоследствии на допросах в Чрезвычайной следственной комиссии С.П. Белецкий и А.Н. Хвостов показывали, что известную роль в проведении Барка на министерский пост сыграл также скандально известный петербургский банкир И.П. Манус, который финансировал «Гражданин» и даже писал в нем под псевдонимом «Зеленый»[89]. П.Л. Барк не был в то время единственным кандидатом на пост министра финансов, назывались также имена директора Кредитной канцелярии Л.Ф. Давыдова и С.В. Рухлова. «Горемыкин... боролся с Дурново, а Барк с Рухловым», — сообщал В.В. Мусин-Пушкин в цитированном уже письме И.И. Воронцову-Дашкову [90]. Что касается кандидатуры Л.Ф. Давыдова, то, по свидетельству Г.П. Сазонова, «банки желали Барка. Давыдова боялись»[91]. По мнению члена Государственного совета А.Д. Зиновьева, Барк был «пешкой» в игре, где Кривошеин являлся «главной пружиной», Мещерский — «рычагом», Витте — «добровольным поддужным», а Горемыкин — «ширмой»[92]. Барк был кандидатом А.В. Кривошеина, и тот настоял на своем. По свидетельству В.И. Гурко, претензии на выдвижение фигуры Барка предъявлял также и С.Ю. Витте, однако сам Гурко в этом сомневался, указывая на то, что «приписывать себе инициативу в том или другом правительственном акте, не служившем предметом его [Витте] нападок, было приемом, им издавна усвоенным». Сам Барк впоследствии отмечал, однако, что Витте «по многим причинам... был доволен назначением меня на пост министра финансов»[93]. Что касается возможного участия в проведении Барка на эту должность Г.Е. Распутина, который выступал «союзником» Мещерского и Кривошеина, то здесь в качестве яркого штриха можно указать на обращенное к Барку в то время, когда он уже был министром, письмо Распутина с просьбой содействия приему в залог по рассрочке уплаты акциза за сахар имения Ф.И. Ярошинского (брата известного банкира), с чем возникла какая-то заминка. «Старец» уверял министра, что «дело» Ярошинского «правое, и затруднения чисто формальные (письмо написано чужой рукой, только подписано Распутиным и отличается не свойственной ему ясностью слога, что было

---

[86] *Дякин В.С.* Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. Разложение третьеиюньской системы. Л., 1988. С. 162, 163, 171, 176.

[87] О том, что Коковцов «очень занессы» и царь «его... скоро прогонит», Распутин говорил на завтраке, устроенном в 1913 г. банкиром и журналистом А.Ф. Филипповым. О своем невольном союзнике С.Ю. Витте в затеянной против Коковцова интриге «старец» говорил, что тот «первый в России умник», но «Папу и Маму мало почитает... Все норовит по-своему. А Папа и Мама этого не любят» (см.: *Ананьич Б.В.* Банкирские дома в России 1860–1914 гг. Очерки истории частного предпринимательства. Л., 1991. С. 141).

[88] В.В. Мусин-Пушкин — И.И. Воронцову-Дашкову. 18 февраля 1914 г. // Красный архив. 1933. Т. 6 (61). С. 132.

[89] Падение царского режима. Т. 1. Л., 1924. С. 17; *Масанов И.Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. Т. 1. М., 1956. С. 392.

[90] В.В.Мусин-Пушкин — И.И.Воронцову-Дашкову. 18 февраля 1914 г. // Красный архив. 1933. Т. 6 (61). С. 132.

[91] Сазонов Г. П. Автобиография [не ранее 1923 г.]: РГИА. Ф. 1659. Оп. 1. Д. 1. Л. 24.

[92] *Дякин В.С.* Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. Разложение третьеиюньской системы. С. 173.

[93] *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 639; *Барк П.Л.* Воспоминания // Возрождение. 1965. № 159. С. 81–82.

связано с деловым характером просьбы. — *С.Б.*)». Барк не удовлетворил просьбу «старца», а само его письмо, которое в общем-то могло его дискредитировать, хранил в своем банковском сейфе, откуда оно и было извлечено после революции[94].

26 января 1914 г. царь записал в своем дневнике: «От 4 до 5 ч[асов] принимал Барка». В этот день ему было объявлено о назначении управляющим Министерством финансов, и он изложил свою финансовую программу, в частности выдвинул проект введения подоходного обложения, и отметил, что «нельзя строить благополучие казны на продаже водки»[95]. Д. Ливен в своей книге о высшей русской бюрократии обращает внимание на приведенный Барком в своих воспоминаниях ответ Николаю II на вопрос царя о том, почему тот поменял службу в банке, которая приносила большие доходы, на более скромное жалование коронного чиновника. Барк тогда будто бы ответил царю, что предпочитает службу на благо родины служению частным интересам[96]. Вполне возможно, что как вопрос царя, так и ответ на него были просто придуманы Барком-мемуаристом (склонность к патетике в известной мере свойственна «Воспоминаниям» Барка). В самом деле, трудно предположить, чтобы царь не знал о довольно широко обсуждаемых в «свете» и повлекших за собой трагические последствия обстоятельствах, которые сопровождали Барка после его ухода из Волжско-Камского банка, чему не минуло к этому времени еще и трех лет. Однако если такой диалог все же состоялся, то ответ Барка на явно провокационный вопрос царя говорит не о «благородстве» кандидата на министерский пост, как о том можно судить из контекста, предложенного английским историком, а о свойственном будущему министру исключительном и даже, может быть, показном цинизме, который проявлялся на протяжении всей его карьеры неоднократно.

Характерно, что В.Н. Коковцов узнал о своей отставке только три дня спустя после данной Барку аудиенции. Положение Барка было настолько щекотливым, что на следующий день после приема у императора ему пришлось солгать С.И. Тимашеву, заявив, что у царя он не был. Склонность Барка извращать факты, даже не считаясь с возможными последствиями, уже отмечалась. Такое поведение было характерно для него и в дальнейшем[97].

В рескрипте Барку от 30 января 1914 г., написанном А.В. Кривошеиным у себя на квартире в присутствии нового премьера И.Л. Горемыкина, главноуправляющий землеустройством и земледелием изложил от имени царя свои воззрения на дальнейшее развитие финансовой политики, не опирающейся на доходы от винной монополии. Кроме того, Кривошеин

---

[94] Г.Е. Распутин — П.Л. Барку. 4 июня 1915 г.: РГИА. Ф. 1102. Оп. 1. Д. 207. Л. 2; *Фурсенко А.А.* Концерн К.И. Ярошинского в 1917–1918 гг. // Проблемы социально-экономической истории России. К 100-летию со дня рождения Бориса Александровича Романова. СПб., 1991. С. 266. Характерно, что, отказав «старцу» в его просьбе похлопотать за Ф.И. Ярошинского, Барк не смог до конца отказать В.П. Мещерскому в просьбе устроить в Совет Сибирского банка «приживальщика» издателя «Гражданина» Н.Ф. Бурдукова. Несмотря на то, что один из руководителей банка Э.К. Грубе был школьным товарищем и бывшим подчиненным Барка по службе в Учетно-ссудном банке Персии, он не смог удовлетворить ходатайство нового министра и дело ограничилось выплатой Бурдукову 25 тыс. руб. «отступного». Новым министром финансов было также дано обещание предоставить Н.Ф. Бурдукову и И.П. Манусу «концессию» на учреждение в Польше ипотечного банка (В.Н. Коковцов — М.М. Андронникову. 21 февраля 1914 г.: РГИА. Ф. 1617. Оп. 1. Д. 353. Л. 17).

[95] Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 445; *Барк П.Л.* Воспоминания // Возрождение. 1965. № 157. С. 61–62.

[96] См.: *Lieven Dominic.* Russia's Rulers under the Old Regime. New Haven; London, 1989. P. 145.

[97] *Барк П.Л.* Воспоминания // Возрождение. 1965. № 157. С. 63; *Ганелин Р.Ш.* Россия и США. 1914–1917 гг. Л., 1969. С. 109.

устами царя посетовал на отсутствие у «народа... в тяжелую минуту нужды денежной поддержки путем правильно поставленного и доступного кредита»[98].

В январе 1914 г. не только сменился глава финансового ведомства, во многом изменилось его руководство. Вслед за В.Н. Коковцовым оставили свои посты в министерстве такие ключевые фигуры, как директор канцелярии министра Е.Д. Львов, директор Кредитной канцелярии Л.Ф. Давыдов, которого также прочили в министры, управляющий Государственным банком А.В. Коншин, ответственный за составление бюджета начальник бухгалтерского отдела Департамента государственного казначейства Г.Д. Дементьев. Их заменили соответственно бывший начальник отделения канцелярии Совета министров С.Г. Федосьев, бывший управляющий Кассой городского и земского кредита Д.И. Никифоров, член Государственного совета, а в прошлом министр финансов И.П. Шипов и помощник Г.Д. Дементьева по бухгалтерскому отделу С.А. Голованов. Покидая свой пост, Г.Д. Дементьев, по свидетельству Коковцова, говорил последнему, что «не может оставаться под начальством нового человека, не подготовленного к тому делу, которым он призван руководить»[99]. Невысоко оценивал способности П.Л. Барка и один из руководителей Русско-Азиатского банка М. Верстрат, весьма осведомленный о том, что происходило в правительственных «верхах». Впоследствии он писал в своих воспоминаниях, что и Барк и Горемыкин «оба... не стоили Коковцова»[100].

Сам Коковцов вспоминал, что Барк, приехав к нему в день публикации рескрипта 30 января, просил «помощи и совета в выпавших на его долю столь неожиданно трудных обстоятельствах», однако Коковцов будто бы оборвал его, заявив, что «совершенно бесцельно вести дипломатические беседы», что отношения Барка с Мещерским для него, Коковцова, «не составляют тайны». Самого же издателя «Гражданина» Коковцов не без основания считал своим «наиболее влиятельным... противником» и «душой» составленной против него коалиции[101], победа которой привела к смене руководителей русского финансового ведомства и отчасти к изменению общего политического курса российского правительства.

«Новый курс», проводимый в первой половине 1914 г. правительством Горемыкина — Кривошеина стал противоречивым сочетанием попыток власти прийти к соглашению с Думой и возродить элементы консервативной политики достолыпинского периода, с чем неразрывно было связано имя нового главы правительства И.Л. Горемыкина, возвращение которого к власти приветствовали практически все правые политические группировки, которые выступали с «антипарламентских» позиций. Такого рода противоречие «нового курса» в целом нашло свое выражение и в финансовой политике предвоенных месяцев 1914 г.

2. Во главе Министерства финансов

Итак в начале 1914 г. П.Л. Барк занял пост главы одного из важнейших наряду с Министерством внутренних дел ведомств в гражданском управлении Российской империи. Недаром только для министра внутренних дел и министра финансов допускалось совмещение их должности с постом председателя Совета министров. К тому времени, когда Барк вступил в

98 См.: *Кривошеин К.А.* А.В. Кривошеин (1857–1921). Его значение в истории России начала XX века. Париж, 1973. С. 179; *Дякин В.С.* Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. С. 216.

99 *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. Кн. 2. С. 239.

100 См.: *Беляев С.Г.* Морис Верстрат и его мемуары // Российская интеллигенция на историческом переломе. Первая треть XX века. СПб, 1996. С. 219.

101 *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания. 1903–1919 гг. Кн. 2. С. 243, 257.

конопроектов о производстве казенных расходов. Департаменту подчинялись Монетный двор и Главное казначейство, являвшееся расходной кассой Министерства финансов, в которой хранились казенные суммы. Директором Департамента государственного казначейства до 29 мая 1914 г. был В.В. Кузьминский. После его перехода на должность товарища министра эту должность 23 июня 1914 г. занял управляющий Московской казенной палатой П.Н. Кутлер, младший брат Н.Н. Кутлера. Он оставался на этой должности до 7 апреля 1917 г.[104], когда его сменил Г.Д. Дементьев.

Сбором прямых и косвенных налогов заведовали соответственно Департамент окладных сборов и Главное управление неокладных сборов и казенной продажи питей. Департамент окладных сборов был образован 15 апреля 1863 г. при разделении Департамента разных податей и сборов с включением во вновь создаваемый Департамент Управления земскими повинностями, которое ранее состояло в ведении Департамента государственного казначейства (до передачи в 1903 г. управления земским хозяйством в Министерство внутренних дел). В Департаменте окладных сборов велся учет перехода земельных имуществ от одних собственников к другим и оценка имуществ для их последующего обложения. При нем находилось Гербовое казначейство, где осуществлялся прием из Экспедиции заготовления государственных бумаг гербовых знаков и рассылка их в казенные палаты. Департаментом с 1906 г. управлял А.А. Вишняков. Он сохранил свою должность вплоть до 13 марта 1917 г., когда его сменил Г.М. Курило.

Взимание акцизов и пошлин (гербовых и канцелярских), а также руководство винной монополией были сосредоточены в Главном управлении неокладных сборов и казенной продажи питей, учрежденном 6 мая 1896 г. при введении С.Ю. Витте питейной монополии взамен упраздненного тогда же Департамента неокладных сборов. Главное управление состояло из Канцелярии, Отдела неокладных сборов и Отдела казенной продажи питей. 7 марта 1914 г. начальника Главного управления И.И. Новицкого, совмещавшего эту должность с постом товарища министра финансов, сменил С.С. Хрипунов. Он оставался на своей должности до 13 марта 1917 г. Затем этот пост занял известный экономист М.И. Фридман.

Взиманием таможенных пошлин ведал Департамент таможенных сборов, учрежденный 6 октября 1864 г. на основе Департамента внешней торговли в связи с передачей дел по внешней торговле в Департамент торговли и мануфактур. Департамент таможенных сборов осуществлял также управление таможнями и разработку таможенного законодательства, собирал статистические данные о внешней торговле, осуществлял введение таможенных тарифов. В начале 1914 г. во главе Департамента стоял С.Д. Ган, которого на этом посту 3 марта 1914 г. сменил С.А. Шателен. Он оставался во главе Департамента до 17 октября 1916 г. и впоследствии занял пост директора Общей канцелярии министра финансов. С этого времени и до Февральской революции во главе Департамента таможенных сборов находился С.А. Гринвальд.

Вопросами, связанными с железнодорожными тарифами, ведал Департамент железнодорожных дел Министерства финансов, учрежденный 8 марта 1889 г. в связи с введением в действие временного Положения о железнодорожных тарифах и об учреждениях по тарифной части в составе Министерства финансов. Департамент подразделялся на Тарифный и Финансовый отделы. Тарифный отдел ведал разработкой тарифов на перевозку пассажиров и различных грузов и изменением тарифов в связи с международными торговыми догово-

[104] См.: *Кутлер П.П.* Воспоминания П.Н. Кутлера (1865–1942) — последнего директора Департамента казначейства Российской империи // Из глубины времен. 1999. № 11. С. 199–200.

1. Бюджет 1914 г.

Министр финансов В.Н. Коковцов внес проект бюджета на 1914 г. в законодательные палаты 1 октября 1913 г.[11] Сумма бюджета в проекте составляла 3 558 261 499 руб. Ординарные доходы планировались в сумме 3 521 697 282 руб., экстраординарные — 13 400 000 руб. Ординарные расходы должны были составить 3 302 675 714 руб., экстраординарные расходы — 225 585 785 руб. Общее положительное сальдо бюджета должно было, таким образом, достигать 112 млн руб. В.Н. Коковцов, как всегда, особо подчеркивал нецелесообразность слишком быстрого среднего ежегодного прироста доходов, который должен был, по его мнению, ограничиваться суммой 200 млн руб. «для сохранения соответствия между доходами и расходами». Впрочем, внесенный В.Н. Коковцовым проект бюджета рассматривался в палатах и их комиссиях в основном уже при новом министре П.Л. Барке (см. табл. 1).

Наиболее доходной статьей ординарного бюджета должна была остаться винная монополия (26,6% ординарных доходов)[12], 60,8% ординарных доходов планировалось получить от различных налогов и пошлин, которые, включая винную монополию, достигали, в пересчете на душу населения 12 руб. 24 коп. (разумеется, этот показатель имеет лишь формальное значение).

В числе статей проекта расходной части ординарного бюджета (см. табл. 2) выделяется статья расходов по выплатам государственных займов, уступающая только статьям расходов по гражданскому управлению и обороне. К 1 января 1913 г. государственный долг России достиг 8 858 100 тыс. руб., а из указанной в соответствующей статье проекта суммы на уплату процентов должно было уйти 369 506 тыс. руб., оставшуюся сумму планировалось направить на погашение займов, а также на банковские и прочие расходы по их оплате.

Рассматривая распределение средств ординарных расходов по ведомствам (см. табл. 3), следует учитывать, что в сметы ведомств не входили расходы по государственным займам и 10-миллионный фонд на «экстренные в течение года надобности».

Экстраординарные расходы в проекте бюджета 1914 г. (см. табл. 4) составляли сумму, примерно равную бюджету Морского министерства. Экстраординарные бюджетные расходы предполагалось покрывать из экстраординарных поступлений от «вечных» вкладов в Государственный банк (1,4 млн руб.), от возмещения казне долгов по общему продовольственному капиталу (12 млн руб.); в счет экстраординарных доходов казны входило также положительное сальдо ординарного бюджета (в проекте росписи на 1914 г. — 219 021 568 руб.), остаток должен был покрываться за счет свободной наличности казначейства. Здесь В.Н. Коковцов высказывал надежду, что можно будет «достигнуть полного равновесия между расходами и доходами на 1914 г., не прибегая... к свободной наличности», запасы которой, считал министр финансов, освобождают казну от необходимости заключения обременительных займов на внешних рынках и служат источником покрытия непредвиденных внебюджетных расходов[13].

Министерский законопроект поступил на рассмотрение бюджетной комиссии Думы и Финансовой комиссии Государственного совета. При всей ограниченности бюджетного права нижней палаты оно не было фиктивным. С.И. Тимашев впоследствии вспоминал, что

[11] В.Н. Коковцов — С.Е. Крыжановскому. 1 октября 1913 г.: Там же. Ф. 1158. Оп. 1. 1914 г. Д. 187. Л. 1.
[12] См. главу III.
[13] Проект государственной росписи доходов и расходов на 1914 год с объяснительною запискою министра финансов. Ч. 1. СПб., 1913. С. 129.

в бюджетную комиссию Думы «являлись как бы на экзамен или скорее на суд... все ведомства, одно за другим»[14]. Бюджетная комиссия Государственной думы увеличила общую сумму ординарных расходов до 3 571 159 258 руб., полагая, что «исчисленная комиссией цифра ожидаемого дохода по своему приросту... приближается к среднему возрастанию обыкновенных доходов». Наиболее значительному увеличению подверглись доходы от промыслового налога (11 млн руб.), что было мотивировано ссылками на значительный прирост капитала и прибылей торгово-промышленных предприятий и банков, а также на таможенные доходы (10 млн руб.), в то же время бюджетная комиссия учитывала ухудшение торгового баланса России, рост импорта и цен на товары, которые являлись предметом внешней торговли. Увеличению подвергся также доход от винной монополии (8 745 тыс. руб.). В бюджетной комиссии Думы считали, что «за последнее время... поступление дохода от казенной продажи питей... всегда значительно превышало исчисленные по росписи суммы», в 1913 г. — на 61,6 млн руб., или на 7,3% против сметных предположений на этот год. Потребление казенного вина за этот год достигло 104 656 тыс. ведер, что было на 8 134 тыс. ведер больше, чем в предыдущем году. Задавшись целью «выяснить, является ли рост дохода от казенной винной операции такой неотъемлемой частью бюджета, без которой нельзя было бы успешно вести государственное хозяйство», бюджетная комиссия Думы отрицательно отвечала на этот вопрос, но лишь при условии не принимать в расчет военные расходы. Если за период 1908–1913 гг. расходы на гражданские нужды увеличились менее чем на 19%, то военные ассигнования — почти на 51%. При таком положении вещей, считала думская комиссия, «уже недостаточно доходов, лишенных прироста от продажи казенных питей». Бюджетная комиссия, отмечая, что предоставляемые Военному министерству на нужды обороны кредиты, осваиваются им отнюдь не полностью (за 1913 г. — лишь на 64,9%), в осторожной форме призывала к «некоторому замедлению тех расходов, которые не ведут к подъему производительных сил населения». Вместе с тем в одной из формул перехода Государственный совет при рассмотрении проекта росписи на 1914 г. требовал, чтобы «Военное министерство незамедлительно испросило ассигнование дополнительных средств на оборонительные работы в крепостях, дабы недостаток в кредитах не отдалил срока окончания тех работ, которые могли бы быть исполнены в текущем году»[15]. Здесь следует отметить, что, члены бюджетной комиссии, призывая не столь стремительно наращивать военные расходы, в достаточной степени понимали, что их предложения «мало основательны». Беспокойство по поводу «непроизводительных» военных расходов высказывались не только в думской комиссии. При обсуждении проекта государственной росписи на 1914 г. в верхней палате И.Х. Озеров обращал внимание на то, что «милитаризация бюджета» идет «гигантскими шагами».

Что же касается увеличения государственных доходов путем введения подоходного налога и увеличения уже существующего обложения, что могло бы дать прирост поступлений в общей сложности на 98 млн руб. (соответствующие законопроекты уже были представлены Министерством финансов), то бюджетная комиссия замечала, что при введении новых налогов будет неизбежным сокращение поступлений от налогов уже действующих, а также вздорожают товары, что вынудит казну увеличить расходы. Относительно введения новых государственных монополий в дополнение к винной бюджетная ко-

[14] Тимашев С.И. Записки: РГАЛИ. Ф. 1208. Оп. 1. Д. 48. Л. 61.

[15] С.Е. Крыжановский — И.Л. Горемыкину. 21 июня 1914 г.: РГИА. Ф. 1158. Оп. 1. 1914 г. Д. 187. Л. 953 об.

миссия полагала, что «осуществление этих... мер требует... чрезвычайно осторожного проведения ввиду трудности учесть результаты их действия».

Бюджетной комиссией были значительно увеличены статьи табачного и лесного дохода (более чем на 900 тыс. руб. каждая), дохода от переходящих имуществ, различные пошлины, доходы от казенных оброчных статей и промыслов, сборы с питей, не относящиеся к винной монополии, а также китайская контрибуция. Некоторые другие статьи ординарных доходов подверглись увеличению в несколько более скромных масштабах. Экстраординарные ресурсы были оставлены думской комиссией без изменений. При дальнейшем рассмотрении бюджета новый министр финансов П.Л. Барк, высказывая сомнения в том, что «сумма военного вознаграждения Китая поступит полностью», ни словом не обмолвился об увеличении почти на 9 млн руб. питейного дохода и в принципе согласился с изменениями, внесенными в доходные статьи бюджета.

Тем не менее обсуждение в думской бюджетной комиссии доходной части государственной росписи не могло не стать предметом дискуссии между думцами и чинами Министерства финансов по различным вопросам финансовой политики. Бюджетная комиссия не обошла вниманием поднятый в 1913–1914 гг. вопрос о депозитах русской казны за границей. В частности, отмечалось, что начисляемые по таким вкладам проценты всегда ниже официального учетного процента, при этом наименьший процент начисляется в Париже, а наибольший в Берлине. Отвечая бюджетной комисии, Барк ссылался на то, что размеры находящихся за границей казенных вкладов «учесть вперед очень трудно», так как они колеблются в зависимости от размеров русского экспорта, уменьшаясь при его росте и увеличиваясь при сокращении. Свое выступление министр финансов закончил характерным для его речей ни к чему не обязывающим общим пожеланием «стремиться... к тому, чтобы размеры запаса (наличности за границей. — *С.Б.*) были сколь возможно малы».

Обратившись к доходам казны от принадлежавших ей ценных бумаг, бюджетная комиссия обращала внимание на то, что среди них есть такие, которые «совершенно не приносят дохода и даже едва ли имеют какую-нибудь ценность». Именно по последней причине казна не могла подобные бумаги нигде реализовать. Впрочем, казначейство владело и такими бумагами, которые представляли собой выморочное имущество, как, например, обязательства несостоятельной банкирской конторы Печенкина[16]. Не лучше было положение с облигациями Китайско-Восточной железной дороги. В свое время трудности с их реализацией на рынке привели к тому, что суммы на сооружение дороги выплачивались самим казначейством. Впоследствии, уже по окончании строительства дороги, часть которой отошла после русско-японской войны к Японии, возникли трудности с начислением процентов по этим облигациям.

В бюджетной комиссии был поставлен также вопрос о недостаточности правительственного контроля за деятельностью банков и обществ взаимного кредита и о кредитной политике, проводимой Государственным банком. Директор Кредитной канцелярии Л.Ф. Давыдов заявлял в бюджетной комиссии, что возможности Министерства финансов осуществлять контроль за частными банками зависит от «пространства прав... предоставленных действующим законом министру финансов... и размера денежных средств, имеющихся в распоряжении Канцелярии...». Впрочем, Государственная дума и без таких, вполне прозрачных намеков директора Кредитной канцелярии благожелательно отнеслась к проекту расширения ее штатов. Соответствующий законопроект был внесен в Думу 12 сентября 1913 г. Ратуя за усиление бюрократического контроля за деятельностью банков вообще, бюджетная комиссия обращала особенное внимание на банкирские дома, учреждаемые явочным порядком «с большой легкостью без всяких гарантий надлежащих нравственных качеств и имущественной состоятельности учредителей». Что касается политики Государственного банка, то здесь П.Л. Барк признавал «затруднительным» представить «какую-либо определенную программу», заметив лишь, что Государственный банк должен быть в первую очередь эмиссионным учреждением, хранителем золотого запаса, и в связи с этим не иммобилизовать свои ресурсы в долгосрочных соловексельных и промышленных операциях. Министр финансов отверг прозвучавшее в бюджетной комиссии Думы «обвинение» в том, что Государственный банк становится банком банков, «которые, в свою очередь, все более... овладевают промышленностью и как бы монополизируют ее». Барк объяснял думцам, что Государственный банк, просто не имея возможности кредитовать промышленность, со своей стороны не вправе отказывать в кредите частным банкам, предоставляющим промышленности оборотные средства. Борьба же с синдикатами, продолжал министр финансов, «лежит вне сферы влияния Министерства финансов». Помощь Государственного банка сельскому хозяйству министр представлял как развитие операций ссуд под хлеб. Кроме того, он повторил положения своей программы о необходимости организации кредита для крестьян-собственников и развития в стране системы мелкого кредита.

Дискуссия между думцами и Министерством финансов не дала последнему возможности сохранить в неприкосновенности проект росписи, представленный в бюджетную комиссию (см. табл. 5). Увеличив одни расходные статьи смет государственных учреждений и ведомств и сократив другие, бюджетная комиссия Думы в целом сократила расходную часть ординарного бюджета на 3,6 млн руб.

Увеличение расходных статей в основном относилось к военным расходам (заготовление провианта и фуража, вещевое довольствие войск и т.д.) при одновременном сокращении расходов на перевозку войск, строительство казарм и денежное довольствие. Рост расходов по Министерству финансов относился к винной монополии и был вызван ростом цен на спирт, а также расходами по его ректификации и транспортировке. Значительному урезыванию подверглись расходы Министерства путей сообщения по приобретению подвижного состава и улучшению железных дорог, за счет чего, собственно, и было достигнуто сокращение расходной части ординарного бюджета. Думская бюджетная комиссия увеличила также экстраординарные расходы, внеся в эту статью кредит на выкуп, начиная с 19 декабря 1913 г. 4,5-процентного государственного займа 1905 г. Таким образом, по проекту бюджетной комиссии роспись должна была сводиться с положительным сальдо 32 310 090 руб.

Думская бюджетная комиссия, отметив в своем докладе, что, опираясь на данные отчета государственного контролера, объем свободной наличности казначейства на 1 января 1914 г. можно определить в 515,5 млн руб., посетовала на то, что сверхсметные ассигнования казны за последнее время «достигают значительных размеров». В 1913 г. из средств свободной наличности было ассигновано 108 млн руб. и сверх того 40 млн руб. за счет сбережений по росписи 1913 г. Соответственно сверхсметные ассигнования делали бессмысленной работу бюджетной комиссии по сокращению расходных статей бюджета. Бюджетная комиссия, кроме того, указывала, что «в проектах росписей (представляемых в палаты Министерством финансов. — *С.Б.*) недостаточно полно учитываются предстоящие издержки, большинство которых... известно правительству при составлении проекта росписи», а значительное число сверхсметных ассигнований, истощающих запас свободной наличности

[16] См.: *Ананьич Б.В.* Банкирские дома в России 1860–1914 гг. Очерки истории частного предпринимательства. Л., 1991. С. 27.

казначейства, «и притом на крупные суммы, может нарушить всякие расчеты по установлению баланса росписи и во всяком случае совершенно противоречит условиям правильного ведения бюджета»[17]. Сам законопроект о бюджете был, по предложению члена бюджетной комиссии октябриста И.В. Годнева (в будущем государственного контролера Временного правительства в первом и втором составе), подавшего 27 марта 1914 г. свое «особое мнение», был дополнен статьей, согласно которой «не вошедшие в государственную роспись... мелочные издержки, производимые министрами... могут быть относимы на имеющиеся или предвидимые сбережения лишь по тем главным подразделениям росписи, по которым означенные издержки возникли». Несмотря на то, что новая статья законопроекта о бюджете касалась «мелочных издержек», у самого вопроса была достаточно долгая история, и он вызвал оживленную дискуссию в «верхах», поскольку касался борьбы нижней палаты и правительства за контроль над бюджетом.

В свое время 14 марта 1868 г. Государственный совет постановил предоставлять министрам и главноуправляющим «по непосредственному сношению с министром финансов, производить... не вошедшие в финансовые сметы мелочные операции... производство коих может быть отнесено на имеющиеся или предвидимые сбережения». В соответствии с журналом Государственного совета, утвержденным 31 декабря 1868 г., министру финансов разрешалось делать «помимо Государственного совета распоряжения о производстве дополнительных сверхсметных расходов...». Ни тот, ни другой журнал не был опубликован. 8 февраля 1912 г. Дума приняла формулу перехода, где предлагалось считать эти постановления «имевшими отношение лишь к кредитам, занесенным в... росписи 1868 и 1869 гг. «Тогда же думцам возражал государственный контролер П.А. Харитонов, который заявил, что указанные журналы являются дополнением к сметным правилам 1862 г. и как таковые будут подлежать пересмотру при общем пересмотре сметных правил», но не ранее. Мысль о том, что указания журнала 14 марта 1868 г. не являлись органической частью сметных правил, а имели «лишь временный характер и определяли права и полномочия распорядителей кредитов в отношении лишь росписи на 1868 г., «прозвучала и в годневском «особом мнении». Ведомства, отмечал Годнев, вопреки указаниям сметных правил 1862 г., «производят собственной властью передвижения кредитов из одних главных подразделений [сметы] в другие». В связи с тем, что «неоднократные указания Государственной думы на допускаемые ведомствами... неправильности не приводят на деле к желаемым результатам, не остается ничего иного, как дополнить проект закона о ... росписи... новою статьею», — говорилось в поданном Годневым «особом мнении». Впрочем, его предложение касалось не самих «главных подразделений» ведомственных смет, а только лишь «мелочных издержек». Тем более показательна реакция на предложение Годнева дополнить закон о росписи новой статьей, последовавшая со стороны правительства и тех, кто занимал правые скамьи Государственного совета. В своем «весьма срочном» представлении председателю Совета министров И.Л. Горемыкину П.Л. Барк сразу же после указанного предложения Годнева обращал внимание премьера на то, что «право перечислять, по соглашению с министром финансов, кредиты из одного подразделения сметы в другое для удовлетворения мелочных потребностей... предоставлено министрам... как постоянно действующее право», а ст. 16 правил от 8 марта 1906 г. не может рассматриваться в качестве постановления, это право отменяющего[18]. Совет министров, в свою очередь, «полностью присоединился» к мнению министра финансов, а от публикации журнала 14 марта 1868 г. , на постановлении которого было основано оспариваемое Годневым право глав ведомств, «нашел предпочтительным... отказаться»[19]. Премьер-министр Горемыкин сам выступал по этому поводу в верхней палате, что было ему, как известно, не свойственно.

Бюджетные прения в общем собрании Думы открылись 22 апреля 1914 г. Заведующий Министерским павильоном Думы Л.К. Куманин так описывал расстановку политических сил накануне этих дебатов: «Среди фракций правого крыла провозглашается лозунг серьезного делового рассмотрения бюджета... Фракция правых считает своим долгом реагировать с равною силою против всяких эксцессов, слова и жеста со стороны оппозиционных групп, в особенности в тех случаях, когда острие бюджетной борьбы будет направлено против ненавистных оппозиции министров внутренних дел, юстиции и просвещения...». Сходной была позиция националистов и центра. Что касается «оппозиционного крыла», то здесь Куманин предупреждал, что «инициатива эффективных выступлений... исходит от кадетов», которые предусматривали отклонение смет Министерств внутренних дел, юстиции и народного просвещения, отклонение забронированных сметных параграфов и даже «отклонение бюджета в целом и, как последствие, роспуск Гос[ударственной] думы». С кадетами в общем солидаризовались прогрессисты, выступая только против отклонения сметы Министерства народного просвещения, поскольку такая позиция «может быть превратно истолкована населением». Наиболее «тяжким» находил Куманин положение земцев-октябристов во главе с председателем Думы М.В. Родзянко. Не желая роспуска Думы при отклонении ею бюджета, они «считают необходимым сохранить свое конституционное лицо и не губить своей политической репутации излишним сервилизмом».

Куманин отмечал также «резкую критику», которой подверглась в думских кулуарах бюджетная речь П.Л. Барка. Прогрессист А.С. Посников считал, что министр финансов выступил «без связи и плана», кадеты называли его речь «дешевыми словами», октябрист С.И. Шидловский говорил, что она «скучна, аляповата», хотя в ней «есть программа», чего никогда не было у предыдущего главы финансового ведомства В.Н. Коковцова. Куманин обращал внимание на то, что бюджетные прения открылись «в несколько повышенном направлении», и «оппозиционное настроение не только не ослаблялось, а наоборот, увеличивалось по мере подхода к рассмотрению финансовых смет тех ведомств, во главе которых стоят наиболее не одобряемые министры», однако «после рассмотрения сметы Министерства народного просвещения повышенное настроение в Думе и резкость критики упали, и деятельность отдельных ведомств... не только не подвергалась особо строгой критике, но, наоборот, частью вызвала полное одобрение»[20].

В.И. Тимирязев, выступивший докладчиком финансовой комиссии Государственного совета по проекту бюджета на 1914 г., в обзоре состояния народного хозяйства страны наряду с признанием того, что экономика России находится на подъеме, не мог не обратить

[17] Доклад бюджетной комиссии по государственной росписи доходов на 1914 г. // Доклады бюджетной комиссии по рассмотрению проекта государственной росписи доходов и расходов на 1914 год. Четвертый созыв. Сессия II. 1913–1914 гг. Вып. 5. СПб., 1914. № 49; Доклад бюджетной комиссии по государственной росписи доходов и расходов на 1914 г. // Там же. № 50.

[18] П.Л. Барк — И.Л. Горемыкину. 20 апреля 1914 г.: РГИА. Ф. 1276. Оп. 10. Д. 182. Л. 11.

[19] Особый журнал Совета министров. 24 апреля 1914 г.: Там же. Л. 34–35. Достойна быть отмеченной быстрота, с которой Совет министров рассмотрел касавшееся, казалось бы, столь незначительного вопроса представление министра финансов. Вопрос о применении закона от 14 марта 1868 г. вновь возник в мае 1915 г. Тогда Совет министров постановил «предоставить Министерству финансов озаботиться разработкою и последующим внесением в Государственную думу надлежащего по данному предмету законопроекта», который заменил бы акт 14 марта 1868 г. (Особый журнал Совета министров. 29 мая 1915 г.: Там же. Оп. 11. Д. 276. Л. 20).

[20] Донесения Л.К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 — февраль 1917 года // Вопросы истории. 2000. № 2. С. 9–27.

внимания на известные «затруднения» в нефтяной и угольной промышленности, а также на ухудшение торгового баланса, произошедшее в основном, как он считал, из-за неблагоприятных для России условий торгового договора с Германией, срок которого истекал в 1914 г. При продлении этого договора, полагал бывший министр торговли и промышленности, России будет необходимо «выговорить себе более льготные условия, настаивая на повышении тех статей нашего тарифа, которые имеют существенное для нас значение». При обсуждении доложенного Тимирязевым проекта бюджета в верхней палате сомнения по поводу такой возможности высказал И.Х. Озеров, который заметил, что «продиктует волю тот, кто силен, а мы с какой-то любовью консервируем нашу экономическую отсталость». В своем докладе Тимирязев подчеркивал также, что торговый баланс страны подрывается размещением русских казенных заказов за границей. Впрочем, было признано, что внутренний рынок России опережает в своем росте возможности отечественной индустрии. Большое внимание в докладе финансовой комиссии уделялось извечной проблеме пореформенного помещичьего хозяйства — нехватке рабочих рук; устранить ее предлагалось старым «путем соответственных законодательных и административных мер», на котором правительство уже неоднократно терпело неудачи. «Могучим средством подъема отечественного сельского хозяйства» признавался кредит, прежде всего краткосрочный, но для его развития, как констатировалось в докладе, «сделано в России пока очень мало».

Финансовая комиссия верхней палаты в отличие от бюджетной комиссии Думы урезала ассигнования по доходным статьям ординарного бюджета, относившимся к винной монополии, со ссылкой на «исполнение последовавших с высоты престола предуказаний об утверждении в населении трезвости». К осторожности в этом вопросе призвал своих коллег И.Х. Озеров, отмечая, что «наш бюджет питается налогами на потребление и долго еще он этими налогами... будет питаться». Озеров опасался, что следствием сокращения поступлений от винной монополии станут «прорехи в нашем бюджете». В том, что касалось расходных статей ординарного бюджета, финансовая комиссия верхней палаты в большинстве случаев увеличивала расходы по статьям, урезанным бюджетной комиссией Думы, но все же, как правило, не восстанавливала ставок первоначального проекта, представленного в палаты Министерством финансов. Увеличенными же (по сравнению с теми прибавками, что были сделаны думской бюджетной комиссией) оказались сметы Военного министерства (по Главному интендантскому управлению), Министерства народного просвещения и Государственного контроля. Сокращенные бюджетной комиссией сметы Главного артиллерийского управления и Главного управления Генерального штаба были увеличены, но не до уровня первоначального проекта росписи. В результате ординарные расходы возросли по сравнению с проектом бюджетной комиссии Думы на 18 723 080 руб. Поскольку финансовая комиссия отказалась утвердить запланированные бюджетной комиссией нижней палаты экстраординарные расходы по строительству подъездных путей, общая сумма бюджета в ее проекте сократилась до 3 609 452 871 руб. Из четырех разделов думского законопроекта о бюджете, касавшихся условных кредитов и кредитов на железнодорожное строительство, в проекте верхней палаты осталось, таким образом, два раздела — об установлении росписи и об условных кредитах.

В.И. Тимирязев предупреждал в своем докладе, что благоприятные условия сведения бюджета могут «измениться в худшую сторону и что удовлетворение вновь назревающих... потребностей» обяжет казну изыскивать новые источники дохода. В общем собрании Государственного совета докладчику финансовой комиссии вторил И.Х. Озеров, предрекая «полосу дефицитных бюджетов вследствие тех огромных расходов... и того, что... мы не развиваем... производительные силы страны». Однако в отличие от думской бюджетной комиссии в комиссии верхней палаты «при нынешнем состоянии платежных сил населения» отвергали проекты усиления налогового пресса. В.И. Тимирязев считал, что только благодаря свободной наличности казначейства «государство оказывается в состоянии произвести колоссальные затраты на усиление обороны, не прибегая для сего к дальнейшему напряжению платежных сил страны» (вместе с тем верхняя палата, закладывая в свой проект бюджета сумму ординарных расходов выше запланированной нижней палатой, не уменьшила экстраординарные расходы до такой степени, чтобы удержаться на уровне заимствований из фонда свободной наличности, предполагаемого в думском проекте росписи). В том, что касалось налоговых реформ, докладчика финансовой комиссии вновь поддержал И.Х. Озеров. Московский профессор скептически оценивал их перспективу: «надежда на прохождение подоходного налога... слаба. А если эта реформа и пройдет, то много она дать не может». Финансовая комиссия Государственного совета видела выход из положения в возобновлении отвергнутой Коковцовым политики государственных займов для покрытия экстраординарных расходов казны, прежде всего на железнодорожное строительство. Будет справедливым, считала комиссия, если участие в этих расходах примут «также и будущие поколения, которые будут пользоваться результатами означенных капитальных затрат». Вслед за бюджетной комиссией Государственной думы финансовая комиссия верхней палаты признала «нежелательным из года в год увеличение сверхсметных ассигнований», которое, как она полагала, может быть ограничено в порядке верховного управления особым постановлением Совета министров. Комиссия верхней палаты обратила также внимание на рост междуведомственной задолженности и задолженности государственных учреждений частным заводам и фирмам, порождаемой в первом случае «уверенностью в том, что другим казенным же учреждениям можно платить не сразу или же вовсе не платить». Наиболее крупным должником здесь являлось военное ведомство, которое задолжало железным дорогам, заводам, торговым фирмам и т.д. в общей сложности более 124 млн руб.

При обсуждении проекта бюджета в Государственном совете П.Л. Барк неизменно пытался не отступить от «предначертаний» рескрипта, данного ему при вступлении в должность за несколько месяцев до этого. Прежде всего он продекларировал, что «в течение многих лет бюджет наш сводится без дефицита (что в общем-то было преувеличением, поскольку без дефицита ординарный бюджет сводился начиная с 1906 г., но 1907, 1908 и 1912 гг. были «дефицитными». — *С.Б.*) с неизменным превышением обыкновенных доходов над обыкновенными расходами» и с «огромным» запасом золотой наличности, за счет которого покрывается дефицит экстраординарного бюджета. Затем министр финансов пообещал обратиться к насущным финансовым проблемам и прежде всего разработать программу «правильной и возможно широко поставленной организации доступного сельскохозяйственного кредита», которого уже много лет добивается сельскохозяйственное ведомство (кстати, глава этого ведомства сыграл не последнюю роль в проведении Барка на министерский пост). Новостью по сравнению с курсом, проводимым Коковцовым, отправленным в отставку, стало заявление нового главы финансового ведомства о том, что при намеченном росте военных расходов «естественный прирост доходов окажется недостаточным» и придется вновь обратиться к кредитным операциям, разумеется, за границей. Напрямую связанной с неизбежностью возобновления кредитных операций казны оказалась проблема, вызванная, как выразился министр, «великодушным призывом к борьбе с нетрезвостью», который будто бы нашел «чуткий отклик в народе». На самом деле, как уже говорилось в докладе бюджетной комиссии Думы, именно за счет питейного дохода по большей части финан-

сировались военные программы. Компенсировать потерю этих доходов без обращения к займам было невозможно. Однако здесь министр предостерег от «увлечения», которое способно дискредитировать «благое дело... неумелыми распоряжениями». Выступление министра финансов во многом перекликалось с положениями доклада финансовой комиссии верхней палаты, но, тем не менее, вызвало в ее среде критику в той своей части, которая касалась биржевого кризиса, разразившегося во время обсуждения проекта бюджета. И.Х. Озеров предостерегал в своем выступлении против того, чтобы обвинять в этом кризисе исключительно биржевую спекуляцию (а именно так преподносил членам верхней палаты причины кризиса министр финансов, обращая внимание, что кризис этот является биржевым, а отнюдь не экономическим, и что в результате его пострадали только дутые ценности, курсы которых были взвинчены повышателями, — объяснение, весьма сходное с аргументами, которые приводил С.Ю. Витте в 1899 г.). По мнению И.Х. Озерова, кризис на бирже отразил вздорожание жизни, по причине которого «публика бросает твердые процентные бумаги и обращается... к дивидендным ценностям».

Предметом весьма острой дискуссии в верхней палате стала внесенная И.В. Годневым поправка к проекту закона о бюджете, которая включала в него новый, пятый по счету, раздел. Выступая по этому поводу в Государственном совете, премьер И.Л. Горемыкин так объяснял повышенное внимание правительства к указанной поправке: новый раздел закона «связан с самим проектом [закона о] росписи чисто механически и не может быть рассматриваем иначе, как изменение действующего сметного законодательства», а поэтому «правительство не может... согласиться на принятие отдела, ибо этим самым был бы создан прецедент, ставящий... государственную роспись в зависимость от приемлемости или неприемлемости законодательного предположения, присоединенного Государственною думою к проекту государственной росписи». Выступая вслед за И.Л. Горемыкиным, министр юстиции И.Г. Щегловитов обращал внимание членов верхней палаты на то, что изменять закон о росписи невозможно «без извращения самой сущности и природы бюджета» и ссылался на работы западноевропейских специалистов по финансовому праву. Щегловитов обвинил Думу в попытке «провести контрабандным путем, под флагом бюджетов, такие законодательные меры, которые не могли рассчитывать на успех в случае, если бы эти меры были отделены от бюджета и получили свое направление в общем законодательном порядке», поскольку проект росписи в отличие от всякого другого законопроекта в принципе не может быть провален палатами и разногласия по нему «не влекут падения росписи», в которую в подобном случае переносятся сметные данные из бюджета предыдущего года. Министру юстиции возражал М.М. Ковалевский, напоминая ему о правилах от 8 марта 1906 г., к которым апеллировал, предлагая свою поправку и Годнев, ст. 15 которых запрещала перенос кредитов из одной статьи в другую без санкции законодательных палат, о величине же таких кредитов в законе ничего не говорилось. Предложение Годнева, считал Ковалевский, «может иметь в виду только напоминание о том, что необходимо соблюдать тот порядок, на котором остановились в 1906 г.».

Новая статья, внесенная в проект закона о росписи Годневым, стала предметом обсуждения комиссии, созданной обеими палатами для урегулирования спорных вопросов по проекту бюджета. Закон предусматривал создание такой комиссии по инициативе верхней палаты. Еще в ходе обсуждения предложения Годнева в Государственном совете А.В.Васильев (член кадетской партии, избранный в Государственный совет от Академии наук и университетов) предложил компромиссное решение — принять предложение Годнева, но ограничить действие соответствующей статьи закона о бюджете лишь 1914 г., как это,

по мнению Думы, предполагали законы 1868 г. для росписей 1868 и 1869 гг. Большинство созданной палатами согласительной комиссии склонялось к тому, чтобы принять статью в редакции Васильева, хотя сам вопрос не подлежал решению согласительной комиссии, к ведению которой относились «разномыслия... лишь относительно размеров включенных в государственную роспись кредитов»[21]. Разногласия между комиссиями палат касались и сорока шести параграфов расходной части росписи, в основном ассигнований на железнодорожное строительство. По пятнадцати параграфам росписи члены согласительной комиссии так и не пришли к компромиссному решению (эти параграфы относились к сметам Военного министерства, министерств внутренних дел, путей сообщения, народного просвещения и торговли и промышленности). Дума поддержала мнение Васильева ограничить действие статьи 1914 г., предложенной Годневым.

Дискуссия по этому вопросу продолжилась в Государственном совете. В верхней палате вновь выступал премьер-министр И.Л. Горемыкин, повторяя свои аргументы против предложения Годнева и без обиняков указав, что правительство не допустит «пристегивания этого предложения к государственной росписи». Выступая в поддержку своей редакции новой статьи закона о бюджете, А.В. Васильев напомнил, что рассматриваемая поправка является «подтверждением того начала специализации кредитов, которое уже более 50 лет со времени реформы... Татаринова составляет одно из главных оснований нашего финансового законодательства». В полемике с министром юстиции Васильев, опираясь так же, как и министр, на работы западных специалистов по финансовому праву, доказывал правомочность внесения в бюджет, который по мнению Щегловитова, являлся лишь бухгалтерским документом, законодательных установлений. Точку зрения правительства поддерживал во время дискуссии в верхней палате А.С. Стишинский. Не останавливаясь на формально-юридической стороне дела, он перенес проблему в политическую плоскость и обвинил сторонников поправки в попытке «в сметном порядке отменить действующую законодательную норму», тогда как для перенесения кредитов из одного параграфа сметы в другую министрам не требуется санкции законодательных учреждений. Что же касается ссылок Васильева на западноевропейскую практику, то Стишинский по этому поводу заметил, что «порядки Французской республики нам не пример и не образец». Суть возникшей дискуссии пытался обнажить М.М.Ковалевский, обращая внимание палаты на то, что речь в первую очередь идет о борьбе правительства и большинства Государственного совета, с одной стороны, и Думы — с другой за контроль над бюджетом и что борьба эта ведется со стороны указанного большинства верхней палаты под девизом «Мы высшая палата; порядок будет тогда, когда низшая палата будет слушать высшую палату». В связи с проектом, который возник тогда же со ссылками на прецеденты, разделить закон о бюджете и собственно бюджет, Ковалевский поставил перед палатой вопрос о том, является ли бюджет законом, либо он представляет собой акт управления. Оратор склонялся к первому определению в отличие от министра юстиции, назвавшему закон о росписи (в том виде, в каком он предлагался Годневым) «тележкой, на которой провозится контрабандный товар». Тогда слово вновь взял И.Л. Горемыкин. Он обратил внимание аудитории на «простую разницу» между «обычным законом», который может быть отвергнут палатой, и бюджетом, который в случае отказа законодательных учреждений его утвердить, все равно войдет в силу, с той лишь разницей, что не утвержденные палатами статьи и параграфы будут внесены в него исходя

[21] Доклад по государственной росписи доходов на 1914 год: РГИА. Ф. 1158. Оп. 1. 1914 г. Д. 187. Л. 545–560; Согласительные предложения... Заседание 12 июня 1914 г.: Там же. Л. 753, 759.

из назначений предыдущего года, как о том говорит ст. 13 правил от 8 марта 1906 г., а кредиты будут открываться «в размерах действительной потребности». На возможность именно такого исхода указывал ранее в своем выступлении и Щегловитов.

Так оно и случилось. 20 июня 1914 г. государственный секретарь С.Е. Крыжановский сообщал премьер-министру о том, что «вследствие недостижения соглашения между Государственным советом и Государственною думою по проекту закона о государственной росписи... означенный законопроект должен почитаться отклоненным»[22]. Два дня спустя царь утвердил бюджет в порядке, предусмотренном ст. 13 сметных правил от 8 марта 1906 г., причем в том виде, о котором говорил в своем выступлении М.М. Ковалевский. Преамбула исчезла, похороненными оказались не только годневский пятый раздел закона о бюджете, но и те разделы, что были оставлены в проекте, одобренном Государственным советом. Само слово «закон» в утвержденной царем росписи не упоминалось. В таком виде она и была опубликована в «Собрании узаконений»[23] (см. табл. 6). Тем самым косвенно было подтверждено положение, что бюджет не является законом, а представляет собой акт управления, хотя и принимается в законодательном порядке с ограничениями, вводимыми ст. 13 сметных правил 1906 г.

В окончательном варианте бюджета по сравнению со всеми проектами были повышены косвенные налоги, правительственные регалии сокращены по сравнению с проектом бюджетной комиссии, но увеличены по сравнению с первоначальным проектом и проектом финансовой комиссии. В остальном ординарные доходы не претерпели изменений по сравнению с проектом комиссии Государственного совета, как и сумма экстраординарных расходов. Сумма свободной наличности казначейства для покрытия дефицита экстраординарного бюджета была определена в соответствии с проектом бюджетной комиссии. Что касается расходной части ординарного бюджета, то сметы Морского министерства, Министерств внутренних дел и народного просвещения в окончательном их виде соответствовали проектам бюджетной комиссии, смета Министерства финансов была урезана по сравнению с проектом комиссии Государственного совета, но не до ее первоначального объема, сметы Министерств путей сообщения и торговли и промышленности сокращены по сравнению как с первоначальным проектом, так и с проектом финансовой комиссии, но не превысили назначений, определенных комиссией нижней палаты. Смета Военного министерства была незначительно сокращена по сравнению с проектом думской комиссии, но осталась больше первоначально предусмотренной. Наконец, смета Государственного контроля была увеличена по сравнению со всеми тремя проектами. Остальные ординарные расходы соответствовали проекту финансовой комиссии Государственного совета.

Экстраординарные расходы путейского ведомства в окончательном варианте бюджета были сокращены по сравнению с назначениями думской комиссии, но не до того уровня, который предлагался комиссией верхней палаты. Остальные экстраординарные расходы также не были изменены по предложениям финансовой комиссии верхней палаты с тем лишь исключением, что в окончательный вариант бюджета был внесен расход на строительство подъездных путей, запланированный думской комиссией и отвергнутый комиссией Государственного совета. В общем окончательная сумма бюджета 1914 г. составила 3 613 569 398 руб. при первоначально определенных 3 558 261 499 руб.

[22] С.Е. Крыжановский — И.Л. Горемыкину. 20 июня 1914 г.: Там же. Л. 948.
[23] СУ. 1914. Отд. I. № 143. Ст. 1596.

Война очень скоро заставила правительство изменить уже утвержденную роспись на 1914 г. 23 июля 1914 г. П.Л. Барк представил в Думу записку «О некоторых мерах к усилению средств на ведение войны». Кроме использования 500-миллионной свободной наличности, которая «очень быстро будет израсходована на мобилизацию армии», Барк предлагал сократить государственную роспись, как это уже делалось после начала русско-японской войны. Министр финансов предполагал сократить строительные кредиты и заложенные в бюджет ассигнования на сооружение подъездных путей, кредиты на переселение, землеустройство и мелиорацию, на открытие новых учебных заведений, на командировки чиновников и т.д. Предполагалось также прекратить отпуск сверхсметных кредитов за счет свободной наличности и сметных остатков, а также ограничить расходные сметы на 1915 г. Для увеличения бюджетных доходов министр финансов предлагал поднять цены на водку до 12,80 руб. за ведро, а также увеличить акциз на виноградный и фруктовый спирт и табак. 27 июля 1914 г. эти предложения Барка были оформлены в качестве утвержденного палатами закона, согласно которому Совету министров предоставлялось право собственной властью, без обсуждения в палатах, сокращать уже утвержденные ведомственные сметы. Проект такого сокращения П.Л. Барк представил в Совет министров 23 августа 1814 г. Предварительно, с 30 июля по 7 августа, этот проект рассматривался в Особом совещании под председательством товарища министра финансов В.В. Кузьминского. Совещание признало возможным сократить бюджет 1914 г. на 327 690 703 руб. Разногласия в Совещании возникли по вопросу о сокращении смет Синода, Министерств народного просвещения и путей сообщения на общую сумму 10 185 630 руб. Со своей стороны министр финансов предложил даже увеличить сумму сокращаемых бюджетных ассигнований до 333 817 833 руб. Совет министров рассматривал этот вопрос 27 августа 1914 г. и остановился на «средней» цифре в 330 988 913 руб.[24] Всего же на основании Закона от 27 июля 1914 г. по смете 1914 г. и по невыполненным расходам 1912–1913 гг. было сокращено 341 292 913 руб.

Исполнение бюджета 1914 г. представляло собой картину, весьма далекую от планов его составителей. По данным отчета государственного контролера об исполнении бюджета 1914 г., в действительности в казначейство поступило ординарных доходов на сумму 2 898 097 693 руб. при назначенных в бюджете 3 572 169 473 руб. Государственный контролер указывал на две основных причины недополучений казны по доходным статьям — война и отмена винной монополии. Так, в июле 1914 г. от казенной продажи крепких напитков в казну поступило 54,3 млн руб., в августе — декабре 1914 г. — только 26,6 млн руб. Из 674,1 млн руб. недобора по ординарным доходам к статье казенной продажи питей относилось 432,2 млн руб. Всего же недопоступление ординарных доходов было отмечено по 19 статьям росписи (см. табл. 9).

Превышение поступлений по сравнению с намеченными в росписи (см. табл. 10) было отнюдь не столь значительно и произошло по 15 статьям ординарных доходов казны.

Если квалифицировать доходы не по бюджетным статьям, а в соответствии с их источниками, то недопоступление доходов произошло по разделам правительственных регалий (423 322 507 руб.), казенных имуществ и капиталов (155 370 138 руб.), косвенных налогов (69 988 467 руб.), пошлин (28 831 380 руб.), возмещения расходов казначейства (10 946 886 руб.) и отчуждения государственных имуществ (851 899 руб.), а рост поступле-

[24] Представление П.Л. Барка в Государственную думу. 23 июля 1914 г.: РГИА. Ф. 1276. Оп. 10. Д. 226. Л. 1–11; Представление П.Л. Барка в Совет министров. 23 августа 1914 г.: Там же. Л. 21–23; Особый журнал Совета министров. 27 августа 1914 г.: Там же. Л. 65–68.

ний по сравнению со сметными расчетами отличен по разделам «разные доходы» (9 703 709 руб.), «прямые налоги» (4 549 823 руб.) и «выкупные платежи» (985 965 руб.).

По разделам доходной части росписи основное недополучение доходов относилось к разделу казенных имуществ и капиталов, а именно от казенных железных дорог было недополучено 125,2 млн руб., по статье лесного дохода — 25,1 млн руб., от казенных оброчных статей и промыслов — 10,7 млн руб. Одновременно на 4,9 млн руб. по сравнению с предположениями росписи увеличились доходы от принадлежавших казне капиталов и банковских операций.

По разделу косвенных налогов недопоступление, за исключением сборов с продажи питей, затронуло таможенный доход (– 66,6 млн руб.), прежде всего за счет сокращения пошлин на ввоз машин, и «сахарный» доход (– 10 млн руб.), в то же время по сравнению с назначениями росписи увеличились поступления от табачного, спичечного акцизов и акциза с нефтепродуктов. Недополучены были доходы также от гербовых, судебных и канцелярских пошлин (– 14 млн руб.), пошлин с переходящих имуществ (– 10,1 млн руб.), прочих мелких пошлин (– 4,7 млн руб.). Тем не менее по статьям «возмещение расходов казначейства» и «отчуждение государственных имуществ» был отмечен сравнительно с росписью рост поступлений на сумму11,8 млн руб.

Правительственные регалии, кроме винной монополии и почтового дохода, который сократился почти на 2 млн руб., принесли казне дополнительный доход. Увеличение относилось к статьям горного, монетного, телефонного и телеграфного доходов.

Увеличение бюджетных поступлений от прямых налогов и неотмененных выкупных платежей составило 5,6 млн руб. Самое существенное превышение поступлений по сравнению с назначениями росписи дал промысловый налог (9,5 млн руб.), больше на 1,3 млн руб. принес сбор с денежных капиталов, и 1 млн руб. прироста дали по сравнению с росписью выкупные платежи. Одновременно от поземельных налогов и сборов с недвижимости было недополучено 6,2 млн руб. Доходы «разного рода» превысили сметные предположения на 9,7 млн руб.

Поступление чрезвычайных доходов оказалось ниже предполагаемого и составило 7 194 889 руб. Сокращение произошло за счет недопоступлений по погашению продовольственного долга, поступления же от вкладов в Государственный банк, наоборот, превысили предполагаемые, но не до такой степени, чтобы компенсировать недоимки по продовольственному долгу. Кроме того, к чрезвычайным ресурсам казны были причислены не предусмотренные росписью 1 054 тыс. руб., которые поступали в казну из различных источников (от возврата ссуд, специальных капиталов и т.д.).

К чрезвычайным ресурсам казны были причислены поступления в сумме 1 595 348 тыс. руб. от совершенных с начала войны кредитных операций[25], в том числе 886 737 тыс. руб. — от учета краткосрочных казначейских обязательств, 266 821 тыс. руб. — от реализации 4-процентных билетов казначейства и 441 790 тыс. руб. — от 5-процентного внутреннего займа 1914 г. К ресурсам казны были причислены также остатки ассигнований по сметам предыдущих лет на сумму 24 013 тыс. руб. по ординарному бюджету и 30 358 тыс. руб. по экстраординарному бюджету. 36 152 тыс. руб. из этой суммы представляли собой средства, которые оказались свободными вследствие произведенного по Закону

[25] См. главу IV.

от 27 июля 1914 г. сокращения кредитов по сметам прежних лет до уровня 1914 г.[26] К ресурсам казны были отнесены и 514,2 млн руб. свободной наличности казначейства.

Расходы ординарного бюджета в соответствии с отчетом государственного контроля составили 2 927 099 тыс. руб. при 3 309 524 тыс. руб. по смете. Кредиты на сумму 187 069 тыс. руб. были закрыты на основании Закона от 27 июля 1914 г., 187 489 тыс. руб. приходилось на кредиты Военному и Морскому ведомствам, в основном перенесенные на счета военного фонда, 54 553 тыс. руб. оказались свободными как неиспользованные сметные остатки.

Экстраординарные расходы согласно росписи составляли 304 046 тыс. руб. К ним были присоединены 498 тыс. руб. из раздела ординарных расходов, а также сверхсметные кредиты на надобности военного, торгово-промышленного и путейского ведомств в сумме 76 933 тыс. руб. Так что общая сумма экстраординарных расходов составила 381 477 тыс. руб., из которых действительно было израсходовано или предполагалось к расходованию 276 394 тыс. руб. Неизрасходованные остатки были на основании Закона от 27 июля 1914 г. обращены в ресурсы казны.

Кроме того, из 16 387 тыс. руб. особого сверхсметного кредита, разрешенного на мероприятия по усилению армии, было израсходовано 11 028 тыс. руб., остаток также был отнесен на счет ресурсов казны. С началом войны до 31 декабря 1914 г. на военные мероприятия было ассигновано 2 529 008 тыс. руб., из которых израсходовано и предполагалось к расходованию 1 645 925 тыс. руб. Остаток этой суммы был перенесен на расходы 1915 г. В результате бюджет 1914 г. был сведен с положительным сальдо (см. табл. 11).

29 млн руб. отрицательного сальдо ординарного бюджета были частично покрыты за счет остатков смет на предыдущие годы (24 млн руб.), отрицательное сальдо по этому разделу на самом деле составило 5 млн руб. Превышение экстраординарных расходов над ресурсами составило 237,8 млн руб. Что же касается чрезвычайных расходов в сумме 1 656,9 млн руб., вызванных войной (на усиление армии и приведение ее в боевую готовность), то доходов от кредитных операций (1 595,3 млн руб.) не хватило для их полного покрытия, и таким образом сохранялся непокрытый остаток в 61,6 млн руб. Соответственно получалось отрицательное сальдо в 304,4 млн руб. (5+237,8+61,6 млн руб.), компенсированное за счет свободной наличности казначейства (514,2 млн руб.) В результате образовывалось положительное сальдо в 209,8 млн руб., сумма которого была обращена на расходы по мобилизации[27].

Как видим, бюджет 1914 г. в своей расходной части подвергся в связи с началом войны сокращению в законодательном порядке. Начало военных действий и расстройство всего хозяйственного механизма привели к значительному недополучению бюджетных доходов, которые приходилось компенсировать в первую очередь за счет кредитных операций.

2. Бюджет 1915 г.

Проект бюджета на 1915 г. П.Л. Барк внес на рассмотрение законодательных палат с опозданием почти на месяц — 24 ноября 1914 г.[28] В объяснительной записке к проекту бюджета министр финансов обращал внимание законодательных палат на ряд факторов,

[26] См. с. 554.

[27] Объяснительная записка к отчету Государственного контроля по исполнению государственной росписи и финансовых смет за 1914 год. Пг., 1915; Проект государственной росписи доходов и расходов на 1916 год с объяснительною запискою министра финансов. Пг., 1915. С. 3–10.

[28] П.Л. Барк — С.Е. Крыжановскому. 24 ноября 1914 г.: РГИА. Ф. 1158. Оп. 1. 1915 г. Д. 53. Л. 1.

которые вынуждают финансовое ведомство перейти к дефицитному бюджету, прежде всего почти полностью прекратить внешнюю торговлю через западную границу, что делало необходимым «искать углубления и расширения емкости внутреннего рынка» и использовать рынки нейтральных государств. В записке подчеркивались также значительные убытки, которые понесли в связи с началом мобилизации отправители и получатели следующих по железным дорогам грузов, неблагоприятное влияние на все отрасли хозяйства приостановки кредитных операций и платежей, которая, тем не менее, объявлялась вынужденной и необходимой мерой. При всем этом министр финансов не упоминал в своей записке об исключительном сокращении численности рабочих рук. Действительно, с началом войны она уменьшилась лишь на 10%. Вместе с тем министр не смог не отметить, что это было лишь количественное сокращение. Сокращение «качественное» было гораздо более ощутимым. Мужской труд заменялся женским.

Барк указывал на кризисные явления в сельском хозяйстве и добывающей промышленности, на сокращение торговых операций. Среди всех отраслей народного хозяйства самое тяжелое положение после начала войны, говорилось в записке финансового ведомства, складывалось в хлебной торговле. Только возросшие закупки хлеба для армии удержали цены на зерно от резкого падения. В связи с этим констатировалось значительное расширение внутреннего рынка за счет закупок армии, производимых, впрочем, на казенный счет. В отношении экспорта министр финансов указывал на необходимость более активного использования возможностей архангельского и владивостокского портов.

Вскоре после начала войны с резким сокращением ввоза обнаружился недостаток сельскохозяйственных машин, которые до войны импортировались в основном из Германии. Россия оказалась вынуждена понизить на них ввозные пошлины. Характерным явлением стало то, что Россия в течение долгого времени не могла, подобно своим западным союзникам, полностью отказаться от импорта товаров из стран центрального блока. Прежде всего это относилось к Германии — важнейшему довоенному торговому партнеру России.

Значительно пострадала с началом войны сахарная промышленноть, чему способствовало разорение сахарных заводов в Польше. Введенное в начале войны обложение налогом перевозимого по железным дорогам хлопка вызвало колебания его цены. Вследствие сокращения экспорта уменьшился вывоз леса, да и спрос на него внутри страны сократился в связи с сокращением строительства, что вызвало необходимость увеличения ссуд из Государственного банка под лесные материалы с целью оживить отрасль. Сократились также буровые работы и вывоз нефти, а с захватом неприятелем Домбровского угольного бассейна — добыча угля. Положение в угольной промышленности усугублялось тем, что убыль рабочих рук в Донбассе была больше, чем в целом по всей стране (около 27%). Передача вагонов под военные перевозки создавала трудности с вывозом добытого топлива. Из-за нехватки кокса пришлось затушить доменные печи на некоторых южнорусских металлургических предприятиях. Государственный банк даже был вынужден открывать ссуды под каменный уголь и кокс.

В сопроводительной записке к росписи отмечалось, что «начало войны является... серьезным испытанием для устойчивости денежного рынка» в связи с замедлением перевода сумм от должников кредитных учреждений и усиленным истребованием вкладов. Министр финансов вместе с тем полагал, что подобного рода ситуация не породила на рынке «никакой паники» и «поворот к лучшему наступил уже с начала августа». Глава финансового ведомства, однако, не указывал, что для предупреждения возможной паники был объявлен вексельный мораторий и закрыты биржи. Об этом в записке говорилось вне всякой связи с

оттоком вкладов из банков. К ноябрю 1914 г., как отмечалось в записке, сокращение вкладов во всех учреждениях краткосрочного кредита составило 1,5% их довоенной суммы.

Расширение эмиссионного права Государственного банка Барк обосновывал тем, что «при весьма малом развитии чекового оборота в России у нас требуется большое количество денежных знаков ... Поэтому изменение эмиссионного закона... являлось настоятельно необходимым даже при условиях мирного времени». Прекращение свободного размена кредитных билетов министр финансов расценивал как меру, необходимую в связи с резко возросшими потребностями казны в оплате своих обязательств золотом, в условиях, когда почти полное прекращение экспорта затрудняет заграничные платежи посредством векселей. Золото было необходимо казне и для приобретения иностранной валюты. Здесь Барк отмечал, что «вывоз золота, практикуемый в обычное время лишь для выплаты между отдельными странами разницы взаимных претензий, приобрел при обстоятельствах, сопровождавших начало войны, особенное значение». В связи с этим министр обращал внимание на активизацию экспорта золота из Америки в Лондон, который являлся центром международных расчетов[29].

В объяснительной записке к проекту бюджета приводилась сумма чрезвычайных кредитов, открытых до конца октября 1914 г. всем ведомствам на военные нужды, — 1 435 млн руб. без учета мобилизационных расходов, которые могли составить приблизительно 350 млн руб. Барк считал невозможным покрыть первоначальные военные расходы из средств свободной наличности, так как последняя должна быть обращена на покрытие дефицита по доходам за 1914 г., который образовался в результате отмены винной монополии. Одновременно, уже в который раз, Барк обращал внимание палат, для которых и предназначалась объяснительная записка к проекту росписи, на то, что военные расходы непременно потребуют заключения внутренних и внешних займов, размещение которых, как полагал министр, «не представит особых затруднений».

Бюджет 1915 г. планировался Министерством финансов в следующих объемах: ординарные доходы — 3 080 108 314 руб., ординарные расходы — 3 078 814 461 руб., экстраординарные доходы — 9,5 млн руб., экстраординарные расходы — 155 493 953 руб. Отрицательное сальдо бюджета министр финансов предполагал покрыть за счет кредитных операций.

Обращаясь к казенным доходам (см. табл. 12), П.Л. Барк прежде всего указывал на 651 млн руб. потерь от отмены винной монополии. «С середины XVI столетия, — писал министр финансов, — налог, взимавшийся с народного потребления вина, представлял собою крупнейшую статью государственного бюджета России... Проект государственной росписи доходов и расходов на 1915 г. является первым опытом отказа государства от огромного дохода, доставляемого вином». На 51,7 млн руб., по сравнению с бюджетом 1914 г., сократились в министерском проекте доходы от казенных имуществ и капиталов, на 22,6 млн руб. — доходы от пошлин, на 132,1 млн руб. — доходы от косвенных налогов, прежде всего за счет сокращения таможенного и питейного доходов, доходы же от прочих косвенных налогов, увеличенных соответствующими законами, планировались в большем, нежели ранее, размере.

Поступления от прямых налогов (см. табл. 13) министерский проект предусматривал сократить на 20,2 млн руб., поступления же от некоторых правительственных регалий (мо-

[29] Объяснительная записка министра финансов к проекту государственной росписи доходов и расходов на 1915 год. Ч. 2. Пг., 1914. С. 111–129.

нетного, почтового, телеграфного доходов) финансовое ведомство предполагало увеличить. Подводя итог расчетам доходной части ординарного бюджета, как его планировало Министерство финансов, Барк отмечал, что «доходы по тем статьям, которые наиболее чувствительны к экономической конъюнктуре, рассчитаны с большею умеренностью, менее значительно понижены доходы, поступление которых, в силу условий их взимания, в меньшей степени зависит от доброй воли плательщиков, а следовательно, и от экономических причин, наконец, некоторые доходы, поступление которых обуславливается естественным и не прерываемым войною ростом потребностей населения... внесены в проект росписи... даже с увеличением против 1914 г.».

Увеличение этих доходов происходило за счет повышения ставок обложения недвижимости Законом от 4 октября 1914 г.[30] с 6 до 8% и увеличения квартирного налога на 50%.

Доходы от промыслового обложения (см. табл. 14) планировалось получить также в увеличенном по сравнению с 1914 г. размере.

Барк отмечал, что в связи с войной поступления от основного промыслового налога сократятся, увеличение же доходов от него должно было быть достигнуто только вследствие повышения налоговых ставок по Закону от 4 октября 1914 г. Что же касается дополнительного промыслового налога, то забастовки 1914 г. и начало военных действий также должны были сократить поступления по этой статье, если бы не указанное увеличение ставок. Некоторому увеличению подлежали и поступления от сбора с денежных капиталов (см. табл. 15).

Указанный сбор был увеличен в ожидании дохода от выпуска 4,5-процентных закладных листов Дворянского банка и свидетельств Крестьянского банка, а также от выпуска ценных бумаг частными банками и предприятиями.

Несмотря на отмену винной монополии и сокращение поступлений от акциза на водку в немонопольных губерниях, планировалось увеличить общий доход с питей, не относящийся к монополии (см. табл. 16). К некоторому увеличению акциза на спирт по сравнению с расчетом, по которому после запрещения продажи крепких напитков он составит 10% дохода 1913 г., привело увеличение акциза на спирт Законом от 27 июля 1914 г. Таким же образом рассчитывался акциз на виноградный и фруктовый спирт и пивоварение, увеличенный тем же законом. Прямым последствием запрещения торговли спиртным стало понижение доходов от патентного сбора. Закон от 27 июля 1914 г. устанавливал также и новый, увеличенный акциз на табак, доход от которого также планировался в большем, нежели в 1914 г., размере. Впоследствии Законом от 4 октября 1914 г. были подняты ставки акциза на дрожжи, папиросные гильзы и резаную папиросную бумагу. Тем же законом весьма значительно — в два раза — был поднят акциз на спички. Все это давало Министерству финансов возможность вносить в проект росписи бóльшие суммы дохода по соответствующим статьям доходной части ординарного бюджета.

Что касается акциза на сахар, то в 1914–1915 гг. предусматривалось выработать 122 576 902 пуда сахара (в 1912–1913 гг. вырабатывалось 108 441 976 пудов). Увеличение поступлений от этого акциза стало следствием новых ставок, определенных Законом от 26 октября 1914 г.[31] Министр финансов предвидел также увеличение потребления сахара в связи с запрещением продажи крепких напитков (о причине роста потребления в объяснительной записке к проекту бюджета ничего не говорилось). Закон, который увеличивал акциз на сахар, устанавливал и новые налоговые ставки для нефтепродуктов. Обращаясь к

[30] См. главу III.
[31] См. там же.

материалам предвоенной статистики и показывая независимость цен на керосин от его обложения акцизом, Барк и на этот раз не предполагал роста цен на керосин, по крайней мере, считал он, этот рост не окажется связанным с увеличением акциза на продукты нефтяного производства.

Переходя к доходам от пошлин, министр финансов отмечал, что при почти полном прекращении внешнеторговых отношений с Западной Европой было бы «более осторожным» исходить из 60% среднегодовых поступлений таможенного дохода за предыдущее пятилетие (283 млн руб.). Подобному понижению подвергся таможенный доход от русского экспорта, также исчисленный по данным предшествовавшего войне пятилетия (см. табл. 17). Таможенные же поступления по азиатской границе были увеличены в соответствии с данными о росте этих поступлений за первую половину 1914 г.

Планируемое увеличение гербовых, судебных, канцелярских пошлин стало следствием повышения их ставок на основании уже упомянутого Закона от 4 октября 1914 г. Другие рода пошлины были оставлены в проекте бюджета без изменений или даже сокращены. Увеличение крепостных пошлин после предусмотренного тем же законом издания новых правил оценки переходящих имуществ обусловило внесенное в проект росписи увеличение пошлин с указанных имуществ. Вводимые тем же законом новые ставки пошлин на страхование от огня также определили увеличение бюджетных доходов по указанной статье. Несмотря на увеличение корабельного и портового сборов, произведенное на основании того же закона, в Министерстве финансов не решились повысить данные сборы по сравнению с предыдущим годом, причиной чему было резкое сокращение морских перевозок. Предполагаемый первоначально доход от этих сборов в размере 16 млн руб. был сокращен в проекте бюджета вдвое. Значительный рост доходов от сбора с пассажиров и грузов на железных дорогах, также причисленного бюджетной номенклатурой к пошлинам, объяснялся тем, что с 15 октября 1914 г. в дополнение к существовавшему 15-процентному сбору вводился особый временный военный налог, а вслед за ним — налог на перевозимый по железным дорогам хлопок[32]. Таким образом, прирост доходов по этой статье, как и по большинству доходных статей, носил искусственный характер.

Из правительственных регалий значительному увеличению (в процентном отношении) подвергся монетный доход, который представлял собой разницу между покупной ценой серебра, приобретаемого казной для чеканки монеты, и передельной его ценой. Недостаток в разменной монете, ощутимый с началом войны, вынудил Министерство финансов увеличить наряды по ее чеканке. Для этого казна должна была приобрести 15 тыс. пудов серебра, рыночная и передельная стоимость которого составляли 8 939 520 руб. и 13 653 333 руб. соответственно. Монетный доход казны составил, таким образом, 4 713 813 руб. При добавлении к этому доходу дохода от серебра, предоставляемого лабораториями (88 тыс. руб.), и дохода от переделки серебра в монету (10 325 тыс. руб.), а также дохода от чеканки медных монет (1 631 тыс.) общий монетный доход насчитывал 16 759 тыс. руб. Увеличение с 1 октября 1914 г. почтовых такс и телеграфных тарифов позволило повысить поступления в казну по соответствующим статьям.

Значительная задолженность ведомств казенным заводам, которая в связи с началом военных действий, не могла быть в скором времени погашена, вынудила Министерство финансов уменьшить по сравнению с предыдущим годом размеры поступлений в казну дохода от казенных заводов. Сокращение всех видов коммерческих операций повлекло за

[32] См. там же.

собой и падение коммерческих прибылей Государственного банка, а следовательно, не позволило министру финансов увеличить доходы от принадлежавших казне капиталов и банковских операций, так как так как эта доходная статья основывалась именно на коммерческой прибыли Государственного банка. Репатриация значительной части казенных сумм за границей соответственно сократила поступающий от них в казначейство доход. Начало боевых действий и сокращение коммерческих перевозок по железным дорогам привели к понижению доходов казны от участия в прибылях частных железнодорожных обществ, причем в весьма значительной степени. В проекте бюджета предусматривалось и недопоступление сумм от продажи казенных имуществ в Царстве Польском и крестьянских платежей за земли, предоставленные им на основании Указа от 27 августа 1906 г. Все это вынудило сократить в проекте бюджета доходы от продажи казенных недвижимых имуществ. Вступление в силу Закона от 20 декабря 1912 г. о прекращении временнообязанных отношений крестьян на Кавказе позволило в увеличенном, по сравнению с 1914 г., объеме исчислить доходы от не отмененных Манифестом от 3 ноября 1905 г. выкупных платежей.

Поскольку в бюджете 1915 г. предусматривался доход только от продажи водки в трактирах первого разряда, буфетах при собраниях и клубах, а также от продажи спирта для медицинских и промышленных целей, объем реализуемой казной водки сократился до 14 млн ведер на сумму 131 200 000 руб. при том, что в предыдущем году этот объем составлял 109 млн ведер на сумму 923 502 000 руб. Доход казны за 1915 г. от казенной продажи питей предусматривался в сумме 144 260 000 руб. при 936 077 000 руб., отведенных под эту статью дохода в бюджете 1914 г. Для продажи в «перворазрядных» трактирах и буфетах отводилось всего 4 млн ведер; водка, реализуемая казной, в основном предназначалась для медицинских и промышленных целей. Закон от 27 июля 1914 г. устанавливал цену ведра водки для трактиров и буфетов 12 руб. 80 коп., для медицинских и технических надобностей — 8 руб. Из этих цен исходило Министерство финансов, определяя доход от винной монополии. Сократив предполагаемые доходы на продажу водки, финансовое ведомство намеревалось повысить поступления от реализации денатурированного спирта, продажа которого, как планировалось, должна была возрасти в связи с установлением повышенного акциза на нефтепродукты. Сами цены на денатурированный спирт были сокращены.

Доход от принадлежавших казне оброчных статей и промыслов (нефтеносных участков, золотых приисков, соляных источников, угольных разработок и т.д.) был сокращен в первую очередь по причине сокращения добычи нефти в Бакинском районе, поскольку доход от нефтеносных участков составлял основу поступлений по этой статье. Неблагоприятные условия военного времени и сокращение объемов строительства вынудили сократить доходы от казенных лесов. Уменьшение платежей казенным железным дорогам в связи с тем, что военные перевозки оплачивались из «военного фонда» и в объемах, наполовину меньших, нежели перевозки коммерческие, вынудило сократить доход от эксплуатации казенных железнодорожных линий. Сократились также платежи в казну частных железнодорожных обществ, причем на сумму бо́льшую, чем это предполагалось первоначально. Причиной явилась недостаточная доходность некоторых железнодорожных обществ. Сокращены были поступления в казну из городских бюджетов, от земских сборов и т.д., однако подобного рода пособия из Великого княжества Финляндского и от некоторых частных железных дорог увеличились. Кроме того, предполагавшееся досрочное погашение части долга Общества взаимного поземельного кредита, задолженность которого была принята в свое время на счет казны, позволило увеличить доходы по статье «возврат ссуд и других расходов казны».

Сокращению, по сравнению с 1914 г., подверглась также расходная часть бюджета (см. табл. 18). Более других были уменьшены расходы Министерства финансов в связи с отменой винной монополии. Но заключенные с началом войны договоры о новых займах вынудили значительно увеличить расходы по соответствующей статье. Распределение расходов по ведомствам не полностью совпадало с номенклатурой отраслей государственного управления и хозяйства. В зависимости от удовлетворения различных общественных нужд эти расходы распределялись на общегосударственные (1 736 431 тыс. руб., или 56,5% расходной части ординарного бюджета), на казенные операции (803 20 тыс. руб., или 26,2%) и на расходы на культурные и производительные потребности (524 181 тыс. руб., или 17%). Остальные 0,3% приходились на счет 10-миллионного фонда (см. табл. 19).

Более половины суммы, отводимой самой крупной статье ординарных расходов — «гражданскому управлению» (436,9 млн руб.), составляли расходы на содержание администрации, суда, полиции, расходы на строительство и т.д. Наибольшими из этой суммы (129,3 млн руб.) были ассигнования на содержание местной администрации. Что касается бюджетных расходов на душу населения, то в 1915 г. они планировались Министерством финансов из расчета 11 руб. 65 коп. при 12 руб. 35 коп. в бюджете предыдущего 1914 г.

Как уже отмечалось, наибольшему сокращению в бюджете подверглись расходы по винной монополии. Тем не менее министр финансов указывал в объяснительной записке на необходимость «считаться с громадным количеством служащих винной монополии, с договорами, заключенными казной по поставке спирта... и т.д.». В то же время значительно были увеличены статьи расходов по погашению государственного долга. Увеличение расходов по государственным займам диктовалось возвращением к политике дефицитного бюджета и возобновлением практики займов (в основном — краткосрочных) сначала на внутреннем, а затем и на внешнем рынке, следовательно, увеличивался государственный долг, который составлял к 1914 г. 8 824,5 млн руб. В соответствии с Указами от 22 августа и 3 октября 1914 г. на 300 млн руб. были выпущены 4-процентные билеты государственного казначейства и проведен 5-процентный внутренний заем на 500 млн руб. Указ от 19 ноября 1914 г. объявил о выпуске новой серии 4-процентной ренты на сумму 10 млн руб.[33]

Сумму экстраординарных расходов казны на 1915 г. проект Министерства финансов определял в 155 493 953 руб., из которых 79 328 000 руб. отводилось на пополнение запасов и материальной части военного ведомства. Сумма эта была на 38 654 654 руб. меньше, чем соответствующие расходы, предусмотренные Законом от 27 июля 1914 г. На сооружение казенных железных дорог отводилось 67 710 577 руб. Эта расходная статья также была сокращена по сравнению с расходами, предусмотренными тем же законом для 1914 г. Тем не менее сумма, отведенная на строительство портов (9 384 200 руб.), на 4 301 200 руб. превышала расходы по этой статье, предусмотренные сокращенным бюджетом на 1914 г. Все перечисленные расходы покрывались поступлениями от вкладов в Государственный банк (1,5 млн руб.), от возврата казне долгов по продовольственному капиталу (8 млн руб.) и от положительного сальдо ординарного бюджета (1 293 853 руб.). Остаток в 144 700 100 руб. предполагалось покрыть за счет кредитных операций или введения новых налогов[34].

В таком виде проект бюджета поступил на рассмотрение законодательных палат. В своем докладе бюджетная комиссия Думы (докладчиком по проекту бюджета 1915 г. выступал сам председатель комиссии М.М. Алексеенко) прежде всего отметила, что время рас-

[33] См. главу V.

[34] Проект государственной росписи доходов и расходов на 1915 год с объяснительною запискою министра финансов. Пг., 1914. С. 1–155.

смотрения проекта значительно сократилось из-за позднего его внесения (вместо обычных четырех месяцев на его рассмотрение оставалось 20 дней). Указывая на то, что большинство мероприятий по увеличению налогов и введению новых видов обложения проводится по ст. 87 Основных законов, Алексеенко задавался вопросом, не является ли принятие Думой исчисления бюджетных поступлений с учетом новых налогов «одобрением по существу принятых правительством мер и закреплением их на будущее время» и отвечал на него отрицательно, склоняясь к тому мнению, что «согласие на включение в государственную роспись сумм, исчисленных от повышения и введения новых налогов, отнюдь не означает одобрения по существу оснований обложения».

Бюджетная комиссия, как это бывало и раньше, внесла в министерский проект бюджета свои изменения. Доходы ординарного бюджета были увеличены в докладе бюджетной комиссии до 3 132 174 314 руб. Расширению подвергся объем поступлений от повышенных окладов налогов и пошлин, от участия казны в доходах частных железнодорожных обществ, увеличены были также их обязательные платежи в казну. Постановив не включать в роспись сверхсметные кредиты, отпускаемые ведомствам по ст. 87, бюджетная комиссия сократила расходную часть ординарного бюджета на 20 млн руб.[35] В общей же сложности сокращение ординарных расходов составило 28,8 млн руб. Кроме того, увеличению подверглись расходы по сметам Министерства народного просвещения и Синода, а также некоторых других ведомств, всего на сумму 18 млн руб., так что чистое сокращение расходов ординарного бюджета составило 10,8 млн руб. Таким образом, сумма ординарных расходов в соответствии с докладом думской комиссии достигала 3 068 055 297 руб. При неизменности экстраординарных доходов сумма экстраординарных расходов бюджета была сокращена в думском докладе до 134 437 895 руб., что в конечном счете позволило сократить отрицательное сальдо бюджета в целом с 144 700 100 руб. до 60 818 878 руб.

В разделе думского доклада, который был посвящен косвенным налогам, высказывалось предложение установить предельные цены на облагаемые акцизами продукты, в особенности на те, продажа которых уже синдицирована. Дальнейшим шагом после установления предельных цен на эти продукты, по мнению составителей думского доклада, должно было стать введение государственных монополий на торговлю ими. Такие монополии рассматривались в докладе прежде всего как средство компенсации бюджетных потерь от отмены винной монополии.

По поводу ординарных расходов в докладе бюджетной комиссии говорилось, что «сделанное министром финансов уменьшение назначений могло бы быть произведено с большей разборчивостью и с большей осторожностью в отношении кредитов, о развитии которых всегда заботилась Государственная дума». В первую очередь это касалось кредитов по Министерству народного просвещения, сокращенных в министерском проекте по сравнению с бюджетом 1914 г. на 22,9 млн руб. (При обсуждении бюджета на 1914 г. некоторая часть думских оппозиционеров выступила против сметы Министерства народного просвещения по той причине, что во главе этого ведомства находится «реакционер» Кассо.) С це-

[35] 9 июля 1915 г. П.Л. Барк сделал представление в Совет министров о внесении в бюджет расходов, включаемых в ведомственные сметы без утверждения палат по ст. 87 и исключенных решением Думы из бюджета 1915 г. Совет министров одобрил это представление 14 июля 1915 г. Характерно, что дело, позволявшее ведомствам раздувать свои расходные сметы, было отнесено к числу разрешаемых собственной властью Совета министров и не требовавших санкции императора (Особый журнал Совета министров. 14 июля 1915 г.: РГИА. Ф. 1276. Оп. 20. Д. 92. Л. 120–121). Кредиты, исключенные Думой из бюджета, предлагалось отнести на счет наличности государственного казначейства (Представление П.Л. Барка в Совет министров. 5 мая 1916 г.: Там же. Оп. 12. Д. 362. Л. 2–6).

лью подчеркнуть пренебрежение коронных властей нуждами народного просвещения в докладе указывалась сумма сокращения этих расходов по сравнению с бюджетными назначениями 1914 г., а не с суммами, определенными на основании Закона от 27 июля 1914 г. Все это позволило составителям доклада указать, что кредиты Министерству народного просвещения исчислены Думой в размере, более чем в два раза превышающем назначения министерского проекта. Что касается отнесенных к ординарному бюджету кредитов Военному и Морскому ведомству, то здесь в думском докладе проскальзывала мысль о том, что в связи с отчислениями на военные нужды из «военного фонда», указанные кредиты, определяемые в соответствии с нуждами мирного времени, «имеют... в сущности отдаленную связь с действительностью»[36].

Общее собрание Думы приступило к рассмотрению бюджета 28 января 1915 г. Третья сессия IV Думы была самой короткой в ее истории, если не считать чрезвычайной июльской сессии 1914 г. Она открывалась в условиях, когда отношения коронной власти и «народного представительства» еще не обострились до такой степени, как это произошло летом того же года. «Опять речи с подъемом», — записывал в это время свои впечатления от январской думской сессии 1915 г. Я.В. Глинка[37]. Однако признаки настороженного отношения правительства к Думе уже появились, несмотря на декларации о необходимости «совместной работы», в которых с обеих сторон не было недостатка. В письме И.Л. Горемыкина М.В. Родзянко от 12 января 1915 г., котором он сообщал об открытии сессии 27 января, заранее указывалось, что «продолжительность предстоящей сессии будет, ввиду военных обстоятельств, ограничена весьма кратким сроком»[38]. Попытки депутатов продлить срок сессии имели спорадический характер и были малоэффективными. Подобного рода формула перехода была предложена прогрессистом К.К. Фирсовым, который призывал ограничить внедумское законодательство, а также требовал скорейшего введения подоходного налога. Однако в своем докладе председатель бюджетной комиссии М.М.Алексеенко призвал не возлагать на подоходный налог чрезмерных ожиданий. Председатель думской бюджетной комиссии высказался также за установление казенных торговых монополий и предельных цен, которое, хотя и «является уже очень резкою мерою в отношении частных предприятий», тем не менее, как считал Алексеенко, «интересы масс населения, платящих налоги, в этом отношении должны быть поставлены выше интересов известной группы лиц». В отношении увеличения расходов Алексеенко обратил внимание Думы на то, что «выбор этих расходов... сделан совершенно беспартийно», т.е. способен удовлетворить все противоборствующие в Думе партийные группы. Действительно, бюджетная комиссия увеличила и кредиты на начальное образование, и ассигнования на содержание приходского духовенства, что впоследствии вызвало нарекания при обсуждении росписи. Государственный контролер П.А. Харитонов, который заменял министра финансов во время обсуждения проекта росписи и выступал в Думе от имени правительства, нарисовал в своем бюджетном докладе нарочито оптимистическую картину состояния государственного и народного хозяйства. В то же время он обратил внимание Думы и на то, что «трудно предвидеть, как долго продлится война; поэтому проект росписи на 1915 г. в своей доходной части по необ-

[36] Доклад бюджетной комиссии по государственной росписи доходов и расходов на 1915 год // Доклад бюджетной комиссии по проекту закона о государственной росписи доходов и расходов на 1915 год. Четвертый созыв. Сессия III. 1915 г. Пг., 1915. № 1.

[37] *Глинка Я.В.* Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906–1917: Дневник и воспоминания. М., 2001. С. 137.

[38] И.Л. Горемыкин — М.В. Родзянко. 12 января 1915 г.: РГИА. Ф. 1276. Оп. 10. Д. 7. Л. 30.

ходимости имеет значение предположительного и приблизительного исчисления». Трибуну при обсуждении бюджета занимали по большей части черносотенные ораторы, которые произносили речи, далекие от бюджетных вопросов. Н.Е. Марков сразу же заявил, что «в такое время, как мы переживаем. говорить о бюджете, говорить о реформах... положительно невозможно». В.М. Пуришкевич счел «касаться отдельных вопросов бюджета и смет... совершенно несвоевременным», гораздо более «своевременной», по мнению черносотенных ораторов, была борьба против немецких колонистов и немецкого землевладения в России. Некоторым исключением явилась речь товарища председателя думской финансовой комиссии А.С. Посникова, который счел, что в докладе государственного контролера «картина благополучия нашего хозяйства... нарисована... красками, несколько более густыми, чем следовало бы». Впрочем, хозяйственное расстройство А.С. Посников находил «совершенно естественным» в условиях войны. Традиционные средства для исправления ситуации оратор полагал «негодными». Он высказался за скорейшее введение подоходного налога как наиболее «справедливого» типа обложения, который способен изменить ту «нерастяжимость, которой отличается существующая податная система», которая наибольшую часть податного бремени возлагает на «массу населения, которая собственно не в состоянии нести его». Посников высказался за установление равноправия крестьян с другими сословиями, а также за облегчение создания кооперативов и других «хозяйственных союзов», которые, по мысли оратора, должны были стать эффективными рычагами правительственного воздействия на экономику. Посников указал также на «затруднения» Думы в том случае, если она санкционирует уже проведенные правительством по ст. 87 Основных законов налоговые мероприятия, которые в Думе не обсуждались. Кроме того, он обратил внимание на необоснованное увеличение бюджетной комиссией некоторых расходов, в частности на содержание причта православных приходов, тогда как сокращения, сделанные бюджетной комиссией в росписи, Посников считал «ничтожными» и полагал, что она могла бы провести гораздо бóльшие сокращения смет, имея в виду чрезвычайные условия войны. Посников дал также понять, что восстановление бюджетной комиссией некоторых кредитов, сокращенных правительством в начале войны, представляло собой политическую акцию, призванную продемонстрировать независимость комиссии от решений коронной власти.

Интересно отметить, что поддержка Посниковым правительства вызвала на этот раз одобрение на левых скамьях Думы. Отчасти это произошло, быть может, из-за того, что кредиты, увеличенные бюджетной комиссией, предназначались на нужды церковного причта, против чего традиционно выступали представители думских левых. Впрочем, сами думские либералы по бюджетным вопросам практически не высказывались. Некоторое исключение в этом смысле представляла собой речь трудовика В.И. Дзюбинского, наполненная обвинениями против правительства, ослабившего и подорвавшего «силы народа», к чему приводит борьба правительства с «проявлением всякой самодеятельности». В этом смысле Дзюбинский солидаризировался с Посниковым и в более резкой форме повторил то, что Постников выразил сглажено. Наконец, В.И. Дзюбинский первым прямо указал на то, о чем А.С. Посников сказал лишь вскользь: что правительство «не нашло нужным» даже внести на рассмотрение сессии налоговые законопроекты, уже проведенные по ст. 87 Основных законов. Дзюбинский обратил также внимание на то, что правительство прибегает почти исключительно к увеличению косвенного обложения и оттягивает введение «наиболее справедливого» подоходного налога. Он посетовал на поспешность рассмотрения росписи в бюджетной комиссии и тем более в общем собрании Думы, при которой нет физической возможности для ее исправления, а между тем урезанными, по его мнению, оказались рас-

ходы на «удовлетворение производительных культурных нужд», тогда как расходы на «администрацию, тюрьмы и полицию... оставлены почти в том же размере». В сущности полностью солидаризуясь с Посниковым, Дзюбинский вместе с тем практически повторил слова представителя коронной власти в нижней палате, государственного контролера Харитонова, заявив, что сама роспись составлена «в произвольных и необоснованных цифрах». В связи с этим трудовая группа решила при голосовании воздержаться, о чем и было объявлено с думской трибуны А.Ф. Керенским. Тем не менее ни Постников, ни Дзюбинский, ни Керенский не предложили никаких особых «формул перехода», которые имели бы отношение к бюджету. А.И. Шингарев от имени кадетской фракции отказался от голосования против бюджета или смет отдельных ведомств, «как это фракцией делалось в мирное время», поскольку фракцией было решено «не прибегать к внутренней политической борьбе». Шингарев полагал, что свои права фракция уже использовала при рассмотрении росписи в бюджетной комиссии. В результате проект росписи в редакции бюджетной комиссии был практически без возражений принят в самый день начала прений[39].

Обсуждение бюджета 1915 г. в Государственном совете было столь же кратким, как и в Государственной думе, и началось 27 января, на один день позже, чем в нижней палате. Докладчиком финансовой комиссии верхней палаты выступил Н.Н. Покровский. С самого начала он обратил внимание палаты на нарождающуюся систему двух бюджетов, когда роспись «заключает в себе лишь сравнительно меньшую часть государственных расходов 1915 г., так как кредиты на надобности военного времени открываются... в порядке верховного управления». В докладе финансовой комиссии было обращено внимание на сокращение государственных расходов и увеличение податного бремени. Впрочем, Покровский оговорился, отметив, что сокращение расходов произведено финансовым ведомством «с достаточною осторожностью». Доклад комиссии верхней палаты был выдержан в «оптимистическом» духе, выражая надежду, что хорошие виды на урожай 1915 г. и «сравнительное спокойствие в экономической жизни» благоприятным образом скажутся на бюджетных поступлениях, и государственные доходы не будут резко противоречить предположениям, которые делались на этот счет финансовым ведомством. Комиссия Государственного совета поддержала предложение Думы об исключении из проекта росписи кредитов, внесенных в нее по ст. 87, несмотря на протест, выраженный в прениях по бюджету в верхней палате бывшим министром внутренних дел А.А. Макаровым. Сокращения, произведенные финансовой комиссией в министерском проекте бюджета в целом соответствовали тем, которые были произведены бюджетной комиссией Государственной думы. Немногочисленные ораторы, выступавшие в прениях по докладу финансовой комиссии, не внесли каких-либо предложений по изменению росписи. Исключение составил А.А. Макаров, высказавшийся против исключения из нее сверхсметных и экстраординарных кредитов. Выспренностью и казенным оптимизмом отличалась даже речь И.Х. Озерова, который обычно выступал в Государственном совете с весьма критическими суждениями. В данном случае почти вся его речь состояла из восклицаний и благих пожеланий. Тем не менее и в ней Озеров не преминул обратиться к своей излюбленной теме развития производительных сил и уже в который раз привел в качестве примера для подражания Соединенные Штаты Америки, чем вызвал ответную реакцию других членов верхней палаты, которые, возражая Озерову, высказывали опасения перехода в таком случае всей политической власти к крупному капиталу, что они признавали нежелательным. Впрочем, дискуссии в Государственном совете по проекту

[39] Государственная дума: Стенографические отчеты. Созыв IV. 1915 г. Сессия III. Пг., 1915. Стб. 92–154.

бюджета, как это бывало в довоенные годы, так и не произошло. Очевидно, она и не планировалась, если учесть призывы, прозвучавшие в самом начале сессии, отказаться от длительных прений. В результате верхняя палата приняла бюджет в его думском варианте. 5 февраля 1915 г. государственная роспись была утверждена Николаем II[40].

Оптимистические предположения Покровского относительно поступления в 1915 г. государственных доходов в целом оправдались (см. табл. 20), хотя сумма поступлений была меньшей, чем в 1914 г. по причине резкого сокращения питейного дохода, поступления от которого в течение 1915 г. еще не могли быть полностью компенсированы. По предварительным данным Государственного контроля бюджетных поступлений, по ординарной части росписи казна собрала 2 827,7 млн руб., т. е. на 304,5 млн руб. меньше, чем предполагалось. Министр финансов считал, однако, поступления 1915 г. «довольно удовлетворительными», хотя и вполне обоснованно приписывал это повышению налоговых ставок и введению новых видов обложения.

Только от увеличения налоговых ставок и введения новых налогов казна получила 426,5 млн руб., или 15,1% ординарных доходов. Что касается недопоступления доходов (см. табл. 21), то кроме тех, что были связаны с казенной продажей питей, оно в первую очередь коснулось железнодорожных доходов и произошло из-за захвата противником части территории империи. Так, от эксплуатации казенных железных дорог было недополучено 65,4 млн руб., а от налога на железнодорожные перевозки — 61,2 млн руб.

В течение 1915 г. в казначейство поступило экстраординарных доходов на сумму 50,6 млн руб., из них 48,9 млн руб. — не предусмотренных росписью. Они представляли собой выручку от выпуска в обращение казначейских разменных знаков[41]. Выручка от займов составила 8 272,5 млн руб., в том числе от учета краткосрочных казначейских обязательств внутри страны — 3 176 млн руб., за границей — 2 218 млн руб., от реаизации долгосрочных внутренних займов — 2 878,5 млн руб., из которых 583,2 млн руб. были получены от выпуска 4-процентных билетов казначейства.

Ординарные расходы за 1915 г. выросли за счет сверхсметных ассигнований, которые в общей сложности достигли 96,9 млн руб., из которых 29 млн руб. были отпущены на различные надобности Военного и Морского министерств, 18 млн руб. — на расчеты с железными дорогами за казенные перевозки, осуществленные до 1 января 1914 г., и 6,3 млн руб. — на содержание губернских правлений и канцелярий губернаторов. Кроме того, 4,5 млн руб. были выделены сверх смет на усиление производительности горных заводов, 3,3 млн. руб. — на улучшение материального положения чинов почтово-телеграфного ведомства. Равные суммы по 3 млн руб. были отпущены на выдачу казенных ссуд земскому кредитному обществу губерний Царства Польского в связи с хозяйственным разорением польских губерний, на закупку пшеницы в Сибири и на выписку шпагата для продажи сельским хозяевам. 2,3 млн руб. было отпущено на переселенческое дело, 2 млн руб. — на выдачу ссуд владельцам лечебных курортов и 22,5 млн руб. — на прочие, более мелкие надобности. По системе государственного кредита в 1915 г. было также ассигновано сверхсметных кредитов на сумму 139,1 млн руб. на оплату процентов по двум внутренним займам 1915 г. (40 млн руб.), по краткосрочным обязательствам (92,5 млн руб.) и по билетам государственного казначейства (6 млн руб.). Остаток кредита был истрачен на операционные издержки по займам. Всего же с указанными кредитами сумма ординарных расходов составила 3 304,1 млн руб. Из этой суммы следовало вычесть 510,2 млн руб., отнесенных на военный фонд, 31,7 млн руб. кредитов, закрытых за ненадобностью, а также 62,8 млн руб. неизрасходованных ссуд по системе государственного кредита. Таким образом, сумма ординарных расходов фактически исчислялась 2 699,4 млн руб.

[40] Государственный совет: Стенографические отчеты. 1915 г. Сессия X. Пг., 1915. Стб. 33–111; О государственной росписи доходов и расходов на 1915 г. 5 февраля 1915 г. // СУ. 1915. Отд. I. № 43. Ст. 385.

[41] См. главу IV.

К 134,4 млн руб. экстраординарных расходов, определенных росписью 1915 г., различными сверхсметными ассигнованиями были добавлены 68,2 млн руб., из которых 36,8 млн руб. отпускались на усиление кредитов Министерства путей сообщения по сооружению железных дорог, 16 млн руб. — на санитарные мероприятия, 8,4 млн руб. — на продолжение довоенных строительных работ и 7 млн руб. на прочие надобности. Одновременно из суммы экстраординарных расходов должны были быть вычтены невостребованные кредиты на сумму 4,1 млн руб. В итоге сумма экстраординарных расходов составила 198,5 млн руб.

Что касается военных расходов, то с начала войны до 1 января 1916 г. на военные цели было ассигновано 11 920,9 млн руб. В 1914 г. было израсходовано 1 675 млн руб. Кредиты на сумму 5,4 млн руб., закрыты были оказались неиспользованными. За 1915 г. было израсходовано 8 815,4 млн руб., остаток на начало 1916 г. составил 1 443,1 млн руб.

Таким образом, ординарный бюджет 1915 г. был сведен с положительным сальдо в 128,3 млн руб. (2 827,7 и 2 699,4 млн руб.). Отрицательное сальдо экстраординарного бюджета (без выручки от займов) составило 147,9 млн руб. (198,5–50,6 = 147,9 млн руб.). После покрытия его на сумму положительного сальдо ординарного бюджета, остаток в 19,6 млн руб. должен был покрываться сбережениями за 1912–1914 гг. Военные расходы 1915 г. (8 815,4 млн руб.) превысили поступления от займов (8 272,5 млн руб.) на 542,9 млн руб. Эта разница должна была покрываться за счет новых кредитных операций[42].

Первый военный бюджет России определил особенности, которые были присущи государственной росписи и в дальнейшем: сокращение расходов на гражданские нужды, увеличение бюджетных поступлений, в первую очередь налоговых, за счет увеличения их ставок и установления новых видов обложения, наконец, появление системы «двух бюджетов». Начинали давать о себе знать и фиктивные, или «оборотные», доходы казны от оплаты пошлин за казенные грузы и заказы, которые оплачивались за счет военного фонда, на чем более подробно мы остановимся ниже. Все эти факторы, несколько видоизменяясь, продолжали действовать и в дальнейшем.

3. Бюджет 1916 г.

Подготовка правительством проекта бюджета 1916 г. началась уже в середине предыдущего года. 4 июня 1915 г. П.Л. Барк и П.А. Харитонов направили в Совет министров представление о сокращении сметных ассигнований на будущий год. Предполагалось сократить в первую очередь строительные и ремонтные кредиты, «так как подобного рода затраты по самому существу своему преимущественно пред всеми другими допускают возможность сокращений и наибольших отсрочек». Сокращению подлежали также операционные кредиты и ассигнования на разного рода премии, на увеличение штатов, открытие новых учреждений и т. д. Во всяком случае министр финансов и государственный контролер полагали не допустить при составлении бюджета 1916 г. превышения ассигнований по

[42] Проект государственной росписи доходов и расходов на 1917 год с объяснительною запискою министра финансов. Пг., 1916. С. 2–10.

сравнению с предыдущим годом[43]. Тем не менее Совет министров счел, что «едва ли было бы правильно возлагать преувеличенные надежды на возможность сколько-нибудь значительного сокращения ожидаемого дефицита путем уменьшения обыкновенных сметных назначений». Совет министров для достижения целей бюджетной экономии предлагал меры, которые сам называл «более решительными». Однако они были не чем иным, как несколько измененными предложениями государственного контролера и министра финансов. Ничего кардинально нового и «решительного» Совет министров предложить для сокращения бюджетного дефицита на 1916 г. не смог[44]. При невозможности предусмотреть срок утверждения бюджета 1916 г. министр финансов представил в октябре 1915 г. проект расходных сметных расписаний на январь — апрель следующего года, основываясь на росписи текущего года. Сумма этих временных смет первоначально составляла 1 076 003 204 руб., однако, рассматривая данный проект, Совещание под председательством товарища министра финансов В.В. Кузьминского сократило предложенную в нем сумму до 919 546 422 руб.[45] Одновременно с внесением в Совет министров проекта временных смет 30 октября 1915 г. П.Л. Барк внес на рассмотрение законодательных палат сам проект бюджета 1916 г.[46]

В объяснительной записке к проекту бюджета до 1916 г. министр финансов уже имел возможность обрисовать положение народного и государственного хозяйства страны за военные годы. Прежде всего он обращал внимание на падение в 1914 г. урожайности почти всех основных видов зерновых культур (см. табл. 22).

Если за 1909–1913 гг. урожай зерновых в среднем составлял 4 366,5 млн пудов, то в 1914 г. – 4 191,9 млн пудов. Министр финансов указывал вместе с тем, что по данным, которыми располагало Министерство земледелия, урожай 1915 г. должен был превысить урожай предыдущего года примерно на 24%. Начало войны явилось причиной резкого сокращения экспорта хлеба как в Германию, так и через Черноморские проливы. В 1914 г. он сократился по сравнению с предыдущим годом почти вдвое (с 647,8 млн пудов до 374,6 млн пудов). Война вызвала также весьма ощутимое падение хлебных цен, в особенности в причерноморских губерниях, которое сменилось затем их резким взлетом в результате начатой хлеботорговцами спекуляции. Скачки цен продолжались в течение всего 1915 г. Например, в Киеве цены на пшеницу с июля по сентябрь 1914 г. упали с 1,07 руб. за пуд до 1,03 руб., после чего началось их повышение, достигшее к маю 1915 г. 1,60 руб. за пуд. К октябрю 1915 г. цены на киевском рынке упали до 1,25 руб. за пуд.

Отрицательное сальдо русского хлебного экспорта в условиях, когда зерно было основным вывозным товаром, означало установление с началом военных действий отрицательного сальдо всего торгового баланса страны, который составил по европейской торговле в 1914 г. 73 млн руб., а в первом полугодии 1915 г. — 86,2 млн руб., в то время как до войны Россия имела в европейской торговле положительное сальдо. Основным импортером русских товаров с началом войны стала Англия (31,8% русского экспорта), затем с большим отрывом следовала Франция (2,5%), далее среди стран, русский экспорт в которые представлял сколько-нибудь значительную величину, шли Румыния, Швеция и Сербия. На долю русского импорта (не считая ввоза из Финляндии) приходилось 32,8% английских товаров,

---

[43] Представление П.Л. Барка и П.А. Харитонова в Совет министров. 4 июня 1915 г.: РГИА. Ф. 1276. Оп. 11. Д. 293. Л. 2–15.

[44] Особый журнал Совета министров. 9 июня 1915 г.: Там же. Д. 662. Л. 14–17.

[45] Представление П.Л. Барка в Совет министров. 30 октября 1915 г.: Там же. Д. 429. Л. 16–17; Журнал Совещания. 1 декабря 1915 г.: Там же. Л. 30–32.

[46] П.Л. Барк – М.В. Родзянко. 30 октября 1915 г.: Там же. Ф. 1278. Оп. 7. Д. 1565. Л. 2.

9,3% товаров из США и 7,6% из Германии. На протяжении 1915 г. импорт из Англии, США, Франции и Германии сокращался, а из Швеции увеличивался. Увеличивался также импорт в Россию из Финляндии. Основная часть импортируемых из Западной Европы товаров шла через архангельский порт. По сравнению с 1914 г. к середине 1915 г. доля сырья и полуфабрикатов сократилась в русском импорте по европейской границе с 50,5% до 43,2%. Ввоз готовой продукции вырос за этот период с 36,6% до 38%, тогда как ввоз продуктов питания — с 12,9% до 17,7%.

Отрицательное сальдо в торговом балансе России по азиатской границе, сложившееся еще до начала войны, теперь увеличилось, составив в 1914 г. 68,9 млн руб., при том, что годом ранее оно выражалось в сумме 54,3 млн руб. Здесь увеличению русского импорта способствовало чрезвычайно возросшее с началом войны значение владивостокского порта. Во внутренней торговле при росте потребления различных видов продукции как тяжелой, так и легкой промышленности, связанном с военными заказами, цены на продукты «мирного» производства постоянно поднимались, так как оно страдало от нехватки сырья. Рост цен был обусловлен также увеличением объема сбережений среди низших слоев общества, к которому в какой-то мере привело запрещение продажи крепких напитков. То же случилось, например, в текстильной промышленности, когда фабриканты, видя увеличение средств на руках потенциальных покупателей, начали поднимать цены на свою продукцию. 1915 год стал годом сокращения ярмарочной торговли. На Ирбитской ярмарке объем продаж сократился по сравнению с 1914 г. на 30,9%, почти вдвое сократился объем сделок на Крещенской ярмарке в Харькове, «в общем ниже средней» признавалась Киевским биржевым комитетом торговля на Киевской контрактной ярмарке, на 50–75% менее обычного товаров было привезено на Нижегородскую ярмарку, число крупных оптовиков среди покупателей уменьшилось.

Война привела к сокращению объемов акционерного учредительства. Если с 1 августа 1913 г. по 1 августа 1914 г. было разрешено к учреждению 325 компаний с капиталом 450,3 млн руб., то за период до 1 августа 1915 г. — уже 250 компаний с капиталом 297,5 млн руб. Что касается увеличения капитала компаний, то за первый указанный период оно составило 324 млн руб., за второй — 129,3 млн руб.

Военные заказы казны стали главным условием поддержания производства на промышленных предприятиях. Контрагенты казны расширялись и испытывали дефицит рабочих рук, тогда как предприятия, занятые изготовлением мирной продукции, оказались в кризисном положении. Например, текстильные фабрики Московского промышленного района были вынуждены сокращать производство и поддерживали его в основном за счет военных заказов. Средняя номинальная заработная плата рабочих в 1914 г. составила 257 руб. при 271 руб. в 1913 г. Впрочем, неблагоприятные условия войны, отмечалось в объяснительной записке Министерства финансов к проекту бюджета на 1916 г., в разной мере отразились на положении ведущих отраслей промышленности, как добывающей, так и обрабатывающей. В каменноугольной промышленности после потери Домбровского бассейна основными стали месторождения Донбасса, добыча угля в котором сократилась в первой половине 1915 г. по сравнению с тем же периодом 1914 г. с 912,6 млн пудов до 790,3 млн пудов. Тяжелое положение на железнодорожном транспорте препятствовало вывозу донецкого угля с месторождений. Донецкий уголь в конечном счете не смог возместить потери месторождений в Царстве Польском. В нефтяной промышленности Бакинского района, наоборот, в указанный период наблюдался некоторый рост добычи (с 267,5 млн пудов в первой половине 1914 г. до 287,2 млн пудов). Однако и здесь транспортные проблемы за-

трудняли вывоз. Цены на нефть оставались неустойчивыми и колебались с августа 1914 г. по ноябрь 1915 г. от 25,3 коп. за пуд (октябрь 1914 г.) до 48,3 коп. за пуд (июль 1915 г.). В железоделательной промышленности производство чугуна сократилось в 1915 г. по сравнению с предыдущим годом с 95,8 млн пудов до 77,5 млн пудов, железа — с 85,8 млн пудов до 66,3 млн пудов. Цены на чугун в результате выросли за указанный период с 73 до 90 коп. за пуд, на железо с 1,53 руб. до 1,90 руб. за пуд.

Относительно темпов казенного железнодорожного строительства в объяснительной записке к проекту бюджета отмечалось, что в 1915 г. на средства казны сооружалось 5 296 верст железных дорог, разрешено было к постройке 454 версты и 2 718 версты предполагалось соорудить. До 1 сентября 1915 г. частным железнодорожным обществам было разрешено построить с казенной гарантией капитала 1 124 верст железных дорог, строительная стоимость которых составляла 96 934 000 руб. Предполагалось также построить 14 433 версты частных железных дорог.

Обращаясь к состоянию денежного рынка, Министерство финансов в своей записке констатировало, что 1914 г. рынок встретил с «большой сдержанностью». Это было связано с «тревожным политическим настроением». Самым значительным колебаниям оказался подвержен учетный процент в Лондоне, где он колебался от 4% в январе 1914 г. до 10% в августе и стабилизировался во второй половине 1914 г. на уровне 5%. На том же уровне остался после колебаний первых месяцев войны учетный процент в Париже и Берлине. В Петербурге установленная 20 марта 1914 г. ставка в 5,5% была повышена 16 июля до 6% и с тех пор не изменялась. Сокращение экспорта и рост заграничных военных заказов ухудшили расчетный баланс России, на положение которого повлияла также приостановка кредита русским банкам и предприятиям за границей. Курсы валют стали повышаться: если в первой половине 1914 г. 100 фр. стоили 37,81 руб., а 10 ф. ст. — 95,24 руб., то в ноябре 1915 г. 100 фр. стоили уже 51–55 руб., а 10 ф. ст. — 150–156 руб., соответственно в Лондоне и Париже курс рубля падал.

За период войны до конца 1915 г. эмиссионное право Государственного банка увеличивалось трижды: 27 июля 1914 г. — на 1,2 млрд. руб., 17 марта 1915 г. — на 1 млрд. руб. и 22 августа 1915 г. — также на 1 млрд. руб., достигнув таким образом 3,5 млрд. руб. Сокращался государственный золотой запас — с 1 744 млн руб. по данным на 1 июля 1914 г. до 1 733 млн руб. — к 1 ноября 1915 г. Однако накопление средств на банковских счетах шло, по мнению министра финансов, «весьма успешно». Остатки на счетах коммерческих банков увеличились с 1 января 1914 г. по 1 ноября 1915 г. с 2 568 млн руб. до 3 435 млн руб. Тем не менее объем учетно-ссудных операций частных банков не достиг еще довоенного уровня, составляя на 1 ноября 1915 г. 3 098 млн руб. (3 211 млн руб. на 1 августа 1914 г.). Наиболее быстрыми темпами увеличивались накопления населения на счетах сберегательных касс. Барк отмечал, что «столь неблагоприятное, казалось бы, для экономической жизни страны явление, как война... послужило к небывалому развитию их [сберегательных касс] деятельности». С августа 1914 г. по ноябрь 1915 г. денежные вклады в сберегательных кассах выросли на 653,1 млн руб. Остатки денежных вкладов к ноябрю 1915 г. насчитывали 2 336,5 млн руб. Положение Совета министров 23 октября 1915 г. предусматривало открытие 4 971 сберегательных касс при почтовых отделениях. Еще ранее сберегательные кассы стали принимать вклады наличными без ограничения суммы и государственные ценные бумаги. Тогда же правительственные кредитные операции и падение курса твердопроцентных бумаг создали затруднения для реализации ипотечных ценностей. Выросла задолженность сельского землевладения, с 1 января 1914 г. по 1 января 1915 г. она увеличилась: Кре-

стьянскому банку — с 1 344 млн руб. до 1 402 млн руб., Дворянскому банку — с 957 млн руб. до 1 012 млн руб. и прочим учреждениям ипотечного кредита — с 1 420 млн руб. до 1 472 млн руб. С учетом городской недвижимости вся ипотечная задолженность увеличилась с 5 470 млн руб. до 5 707 млн руб. Котировка русских ценных бумаг за границей, которая в связи с закрытием русских бирж приобретала особое значение, изменилась незначительно и в объемах, сравнимых с падением курсов национальных ценных бумаг. Так, в Париже облигации 4,5-процентного займа 1909 г. упали с 85 до 80 пунктов, тогда как 3-процентная французская рента — с 73,40 до 69,40. Акции бакинских нефтепромышленных компаний на парижской бирже в июле 1915 г. даже выросли в цене по сравнению с декабрем 1914 г.[47]

Представляя в законодательные палаты сам проект бюджета на 1916 г. (см. табл. 23), министр финансов отмечал «невозможность предусмотреть срок окончания войны» и поэтому «учесть заранее с какою-либо точностью ее угнетающее действие на экономическое и финансовое положение государства», что, в свою очередь, «делает многие сметные предположения, в особенности в области доходных исчислений, в значительной степени условными».

Сокращение объема ординарного бюджета по сравнению с 1915 г. произошло в основном за счет уменьшения на 204 678 тыс. руб. питейных доходов, включая доходы от монополии и акциза (см. табл. 24).

Увеличение дохода от поземельных налогов, налогов с недвижимости и податей достигалось за счет увеличения ставок государственного поземельного налога, новые оклады которого были утверждены 24 декабря 1914 г. и 4 июля 1915 г.[48] Поступления же собственно от налогов с недвижимости, наоборот, предусматривались в уменьшенном размере в связи с сокращением территории империи и переходом значительного количества городов к неприятелю. В число податей был включен военный налог на лиц, освобожденных от воинской повинности, на основании Положения Совета министров, утвержденного 19 апреля 1915 г. В 1916 г. предусматривались поступления от этой подати в размере 7,800 млн руб.

Сокращению подверглись доходы от всех видов промыслового обложения, в основном за счет предприятий на оккупированных территориях. Сбор с доходов от денежных капиталов, как предусматривалось, должен был дать увеличение поступлений в казну прежде всего за счет сбора от бумаг частных обществ, доходы от которых были определены в размере 104 тыс. руб., и обгоняли планируемые поступления от сбора с железнодорожных акций, доход от которых планировался в сумме 84 тыс. руб., а также государственных бумаг, которые, по расчетам Министерства финансов, должны были принести своим владельцам 71 тыс. руб.

Политика сокращения продажи крепких напитков вела к дальнейшему падению доходов по статье акцизов с питей, которые не относились к монополии, несмотря на введение 14 июля 1915 г. нового акциза с виноградных вин. Планировалось лишь увеличение поступлений от штрафов за нарушение акцизных уставов. Увеличение дохода от акциза на нефтепродукты и табачного акциза было рассчитано на основе «нормального» роста поступлений по этим статьям за последние годы с учетом увеличения ставок данных акцизов. Тем не менее, несмотря на увеличение акциза на спички, доход от него предусматривался в уменьшенных объемах в связи с сокращением производства спичек недовольными повышением

---

[47] Объяснительная записка министра финансов к проекту государственной росписи доходов и расходов на 1916 год. Ч. 2. Пг., 1915. С. 1–127.

[48] См. главу III.

акциза спичечными фабрикантами. Сокращение же дохода от сбора с папиросных гильз и бумаги было связано с ростом потребления папирос фабричной выделки. Поступления от акциза на сахар были рассчитаны на основе объема производства сахара, определенного на 1916 г. Положением Совета министров от 17 августа 1915 г. (90 млн пудов для реализации на внутреннем рынке при общем производстве в 104,4 млн пудов). По сравнению с предыдущим годом предполагалось уменьшить производство сахара, поскольку была разрешена реализация на внутреннем рынке 104 млн пудов сахара. В то же время цены на сахар росли, достигая 5,15 руб. за пуд.

Поступления от таможенных пошлин предусматривалось увеличить прежде всего в связи с ростом правительственных заказов за границей, которые облагались пошлиной в соответствии с постановлением Совета министров от 30 июня 1915 г. Только от этих грузов казначейство рассчитывало получить 100 млн руб. пошлин, что составляло фиктивный, или «оборотный», доход казны. Кроме того, увеличение таможенного дохода должно было последовать в связи с введением 28 февраля 1915 г. новых ставок таможенного обложения европейской торговли. Сокращение в годы войны имущественных сделок повлияло на суммы гербовых, судебных и канцелярских пошлин и пошлин с переходящих имуществ, доход от которых министерский проект бюджета предусматривал в уменьшенном по сравнению с предыдущим годом объеме. Финансовое ведомство решило также не планировать увеличения доходов от сборов с товаров и судов в портах и от пошлин, которыми облагались застрахованные от огня имущества, оставив эти доходы на уровне бюджета 1915 г.

Что касается правительственных регалий, то только в основу исчисления дохода от телеграфной и телефонной связи было положено «нормальное» возрастание поступлений по данной статье за несколько лет. В связи с необходимостью ликвидировать недоимки, числившиеся за посессионными горными заводами, поступления от казенных горных заводов в проекте бюджета были сокращены по сравнению со среднегодовым приростом прибыли этих заводов. Монетный доход казны был рассчитан в соответствии с данным Монетному двору нарядом на чеканку серебряной, биллонной и медной монеты на сумму соответственно 2 млн руб., 21,5 тыс. руб. и 1 835 тыс. руб. при рыночной стоимости поступавшего в передел серебра 519 руб. 93 коп. за пуд. Поступления от почтового дохода подверглись урезыванию в связи с сокращением территории империи, с одной стороны, и ростом числа бесплатных почтовых отправлений — с другой. Поступления от казенной продажи питей сокращались в соответствии с проводимой политикой запрета на продажу спиртных напитков. Уменьшалось число мест, где продавалась казенная водка, сокращались и доходы от ее продажи. Если в январе 1915 г. было продано 10 640 ведер водки, то в июне — 6 503 ведра. За тот же период с 101 914 до 245 580 ведер возрос отпуск спирта на казенные надобности. Стоимость такого спирта была гораздо ниже цены водки. С целью предотвращения перегонки денатурированного спирта в суррогат водки была сокращена его продажа, тем не менее потребление денатурированного спирта увеличивалось.

Предполагалось, что в 1916 г. доходы от казенных оброчных статей и промыслов, основу которых составляла сдача в аренду казенных нефтеносных участков в Бакинском районе, будут меньше, чем в 1915 г. в связи с уменьшением объемов нефтедобычи. В меньшем объеме были исчислены и доходы от казенных лесов, несмотря на увеличение в 1915 г. торговли лесом и дровами, которые во все бóльших масштабах заменяли угольное топливо.

Казенная железнодорожная сеть к моменту составления правительственного проекта росписи на 1916 г. сократилась с 43 872 до 38 699 верст за счет линий, полностью или частично занятых неприятелем. Объем поступающего от них чистого дохода уменьшился с

659 111 тыс. руб., которые рассчитывали выручить в 1915 г., до 639 478 тыс. руб., которые, по предположению финансового ведомства, казна могла получить в 1916 г. Только от перевозок военных грузов, оплачиваемых за счет военного фонда, планировалось получить 150 млн руб. Финансовое ведомство намеревалось сократить другие «железнодорожные» статьи дохода казны, что объяснялось уменьшением доходов железнодорожных обществ. Сокращению подверглись их обязательные платежи в казну, а также доходы от участия казны в их прибылях. Доходы от казенных заводов, технических заведений и складов планировались в уменьшенном по сравнению с предыдущим годом объеме, прежде всего в связи с задолженностью Военного и Морского министерств казенным предприятиям, которые выполняли их заказы. Эти доходы были исчислены в объемах 1915 г. В рамках указанной статьи бюджета некоторому сокращению подверглись поступления от продажи пороха и различных припасов с казенных артиллерийских складов, а также доходы от государственных типографий. Задолженность крестьян по погашению казенной ссуды за приобретаемые ими у государства земли вынудила Министерство финансов сократить поступления от продажи недвижимых имуществ. По этой же причине был сокращен доход от неотмененных выкупных платежей. Льготный характер порядка погашения казенных ссуд бакинским нефтепромышленникам обусловил сокращения поступлений от возврата казне ссуд и других расходов.

Исключительным было увеличение в министерском проекте бюджета 1916 г. казенных доходов от капиталов и кредитных операций. Увеличение коммерческой прибыли только Государственного банка планировалось почти в троекратном размере. Почти вдвое должны были возрасти доходы казны от принадлежащих ей ценных бумаг. Эти доходы, как и поступления таможенных пошлин за закупленные казной товары, по большей части имели фиктивный характер. Предполагаемое в 1916 г. несколько большее, чем ранее, поступление в общеимперский бюджет сумм Великого княжества Финляндского позволило увеличить доходы казны по статье «пособия из посторонних источников». Заранее запланировано было увеличение поступлений по китайской контрибуции. Наконец, за счет различного рода штрафов и доходов от выморочных имений и капиталов планировалось увеличить в 1916 г. поступления в казну доходов «разного рода».

Ординарные расходы бюджета Министерство финансов предполагало увеличить по сравнению с 1915 г. на 100 млн руб. (см. табл. 25).

Несмотря на декларации о необходимости экономии бюджетных средств сметы большинства ведомств были хотя и в незначительной степени, но увеличены, что, впрочем, было связано с ростом дороговизны, которая к этому времени уже стала масштабным явлением. Изменилось также распределение расходов по предметам назначения (см. табл. 26).

Увеличение казенных расходов на общегосударственные нужды и по обязательствам казны было обусловлено прежде всего возрастанием объема казенных кредитных операций и вызванным войной увеличением пенсионных расходов. Кредиты на культурные и просветительские цели были увеличены незначительно, а на казенные операции сокращены за счет уменьшения издержек по казенной продаже питей, по этой же причине среди других ведомственных смет наибольшему сокращению подверглась смета Министерства финансов. Сокращения по статье «Казенная продажа питей» поглотили даже произведенные по другим статьям увеличения сметы финансового ведомства — на казенные выплаты частным железным дорогам или на операции Монетного двора. Наибольшее же увеличение произошло по смете торгово-промышленного ведомства за счет кредитов на сооружение новых казенных заводов.

В объяснительной записке к проекту бюджета 1916 г. П.Л. Барк указывал, что уже к 1 января 1915 г. по сравнению с 1 января предыдущего года государственный долг вырос с 8 24,5 млн руб. до 10 473 млн руб. В течение 1915 г. были выпущены 4-процентные билеты государственного казначейства на сумму 550 млн руб. (в соответствии с Указами от 27 марта и 14 августа 1915 г.), а также 5-процентные и 5,5-процентные займы на общую сумму 1 500 млн руб. (по Указам от 6 февраля и 24 апреля 1915 г.). Общий итог процентных выплат по этим четырем займам составил 102,2 млн руб. Кроме того, должны были быть уплачены проценты на сумму в 37,5 млн руб. по краткосрочным казначейским обязательствам, учтенным в 1915 г. на сумму 1 500 млн руб. К этой сумме нужно было прибавить еще 26 тыс. руб. процентов по вновь принятым в Государственный банк вечным вкладам. 36 319 тыс. руб. в бюджете 1916 г. было предусмотрено на уплату капитала выпущенных займов в соответствии с планом их погашения.

Экстраординарные расходы казны сократились по статье оплаты расходов военного ведомства с 79 328 тыс. руб. в 1915 г. до 68 430 770 руб. На сооружение железных дорог новым экстраординарным бюджетом предусматривалось отпустить 57 529 876 руб. при 53 595 219 руб. в предыдущем году. Сумма эта предназначалась в основном на сооружение новых железнодорожных путей. Существенно — с 1 071 176 руб. до 370 тыс. руб. — должны были сократиться выплаты частным железным дорогам. Эти выплаты предназначались главным образом Уссурийской и Китайско-Восточной железным дорогам. По статье «На постройку и улучшение портов» в 1916 г. Министерство финансов предполагало отпустить 7 994 тыс. руб. В предыдущем году на данные цели предполагалось ассигновать 9 384 200 руб., однако Дума в числе прочих кредитов, открываемых по ст. 87 Основных законов, сократила эти расходы на 8 940 700 руб.

В объяснительной записке министра финансов к проекту нового бюджета подчеркивалось значительное увеличение некоторых оборотных доходов казны по причине чрезвычайных ассигнований из военного фонда, за счет которого оплачивались пошлины за импортные заказы военного ведомства и военные перевозки по железным дорогам. По первой статье казенный доход ожидался в сумме 100 млн руб., а по второй — 250 млн руб. Здесь министр финансов отмечал, что военные расходы — 7,700 млн руб. на 1 октября 1915 г., будут повышаться, тем самым увеличивая сумму государственного долга, поскольку, как указывал министр финансов, «издержки настоящей войны... не могут быть относимы на какие-либо постоянные бюджетные ресурсы и по необходимости должны удовлетворяться за счет кредитных операций»[49].

Приступив 24 ноября 1915 г. к рассмотрению росписи на 1916 г., бюджетная комиссия нижней палаты[50] «прежде всего пожелала выяснить, какая сумма доходов ожидается Министерством финансов в 1916 г. как результат... финансовых мероприятий, принятых в течение войны». Подобного рода доходов от увеличения ставок налогообложения и введения новых налогов должно было поступить в бюджет на сумму 59 млн руб. Были отмечены трудности исчисления доходов, которые в связи с обстоятельствами войны порою становятся «совер-

---

[49] Проект государственной росписи доходов и расходов на 1916 год с объяснительною запискою министра финансов. Пг., 1915. С. 1–132.

[50] Тогда же, в ноябре 1915 г., И.Н .Лодыженским был подготовлен М.В. Родзянко проект рескрипта, в котором говорилось о принятом царем решении изменить обозначенный в Указе от 30 августа 1915 г. срок созыва Думы (в течение ноября 1915 г.) именно до окончания рассмотрения в бюджетной комиссии проекта росписи, внесенной в законодательные палаты с опозданием (Проект рескрипта М.В. Родзянко [Ноябрь 1915 г.]: РГИА. Ф. 1276. Оп. 10. Д. 7. Л. 111).

шенно гадательными», при том, что данные о бюджетных поступлениях за период с июля 1914 г. «не могут еще дать достаточных данных о том, как сложилось народное хозяйство за время войны».

По ординарному бюджету думская комиссия предложила увеличить сборы с питей, сахарный, монетный и лесной доходы, поступления от оброчных статей и промыслов, казенных железных дорог, заводов, технических заведений и складов, а также прибыли от казенных капиталов и вкладов, от участия казны в доходах железнодорожных обществ и от продажи казенной недвижимости. Увеличению, по плану бюджетной комиссии, подлежали также обязательные платежи в казну частных железных дорог. Одновременно сокращению подверглись пошлины с товаров и судов в портах, доходы от возврата ссуд и других расходов, а также пособия государственному казначейству из посторонних источников. Всего же ординарные доходы были увеличены на сумму 107 966 313 руб. и составили, согласно думскому проекту росписи, 3 022 049 318 руб. В том, что касалось экстраординарных ресурсов, думская комиссия одобрила выпуск разменных казначейских знаков на 150 млн руб. Это было главным бюджетным нововведением, не внесенным в министерский проект росписи. Однако бюджетная комиссия отклонила проведение этого дохода как монетного, на чем настаивал министр финансов, и отнесла его к экстраординарным доходам. Общий итог государственных доходов по проекту думской комиссии составил, таким образом, 3 181 049 318 руб. В заключение комиссия призвала правительство приступить к пересмотру всей налоговой системы. Отсутствие в России кадастра, что выдвигалось министром финансов в качестве препятствия для введения подоходного налога, бюджетная комиссия не признавала достаточно убедительным аргументом для отказа от подоходного обложения. С окончанием кадастровых работ, считала комиссия, данные самого кадастра уже успеют устареть. В этом смысле думская комиссия возлагала надежды на «хорошо поставленный у нас институт податных инспекторов и... наличие фискального аппарата в лице казенных палат». О возможности введения государственных торговых монополий по типу винной комиссия замечала, что «в обществе эта мысль широко распространена и встречает сочувствие». В целом она отдавала предпочтение монополиям, а не новым акцизам, ввести которые предлагало финансовое ведомство. Выступая против увеличения акцизов, бюджетная комиссия обращала внимание на рост цен, который стимулировала сама возможность платить за товары дороже, чем до войны, в связи с ростом накоплений наличности у населения. Вместе с тем в условиях роста цен повышение акцизов еще больше их увеличило бы, не предоставив в то же время ожидаемых поступлений в казну. Предусматривалась думской комиссией и возможность «долевого участия казны в промышленных предприятиях, имеющих в виду производство продуктов широкого потребления»[51].

Прежде чем обратиться к расходной части бюджета, думская комиссия остановила свое внимание на неподотчетных ей военных расходах. Указывалось, что «правительство не включает расходы на потребности военного времени в государственную роспись», а самый отпуск кредитов из государственного казначейства на эти расходы не подчиняется общему порядку ассигнования дополнительных и сверхсметных кредитов, открываемых с одобрения законодательных палат. В порядке верховного управления даются также разрешения производить займы на покрытие военных расходов, при том, что оплата процентов по военным займам вносится в расходную часть ординарного бюджета, и не вносимые в роспись воен-

[51] Доклад бюджетной комиссии по государственной росписи доходов на 1916 г. // Доклады бюджетной комиссии по рассмотрению проекта государственной росписи доходов и расходов на 1916 год. Четвертый созыв. Сессия IV. 1915–1916 гг. Вып. 1. Пг., 1916. № 49.

ные расходы образуют «оборотные» доходы в виде таможенных пошлин и оплаты перевозки военных грузов. Бюджетная комиссия отмечала, что «действующий порядок, направленный к обособлению ресурсов и расходов на потребности, вызываемые войною, на деле не создает ни полного их обособления, ни даже удовлетворительного их разграничения».

Сам военный фонд думская комиссия определяла как «совокупность кредитов» и «итог предстоящих расходов». В связи с этим она предлагала образовать для военных расходов особый счет, куда их можно было бы вносить вместе с источниками их покрытия. Эта ведомость должна была представляться в законодательные палаты в качестве приложения к росписи. Комиссия указывала также, что в законе не содержится прямых запрещений внесения военных кредитов в рубрику экстраординарных расходов. Таким образом, по мнению думской комиссии, «устранилось бы... существование двух бюджетов, из коих второй превышает почти втрое первый, и государственная роспись была бы вновь приведена в соответствие с отчетами Государственного контроля, в коих ресурсы и расходы на военные потребности включаются в баланс по исполнению росписи».

Ординарные расходы бюджета думская комиссия сочла возможным увеличить по сметам высших государственных учреждений, Синода, министерств финансов, юстиции, народного просвещения, а также по статье платежей по займам. Увеличение расходов по оплате займов было вынужденным из-за необходимости внесения в них 55 млн руб. для оплаты процентов по 5,5-процентному займу 1915 г., выпущенному уже после составления министерского проекта росписи[52]. Сокращены были сметы министерств внутренних дел, путей сообщения, торговли и промышленности, земледелия, Военного и Морского министерств и Государственного контроля. В конечном счете ординарные расходы были увеличены думской комиссией на 58 340 тыс. руб. Судя по самой сумме, почти все приращение расходов происходило за счет увеличения статьи оплаты процентов по займам. Экстраординарные расходы также подверглись увеличению по всем статьям на общую сумму 248 901 тыс. руб. Подавляющую часть этих расходов (более 245 млн руб.) составляли оплата таможенных пошлин правительственными учреждениями (100 млн руб.) и платежи за военные перевозки (145 875 500 руб.), осуществляемые за счет военного фонда.

Таким образом, в проекте бюджета, представленном думской комиссией, отрицательное сальдо возросло до 377,1 млн руб. Комиссия отмечала, что если бы она вовсе не производила изменений в расходной части росписи, то при необходимости внесения в ординарный бюджет дополнительных 55 млн руб. расходов на оплату процентов последнего займа отрицательное сальдо достигло уже 382 млн руб. Комиссия здесь не преминула заметить, что министр финансов должен представить на рассмотрение палат проект займа для покрытия указанного бюджетного дефицита[53].

К рассмотрению проекта бюджета Государственная дума в своем общем собрании приступила 16 февраля 1916 г. В обращении к членам законодательных палат перед их февральской сессией 1916 г. царь особо указал на то, что «при обстоятельствах военного времени... нельзя и думать о возможности длительной сессии» и работа палат «должна сосредоточиться исключительно на обсуждении государственной росписи»[54]. В качестве докладчика бюджетной комиссии перед общим собранием нижней палаты выступил октябрист Г.А. Фирсов. Обратив внимание своих коллег на уже традиционное запаздывание Министерства финансов с представлением на рассмотрение комиссии Думы проектов расходных

---

[52] См. главу IV.

[53] Доклад бюджетной комиссии по государственной росписи доходов и расходов на 1916 г. // Там же. № 50.

[54] Обращение Николая II к членам законодательных палат [1916 г.]: РГИА. Ф. 1276. Оп. 10. Д. 7. Л. 172–173.

и доходных смет, докладчик заметил, что начало рассмотрения бюджета в комиссии (24 ноября 1915 г.) почти совпало с опубликованием Указа от 23 ноября 1915 г., в соответствии с которым Дума возобновляла свои заседания только после окончания работы бюджетной комиссии, рассматривавшей министерский проект росписи. Фирсов признавал, что сама бюджетная комиссия была поставлена этим указом в «большое затруднение», поскольку она оказалась вынуждена максимально ускорить свою работу по составлению доклада, выносимого на обсуждение общего собрания нижней палаты. Выступая в прениях по бюджету, И.В. Годнев высказался в том смысле, что этим указом создавалось положение, при котором «решительно никогда не могла быть рассмотрена роспись в Государственной думе, потому что Государственная дума не могла быть собрана ввиду того, что не была бы никогда рассмотрена предварительно комиссией Государственного совета роспись, рассмотренная Думою, и комиссия Государственного совета никогда не могла бы рассмотреть ее потому, что никогда она не могла получить [проект бюджета] от несобравшейся... Думы». Бюджетной же комиссии, указывал Годнев, разрешается собираться для рассмотрения проекта росписи до созыва Думы, но не вменяется это в обязанность. Значительная часть доклада бюджетной комиссии была посвящена не собственно росписи, подотчетной Думе, а военным расходам, которые формально обсуждению палат не подлежали. В качестве предлога для такого обсуждения выдвигалось требование «единства бюджета». Сложившееся положение не отвечало ни указанному требованию, ни полному разделению расходов на военные и гражданские цели. Единственное оправдание указанному порядку докладчик бюджетной комиссии видел в «той скорости, которая достигается при рассмотрении их [военных смет] вне законодательных учреждений». Здесь Г.А. Фирсов апеллировал к опыту других стран, где прохождение всего бюджета, включая расходы на военные цели, через парламент «не служит препятствием к удовлетворению нужд войны». В связи с военными расходами, заключал докладчик бюджетной комиссии, невозможно искусственно уменьшать бюджетный дефицит за счет оборотных доходов казны, которые в докладе комиссии предлагалось уравновешивать, открывая соответствующие им кредиты в расходной части бюджета. Бюджетная комиссия, как это уже было и раньше, предлагала исключить из росписи кредиты, внесенные туда по ст. 87 (всего на 34 млн руб.).

Только после того как в докладе было обращено внимание на «ненормальное» разделение бюджета, комиссия перешла к обоснованию произведенного ею увеличения государственных доходов на нужды образования. В докладе указывалось, что комиссия сознает «затруднительность [положения] государственного казначейства», но все же считает эти расходы «крайне важными». Они относились к сметам Министерства народного просвещения, Синода и Министерства юстиции. Последнему ведомству ассигнования увеличивались на проведение в жизнь закона о местом суде. Все эти нововведения бюджетной комиссии увеличивали дефицит росписи до 377 100 тыс. руб., который комиссия предполагала покрыть за счет займа.

Выступая после Г.А. Фирсова, министр финансов П.Л. Барк в целом поддержал доклад бюджетной комиссии, сказав даже, что проект бюджета, «пройдя через горнило работ бюджетной комиссии, сохраняет в общем те же типические черты, которые он имел в первоначальном своем виде, в несколько более ясном выражении». Министр финансов ознакомил Думу с налоговыми мероприятиями и кредитными операциями, планируемыми правительством, с целью покрытия бюджетного дефицита, а также обратил внимание на роль займов в извлечении из оборота излишней денежной наличности, увеличение которой он назвал «неизбежным злом в военное время».

Оппозиционный тон, заданный докладом бюджетной комиссии, которая вмешивалась в вопросы, разрешаемые в порядке верховного управления, был поддержан в прениях, в которых выступали, за небольшим исключением, лишь представители либерального лагеря, таким своеобразным способом компенсировав свое молчание во время январской сессии 1915 г., когда первенство осталось за ораторами из черносотенцев. Здесь, однако, следует отметить, что из 440 депутатов Думы на прениях по бюджету не присутствовало и ста ее членов. А.И. Шингарев начал свое выступление с оценки прений в Думе, сказав, что в первый раз за время войны «мы имеем... обсуждение бюджета подробное, обстоятельное и с большим политическим содержанием». Кадетский оратор продолжил тему военных расходов, начатую в докладе бюджетной комиссии, и указал на то, что поскольку правила, на основании которых открываются чрезвычайные военные кредиты, не опубликованы, то и сами эти ассигнования не законны. Бюджет же, понятие о котором «объемлет все доходы государственные... в данный момент заключает лишь ничтожную часть предстоящих и совершаемых государственных расходов». В отношении доходной части бюджета Шингарев также указывал на незаконность действий правительства, проводящего налоги по ст. 87. «Господа, — обращался к депутатам кадетский оратор — налоги на два года вперед утверждены, вас не спрашивали, вы для правительства в этот момент были не нужны», и далее сокрушался: «Военный бюджет по правилам, не имеющим силы закона, вопрос о доходах по налогам по ст. 87 без Думы, — где же... дружная работа правительства и законодательных учреждений?». Отметив разрушение единого бюджета, Шингарев повторил обычный тезис ораторов оппозиционного лагеря о том, что расходование средств в порядке верховного управления совсем не исключает внесения соответствующих кредитов в общую роспись таким же образом, как в порядке верховного управления расходуются средства из 10-миллионного фонда и по сметам Министерства двора и Собственной е. и. в. канцелярии. Выделение из бюджета военных расходов, считал Шингарев, привело к «скверной двойной бухгалтерии, за которую любое частное акционерное предприятие может попасть под суд: доходы показать, а расходы спрятать». Здесь кадетский специалист по финансовой части, как видно, несколько увлекся, поскольку под суд акционерное предприятие могло бы попасть не за сокрытие расходов, как это делается в бюджете, а за сокрытие доходов. А.И. Шингарев, предлагая внести военные расходы в общий бюджет, считал, что подобное объединение даже выгодно для казны, если она печется о сокращении дефицита, поскольку уменьшит отрицательное сальдо росписи до 130 млн руб., тогда как искусственный разрыв между доходными и расходными статьями только увеличивает дефицитность бюджета. Затем кадетский оратор призвал заблаговременно подготовить источники для покрытия послевоенных расходов, которые уже нельзя будет покрывать за счет таких чрезвычайных источников, как заимствования и денежная эмиссия. Все это будет происходить в условиях, когда по причине обесценивания рубля и роста дороговизны «доходы будут идти по пониженному курсу, а расходы по повышенному». Шингареву отвечал министр финансов. Он указал на невозможность внесения военных расходов в бюджет. По мнению главы финансового ведомства, аналогия этих расходов со сметами 10-миллионного фонда Министерства двора и императорской канцелярии, не вполне корректна, так как эти расходы относятся к категории постоянных, объемы же военных расходов невозможно предвидеть, как невозможно предвидеть окончание войны. Отпускать же расходы на военные нужды на весь годичный срок министр финансов считал нецелесообразным. Что касалось проведения по ст. 87 почти всех налогов, то здесь П.Л. Барк подчеркнул спешную необходимость компенсировать в доходной части бюджета потери поступлений от винной монополии.

Тему военных расходов казны, которые достигли уже миллиардных масштабов, продолжил с думской трибуны А.С. Посников. В его выступлении говорилось о том, что при отсутствии контроля со стороны палат средства из военного фонда могут расходоваться и расходуются отнюдь не только на военные нужды, что «самые отчаянные слухи ходят о том, какие незаконности, прямые хищения, какая масса лиц поживляется на счет... военного фонда». А.И. Коновалов, повторив аргументы выступавших до него депутатов, настаивал на необходимости «раскрепощения бюджета» — в смысле его освобождения от неподконтрольных Думе расходов. Он поддержал предложение отпустить средства на проведение «социальной реформы», необходимость в которой станет насущной сразу же после окончания войны. Коновалов считал, что уже во время войны необходимо выработать «экономический план», целью которого является подъем производительных сил страны и который один и может гарантировать относительное благополучие бюджета после того, как он лишится чрезвычайных источников поступлений. Для подготовки этого плана, учитывающего «свободную деятельность граждан, не стесняемых абсолютно никакими путами», должны быть объединены усилия финансового, торгово-промышленного и сельскохозяйственного ведомств. Коновалов призвал коронные власти отказаться от «всякой мысли в необходимости мелочной опеки, мелочного контроля над хозяйственной деятельностью индивида». Сторонником разделения бюджета на военный и мирный выступил в Думе А.А. Бубликов, считавший, что государство «фатально» должно в конце концов прийти к разделению бюджета на бюджет государственных доходов и расходов управления и бюджет хозяйственных операций, место которых во время войны занимают военные расходы. Относительно «лечения» «больного» русского бюджета, Бубликов не предлагал оригинальных средств. Методом «лечения» должно было стать, по его мнению, развитие производительных сил страны. Бубликов провозглашал в этом смысле лозунг «Дорогу производителю!» и требовал освободить «народный труд от нелепой административной опеки». В результате прений, которые во многом сводились к политическим декларациям оппозиционных правительству думских депутатов, нижняя палата перед тем, как приступить к постатейному рассмотрению росписи, приняла 19 февраля 1916 г. формулу перехода, в которой говорилось о «тягчайшей ответственности», которую налагает на себя коронная власть своим противодействием «основным желаниям страны и большинства народных представителей». Как на одно из таких «желаний» правительству указывалось на выработку «широкого финансово-экономического плана» развития производства.

При постатейном обсуждении бюджетных расходов в общем собрании нижней палаты, начавшемся 16 февраля 1916 г., лейтмотивом всех прений стало обращение думцев к общеполитическим сюжетам, которые имели лишь формальное отношение к рассматриваемой росписи. Например, при рассмотрении сметы Совета министров докладчик бюджетной комиссии, будущий государственный контролер Временного правительства И.В. Годнев, который выступал в данном случае в качестве «обычного» депутата, завел речь об отсутствии в стране свободы слова, гарантией которой должен стать Совет министров. В ответ на прозвучавшую справа реплику «К делу!» Годнев заметил, что говорит «о Совете министров, это единственная смета, по которой Государственная дума может коснуться деятельности Совета министров». Подобного рода высказывания прозвучали также в речи Н.Н. Львова при рассмотрении сметы Синода. Выступая по поводу сметы Министерства внутренних дел, С.И. Шидловский сразу же предупредил, что при рассмотрении расходов этого ведомства всегда «раздаются речи, относящиеся вообще к внутренней политике нашего правительства. В настоящее время эти рамки придется немного расширить». Соответствующая думская

«формула перехода» указывала на то, что ведомство внутренних дел «продолжает держаться старой политики или бездействия, или превышения власти, ведя политику разъединения и розни...». В документе, принятом 19 февраля 1916 г., обращалось также внимание на неудачи мероприятий ведомства по борьбе с дороговизной и «немецким засильем», приведших лишь к сокращению посевных площадей и разорению их в тех местностях, где проводилась конфискация земель немецких и австро-венгерских подданных.

Тяжелое положение на железных дорогах вызвало при обсуждении сметы Министерства финансов особое внимание к расходам Департамента железнодорожных дел. Здесь среди думских ораторов не было единства в выборе средств для преодоления трудностей с перевозками. Если А.А. Бубликов призывал к созданию фиктивных железнодорожных обществ по примеру Общества КВЖД, то Н.В. Некрасов считал необходимым освободить железнодорожное хозяйство от «хищнического посредничества» частных банков. Вообще банковское «хищничество» привлекло при рассмотрении расходов финансового ведомства особое внимание депутатов. Это было связано с обвинением банков, не раз уже к тому времени выдвигаемым, в том, что они занимаются торговлей. А.И. Шингарев заметил, что «в руках банков [находится] бесконечное множество чрезвычайно важных продуктов для... нужд обороны» и обвинил министра финансов в том, что тот не пользуется предоставленной ему властью, чтобы пресечь банковские «злоупотребления», когда кредитные учреждения в нарушение своих уставов приобретают различные товары оптом, а затем распродают их мелкими партиями, объявляя при этом властям, что данные товары сданы им на комиссию. Барк в ответном выступлении «категорически отвергал» обвинения в бездействии, но его объяснения носили по большей части формальный характер и не удовлетворили кадетского оратора. Шингарев предложил указать в окончательном тексте соответствующей «формулы перехода» на необходимость «энергичной борьбы с незаконной и вредной спекуляцией некоторых коммерческих банков», дав вместе с тем понять, что подобной борьбы финансовое ведомство не ведет.

При обсуждении смет путейского ведомства сам тогдашний министр путей сообщения А.Ф. Трепов признал «несоответствие нашей железнодорожной сети... потребностям военного времени». Перейдя к проектам исправления создавшегося на железных дорогах положения, министр путей сообщения выступил против планов подчинения железных дорог в районах боевых действий военным властям, что, по его мнению, привело бы лишь к созданию в этих районах «двоевластия». Глава путейского ведомства, по его собственным словам, предпочитал мириться с двоевластием в отношении фронта и тыла, но не вводить его в прифронтовой полосе. Министра путей сообщения фактически поддержал Шингарев, который подчеркнул недопустимость «монополизации» военными властями железнодорожных перевозок, нарушающей снабжение тыла и тем самым разрушающей сам фронт и ведущей к общему росту цен на все товары, в том числе на военные заказы А.А. Бубликов видел причину расстройства железнодорожного хозяйства в пренебрежении «вопросами коммерческими и экономическими», а также в том, что из ведения Министерства путей сообщения изъяты вопросы финансирования железных дорог, само же Министерство превращено в «ведомство техническое». Тем не менее предложение Бубликова образовать Особое совещание с участием «общественных деятелей» для выработки плана преобразования железнодорожной системы не нашло поддержки у А.И. Шингарева, который считал, что надо идти дальше, и заметил, что в таком совещании железнодорожные вопросы получат «однобокое освещение» и предложил не вырывать их «из общей массы финансово-экономического плана», для выработки которого в межсессионный период и предлагал образовать подобного

рода совещание. С этим согласилось большинство Думы, продемонстрировав, что подход «общественности» к вопросам экономических реформ мало чем отличается от осуждаемого в Думе «бюрократического» подхода коронных властей.

Обсуждение в Думе расходной сметы торгово-промышленного ведомства началось с критических замечаний, сделанных в отношении возглавляемого им ведомства министром торговли и промышленности В.Н. Шаховским, который посетовал думцам на то, что в России «промышленность... больше опирается на сельское хозяйство, нежели служит ему опорой, и в этом одна из основных причин нашей бедности». Продавая сырье и покупая продукты промышленного производства, Россия «всегда останется в ущербе». Как бы становясь на сторону торгово-промышленного сословия, министр призывал к «разумному самоограничению правительства в сложной области экономических отношений» и даже высказался за необходимость введения явочного порядка учреждения акционерных обществ. Однако весьма пространная и явно рассчитанная на одобрение думских либералов речь министра не удовлетворила депутатов. А.А. Бубликов характеризовал политику торгово-промышленного ведомства как неэффективную, впрочем, находя ему извинения в том, что это ведомство лишено основных рычагов власти, поскольку не распоряжается таможенным обложением и кредитом. Его единомышленник прогрессист И.В. Титов, по всей видимости, не считал подобные обстоятельства извинительными и спрашивал, как планирует торгово-промышленное ведомство бороться с потоком дешевых товаров, который неизбежно хлынет в Россию из Германии по окончании войны. Сам Титов предлагал противодействовать германскому демпингу финансовыми средствами, используя в качестве оружия «испорченный» курс рубля, который естественным образом будет препятствовать экспорту в Россию иностранных товаров. Время до того, как курс рубля восстановится, Титов призывал использовать для «развития промышленного труда в такой мере, чтобы после того уже не нуждаться в ввозе заграничных товаров». Титов отметил также, что низкий курс рубля будет способствовать привлечению в Россию иностранных капиталов.

Что касается сметы платежей по государственным займам, то здесь всегдашний критик финансовой политики правительства А.И. Шингарев фактически выступил в поддержку выпуска срочных займов, рассматривая их в качестве желательной альтернативы денежной эмиссии, которую он характеризовал как смешение займа, косвенного налога и даже «самообложения» государства (займа — потому, что кредитные билеты выпускаются под учет Государственным банком казначейских обязательств, а налога — потому, что эмиссия ведет к удорожанию продуктов и увеличению казенных выплат). Кадетский оратор призывал министра финансов активнее обращаться к международным денежным рынкам и считал «совершенно правильным, чтобы народные представители... заявили министру финансов: обращайтесь к вашим друзьям за границей более энергично и настойчиво; мы богаче их людьми... они богаче нас средствами...». Даже Н.Е. Марков заметил по этому поводу: «Кровь невозможно расценивать на деньги».

Прений по доходным статьям бюджета в общем собрании Думы практически не было, и, несмотря на весьма острую критику правительственной политики, сам бюджет прошел в Думе без изменений, что явилось дополнительным свидетельством безразличия большинства оппозиционных депутатов к бюджету как таковому. Думская трибуна использовалась ими главным образом для критики правительственного курса. Сами же критические замечания

депутатов по поводу политического курса властей практически не были дополнены никакими позитивными предложениями, оставаясь по большей части чисто декларативными[55].

Общее собрание Государственного совета приступило к рассмотрению бюджета 1916 г. 31 марта того же года, через пять дней после того, как бюджет был одобрен нижней палатой. Докладчик, бывший товарищ министра финансов С.Ф. Вебер призвал членов верхней палаты рассматривать проект бюджета, «не упуская из виду необходимости заблаговременно готовиться к предстоящему, по окончании войны, восстановлению мирных условий жизни». Докладчик обратил внимание членов Государственного совета на то обстоятельство, что предполагаемый в Министерстве финансов бюджетный баланс на 267 млн руб. менее благоприятен, чем предыдущий. Особенность рассматриваемого проекта докладчик видел также в разрушении бюджетного единства и образовании «двух бюджетов», мирного и военного, причем «мирный» бюджет Военного и Морского министерств сокращался по причине перемещения части средств из него в военный фонд. В связи с этим А.В. Васильев несколько иронически заметил, что «если бы историку XXI столетия попался бы в руки бюджет 1915 г. и бюджет 1916 г., то он мог бы подумать, что в промежуток времени между этими годами состоялось между государствами Европы соглашение по поводу сокращения расходов на армию и флот». Вебер же прежде всего имел в виду значительные «оборотные» доходы казны, исчисляемые по проекту росписи в 246,8 млн руб., которые должны поступить от оплаты военных перевозок и таможенных пошлин за заграничные заказы казны. Из-за того, что эти доходы не сбалансированы в рамках ординарного бюджета, отмечал докладчик, «баланс... оказывается более благоприятным, чем он есть в действительности» на указанную выше сумму. Разрушение бюджетного единства отмечал и И.Г. Щегловитов. Выступая в прениях, он сказал, что внимание на открытые по ст. 87 кредиты на общую сумму 34,8 млн руб., оказываются «лежащими вне росписи, как бы выброшенными из нее», тем не менее оплачиваются за счет казначейства. «Таким образом, — продолжал Щегловитов, — наряду с тем создавшимся по необходимости положением, при котором рядом с обыкновенною нашею росписью имеется еще иная роспись, предусматривающая расходование из военного фонда, у нас создалась как бы еще третья роспись для тех расходов, которые назначаются в порядке статьи 87». Из этого можно сделать вывод, что те члены верхней палаты, которые никогда не отличались оппозиционностью в отношении властей, фактически повторили аргументы, высказанные оппозиционерами из нижней палаты. Докладчик Вебер подчеркнул также «непомерную дороговизну жизни, которая объясняется, главным образом, неупорядоченностью перевозок и недобросовестною спекуляциею». Фиктивности роста доходных поступлений в казну в связи с падением покупательной способности рубля коснулся в своем выступлении и А.В. Васильев. «Мы относимся к миллиардам как к такой величине, которая стала привычною в государственном счете», — посетовал в этой же связи В.Н. Коковцов.

Выступая перед членами верхней палаты, П.Л. Барк высказался против внесения в ординарный бюджет расходов по оплате таможенных пошлин государственными учреждениями и тарифов по военным перевозкам, указывая на то, что это не согласуется с бюджетными правилами от 8 марта 1906 г. Барк предупреждал также, что не стоит рассчитывать на быстрое восстановление положительного бюджетного сальдо и уменьшение налогового бремени. Тревожное состояние расчетного баланса, когда займы размещаются «не без значительных усилий», а банковские вклады «остаются неподвижно лежать», констатировал и

[55] Государственная дума. Четвертый созыв: Стенографические отчеты. Сессия IV. Пг., 1916. Стб. 1721–4114.

В.Н. Коковцов, видя во всем этом признаки «неуверенности в завтрашнем дне». Государство, отмечал бывший министр финансов, не создает для предпринимателей условий, в которых смогла бы развиваться их инициатива. По поводу государственного долга при обсуждении бюджетных назначений по смете государственного кредита В.Н. Коковцов обратил внимание своих коллег на «постоянный мост», по которому деньги из военного бюджета переходят в «мирный». В противоположность мнению Министерства финансов и Думы он указывал на необходимость внести в бюджет кредит на 191 млн руб. для оплаты процентов по краткосрочным обязательствам казначейства, которые не были внесены в роспись, так как по условиям их выпуска допускалось удержание процентов из капитальной выручки займа. Поскольку указанный кредит должен был открываться не на военные цели, а на уплату процентов по государственным займам, «хотя бы и по поводу войны», кредит этот, считал Коковцов, должен испрашиваться министром финансов в законодательном порядке, а не в порядке верховного управления. Барк, возражая своему предшественнику на министерском посту, утверждал, что эти проценты уже уплачены путем вычета из выручки при учете обязательств, вносить же в бюджет кредиты на уплату процентов по обязательствам он считал «приемом совершенно искусственным». Однако вопрос об источнике сумм, которые пошли на уплату этих процентов, Барк оставил открытым. Тем не менее Государственный совет с ним согласился и не поддержал предложения Коковцова об увеличении расходной части бюджета. Это было тем более понятно, что увеличивать доходные статьи становилось все труднее. Призвал членов верхней палаты не рассчитывать на исключительные налоговые поступления и Озеров, говоря, что «в прежнее время мы недостаточно клали в карманы населения», чтобы теперь изъять из них значительные средства. Озеров отметил, что новые налоговые проекты «рассеивают общественное внимание», а проекты введения государственных монополий «отпугивают капитал». Здесь мысленно он обращался к «колоссальным богатствам» России, которые составляют ее «счастливое отличие» от других воюющих стран, не имеющих иного пути, кроме усиления налогового пресса.

Оптимистический взгляд на состояние русского бюджета неожиданно высказал В.И. Гурко, который полагал, что увеличение государственного долга неопасно из-за преобладающих в нем внутренних заимствований, выпущенные же за время войны деньги, считал он, «после окончания войны... найдут себе применение». Однако даже оптимист Гурко не мог не заметить неблагоприятного состояния русского расчетного баланса. Тем не менее его общий вывод состоял в том, что «нынешняя война... с точки зрения экономической для России является благодеянием», поскольку довоенная политика в области международной торговли не позволяла утвердиться в России обрабатывающей промышленности. Теперь же Россия просто вынуждена ее создать. В Государственном совете при обсуждении проекта бюджета на 1916 г. был поставлен на голосование вопрос о введении явочного порядка акционерного учредительства, но 51 голосом против 35 этот проект был провален. В целом же верхняя палата приняла 2 апреля 1916 г. проект бюджета в его думской редакции, иными словами, без изменений[56]. Царь утвердил государственную роспись доходов и расходов в ее первоначальном варианте 8 апреля 1916 г.[57]

По поступившим к осени 1916 г. данным, ординарные доходы за первую половину 1916 г. составили 1 919 840 руб. при 1 311 397 руб. соответствующих поступлений за первое полугодие 1915 г. (см. табл. 27).

[56] Государственный совет. Стенографические отчеты. 1916 г. Сессия XII. Пг., 1916. Стб. 1051–1230.
[57] О государственной росписи доходов и расходов на 1916 год // СУ. 1916. Отд. I. № 96. Ст. 763.

В бюджетные доходы за первую половину 1916 г. (см. табл. 28) вносились платежи казенным железным дорогам за военные перевозки в сумме 101,5 млн руб. и пошлины с казенных грузов в сумме 71,5 млн руб. Прибыль Государственного банка от учета краткосрочных казначейских обязательств составила 121,4 млн руб. Таким образом, всего оборотных доходов в казну поступило на сумму 264,3 млн руб., при том, что к середине предыдущего года они составляли 176,7 млн руб.

Из 14,4 млн руб. экстраординарных доходов, которые поступили в казну к середине 1916 г., 11,5 млн руб. представляли собой не предусмотренные росписью отчисления в казну части экономических сбережений воинских частей. Министр финансов отмечал, что до конца 1916 г. сумма экстраординарных ресурсов должна будет увеличиться за счет дохода в 150 млн руб. от выпуска казначейских разменных знаков и за счет новых экономических сбережений войсковых частей в сумме 20 млн руб. Военные ресурсы формировались за счет займов, от размещения которых, по состоянию на 1 сентября 1916 г., было выручено 7 900,1 млн руб.

Расходы, назначенные по обоим разделам росписи 3 646,6 млн руб., увеличились к 1 сентября 1916 г. за счет кредитов в сумме 149,9 млн руб., открытых на основании ст. 17 правил от 8 марта 1906 г. Более двух третей указанной суммы приходилось на не относящиеся к войне потребности Военного и Морского министерств и на усиление кредитов Министерства путей сообщения по сооружению железных дорог. Кроме того, к отпуску были разрешены сверхсметные кредиты на основании ст. 87 Основных законов в сумме 53,1 млн руб. Помимо этого было истрачено 3,2 млн руб. за счет предвидимых сметных остатков и 10,6 млн руб. — за счет наличных средств ведомств. В итоге сумма всех разрешенных к 1 сентября 1916 г. сверхсметных кредитов исчислялась 216,8 млн руб. Из них к наличности государственного казначейства относилось 203 млн руб. Военные расходы, покрываемые за счет военного фонда, за время с 1 января по 1 сентября 1916 г. составили 8 220 млн руб., и по подсчетам Министерства финансов до конца года эта сумма должна была вырасти до 12 870 млн руб.[58]

Таким образом, в 1916 г. окончательно сложилась система «двух бюджетов», один из которых предназначался для удовлетворения гражданских нужд и проходил «обычную» процедуру рассмотрения и утверждения в законодательных палатах, а второй создавался в порядке верховного управления и был предназначен для удовлетворения военных нужд. Критика этой системы в обеих палатах была бесплодной и явилась одним из факторов разъединения коронной власти и представительной.

4. Проект бюджета 1917 г.

7 июня 1916 г. Министерство финансов и Государственный контроль направили в Совет министров представление о порядке подготовки проекта бюджета на 1917 г. При его подготовке было решено исходить из предположения, что война продлится весь год. Проект бюджета не должен был допускать увеличения ординарных расходов выше уровня 1916 г., желательным признавалось сокращение расходов по статьям, указанным в данном представлении, что предворяло проект бюджета 1916 г. Согласно решению Совета министров от 14 июля 1915 г. в сметы должны были вноситься кредиты, открытие которых разрешалось

[58] Проект государственной росписи доходов и расходов на 1917 год с объяснительною запискою министра финансов. Пг., 1916. С. 10–23.

на основании ст. 87[59] Основных законов, но это противоречило думскому решению, которое исключало данные кредиты из общей суммы расходов государственной росписи. Представление Министерства финансов и Государственного контроля Совет министров рассматривал 17 июня 1916 г. Министры замечали, что «мы стоим на пороге третьего года войны и трудно предвидеть время ее окончания», поэтому их большинство сочло недопустимым и далее сводить ординарный бюджет, всемерно ограничивая невоенные расходы казны, так как это «едва ли отвечало бы... правильно понимаемым интересам страны и угрожало бы длительным застоем всей государственной и общественной жизни». К тому же ликвидация последствий военных действий, считали коллеги министра финансов, потребует «создания новых ценностей путем развития производительных сил государства». Совет министров полагал, что в проекте бюджета 1917 г. должны «найти себе место наиболее необходимые, в интересах развития производительных сил страны, издержки, подвергшиеся в предыдущие годы самым существенным сокращениям», в том числе на землеустройство, переселение и железнодорожное строительство[60]. Достойно быть отмеченным, что выражение «развитие производительных сил» стало звучать не только с трибун законодательных палат, как это было раньше, но и в Совете министров.

С 19 августа по 13 сентября 1916 г. под председательством самого министра финансов Совещание рассматривало проекты сокращения расходной части бюджета. Сокращению подверглись сметы Министерства внутренних дел по почтово-телеграфной части (на содержание личного состава, хозяйственные расходы и т.д.), Министерства земледелия (на пособия земствам и кустарным комитетам, на гидростроительство), Морского министерства (на новые штаты ведомства), Синода (на содержание духовенства, школьное строительство, содержание пенсионных касс учителей церковно-приходских школ), Министерства народного просвещения (на содержание учителей, пособия средним учебным заведениям), Министерства путей сообщения (на пособия земствам по сооружению дорог по ординарной смете, в которую были включены отнесенные до этого к экстраординарным ассигнованиям кредиты на сооружение железных дорог и на содержание учебных заведений путейского ведомства). Совещание решило также сократить ассигнования по экстраординарной смете с 60 до 40 млн руб. путейскому ведомству на строительство казенного рельсопрокатного завода и на заказ подвижного состава для железных дорог. Совещанием были сокращены строительные кредиты Министерству торговли и промышленности. Военному министерству, кроме строительных кредитов, были формально уменьшены ассигнования на обмундирование войск и продовольствие, перенесенные на счет военного фонда. Особое внимание министр финансов обратил на ассигнования по экстраординарной смете военному ведомству — 56,2 млн руб., отводимых на строительство казенных артиллерийских заводов. П.Л. Барк настаивал на постепенном отпуске этих средств, поскольку «в... огромных затратах, производимых правительственными учреждениями и заведениями, заключается... одна из причин... дороговизны, которая является у нас главнейшею причиною неустройств тыла армии. Участвуя в создании этой дороговизны, казенные учреждения и заведения участвуют, таким образом, в подготовке такого экономического состояния в стране, которое может иметь для нее крайне нежелательные последствия». Барк настаивал на том, что строительство заводов «не может иметь значения для настоящей войны» и ассигнования на них «могли бы быть отнесены на вторую очередь». О том, что казна не выдержит увеличения строи-

[59] Представление Министерства финансов и Государственного контроля в Совет министров. 7 июня 1916 г.: РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 398. Л. 1–17.

[60] Особый журнал Совета министров 17 июня 1916 г.: Там же. Д. 526. Л. 7–12.

тельных кредитов Военного министерства, говорил и государственный контролер П.А. Харитонов. В результате сумма этих кредитов была сокращена до 49,8 млн руб.[61]

28 сентября 1916 г. П.Л. Барк, сообщая Б.В. Штюрмеру о бездефицитном сведении ординарного бюджета на 1917 г., указывал, что «столь благоприятный, сравнительно, результат сведения проекта росписи достигнут, однако тем, что в этот проект не могли быть включены расходы на оплату процентов по предстоящему в ближайшее время займу на номинальную сумму 3 млрд рублей, за не последовавшим еще разрешением его в настоящее время в установленном порядке»[62]. В проект бюджета не были включены также проценты по казначейским обязательствам, учтенным Государственным банком на общую сумму 8 350 млн номинальных руб. Принимая во внимание все эти обстоятельства, министр финансов признавал, что «сравнительно благоприятный результат сведения проекта росписи на 1917 г. имеет в значительной степени условный характер»[63]. Этот проект П.Л. Барк внес в законодательные палаты 1 октября 1916 г.[64] Кроме того, 17 декабря 1916 г. Барк, как это бывало и ранее, представил в Совет министров проект временных расходных расписаний на январь — апрель 1917 г. в сумме 1 018 782 180 руб. Совещание под председательством В.В. Кузьминского, которое предварительно рассматривало эти сметные расписания, почти не сократило их, исключив лишь кредит в 500 тыс. руб. по смете путейского ведомства на март. Установленная месячная норма расходов в 304 063 555 руб. нигде не была превышена, и месячные расходы колебались от 284 млн руб. в январе до 215 млн руб. в марте[65]. Представляя проект росписи в законодательные палаты, министр финансов обращал внимание их членов на то, что «до сих пор не имеется еще достаточного опыта для более точного определения размеров поступления новых налогов, часть которых действует менее года». Вместе с тем Барк указывал, что проект бюджета 1917 г. «не носит уже на себе следов того недобора, который обнаружился в бюджетах на 1915 и 1916 гг. под влиянием предпринятого величайшего преобразования в нашей народной жизни», т. е. отмены винной монополии. В разделе объяснительной записки к проекту, который был посвящен экономическому положению в стране, министр финансов отмечал, что урожай продовольственных хлебов в 1915 г. составил по 71 губернии и области 3 731 млн пудов при 3 304,1 млн пудов в 1914 г. Таким образом, на душу населения приходилось 21,27 пудов зерна урожая 1915 г. К сентябрю 1916 г. сбор основных видов зерновых (рожь, пшеница, овес, ячмень) приблизился 3 395,3 млн пудов. Внутренние цены на хлеб, повышаясь в первой половине 1915 г., испытали некоторое понижение во второй его половине в связи с хорошими видами на урожай. Медленная реализация урожая вновь повысила цены, которые сдерживались только установленными в октябре 1915 г. предельными ценами на овес, а в конце года — на все остальные зерновые[66]. Сравнительные цены на пшеницу демонстрировали ту же картину. Например, в Киеве, они колебались в январе — сентябре 1916 г. в пределах от 1,60 руб. за пуд (в июле) до 2,35 руб. (в сентябре), при том что в Нью-Йорке (за время войны США стали ос-

---

[61] Журнал Совещания... для рассмотрения возникших между ведомствами разногласий по сметам на 1917 г. а также условных кредитов и других вопросов, касающихся сведения проекта росписи. 19 августа — 13 сентября 1916 г.: Там же. Д. 468. Л. 41–68.

[62] См. главу IV.

[63] П.Л. Барк — Б.В. Штюрмеру. 28 сентября 1916 г.: Там же. Л. 1–2.

[64] П.Л. Барк — М.В. Родзянко. 1 октября 1916 г.: Там же. Ф. 1278. Оп. 7. Д. 1664. Л. 2.

[65] Представление П.Л. Барка в Совет министров. 17 декабря 1916 г.: Там же. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 557. Л. 59-60; Журнал Совещания по согласованию временных расходных расписаний на январь — апрель 1917 г. с требованиями... основных государственных законов. 5 декабря 1916 г.: Там же. Л. 61–63.

[66] См. главу V.

новным экспортером зерна) цены за тот же период колебались от 1,48 руб. (2,47 руб.) в мае до 1,80 руб. (3,07 руб.) в январе (первая цена по паритету рубля к доллару 1 долл. = 1,94 руб., вторая — по курсу рубля в Нью-Йорке).

За первую половину 1916 г. русский экспорт сократился по сравнению с 1914 г. на 69,6%, а импорт увеличился на 7,1%, в целом они составили соответственно 221,2 млн руб. и 865,6 млн руб. При общем сокращении экспорта значительно увеличился вывоз русских товаров в Финляндию, на которую в первые шесть месяцев 1916 г. приходилось 52% русского экспорта по европейской границе. В это же время произошли изменения в структуре русской вывозной торговли. Сырье и полуфабрикаты начинали преобладать над сельскохозяйственными продуктами. Что касается импорта, то в 1916 г. увеличился ввоз металлов, химических продуктов, шерсти, леса. Стоимость ввозимых готовых изделий выросла в первой половине 1916 г. по сравнению с тем же периодом предыдущего года с 70,3 млн руб. до 256,6 млн руб., причем стоимость импортируемых машин увеличилась с 12,8 млн руб. до 36,6 млн руб. По сравнению с тем же периодом в январе–июне 1916 г. в полтора раза стал больше ввоз в Россию продуктов питания. На азиатской границе значительно возросла роль владивостокского порта, через который за первые шесть месяцев 1916 г. было ввезено товаров на сумму 344 701 тыс. руб. при их общей стоимости 29 144 тыс. руб. в 1914 г. Наиболее значительной статьей импорта через владивостокский порт стал хлопок (за январь–июнь 1916 г. его было ввезено на 38 946 тыс. руб.), при этом основным импортером хлопка была здесь Япония, а не США.

В записке министра финансов обращалось внимание на недостаток товаров на внутреннем рынке. Переход промышленности на обслуживание армии и трудности с сырьем вели к росту цен. Такое положение сложилось в торговле товарами первой необходимости (ткани, кожаные изделия). Сокращение торговых операций произошло в 1916 г. почти на всех ярмарках России. В 1915 г. продолжалось сокращение числа промышленных предприятий (на 1209 по сравнению с предыдущим годом) и рабочих на них (на 20 405 человек). Однако производительность труда рабочих в целом повысилась. За первое полугодие 1916 г. незначительно увеличилась добыча угля в Донецком бассейне, который оставался практически единственным крупным поставщиком угля в стране. Если в январе–июне 1915 г. здесь было добыто 790,3 млн пудов угля, то в первом полугодии 1916 г. — 814,7 млн пудов. Наиболее значительными потребителями донецкого угля были железные дороги, металлургические предприятия и флот. Однако на донецких углеразработках в противоположность общему повышению производительности труда ощущалась нехватка квалифицированных рабочих, и производительность труда падала. Донбасс не мог удовлетворять всех потребностей страны в твердом топливе. Разработки велись также в Подмосковном угольном бассейне, где было добыто в 1915 г. 23,7 млн пудов угля. К июлю 1916 г. цены на уголь выросли до 26 коп. за пуд, что являлось предельной нормой, установленной 8 и 21 октября 1915 г. Особым совещанием по топливу. Относительно нефтедобычи, сравнивая добычу нефти за первое полугодие 1915 и 1916 гг., министр финансов привел данные, свидетельствовавшие о ее увеличении: с 288 млн пудов до 302,1 млн пудов, и признавал конъюнктуру, которая к этому времени сложилась в нефтепромышленности, «благоприятной», хотя и не по причине роста добычи, а из-за сокращения экспорта, что увеличивало поступление нефтепродуктов на внутренний рынок. Цены на сырую бакинскую нефть колебались в январе–июне 1916 г. от 45,8 коп. до 47,3 коп. за пуд, год назад амплитуда колебаний составляла от 28,8 коп. до 42,6 коп. за пуд при предельной цене, установленной Особым совещанием по топливу в 46,5 коп. за пуд. Таким образом, в отличие от цен на уголь цены на нефть не достигали пре-

дельных. Ситуация с производством чугуна и железа в первые три месяца 1916 г. незначительно отличалась от ситуации начала 1915 г. Железоделательная отрасль страдала от транспортных затруднений, нехватки топлива и отсутствия квалифицированных рабочих. Как и в угольной промышленности, в металлургии производительность труда сокращалась. На предприятиях Юга ее падение не удавалось предотвратить даже увеличением числа рабочих. Цены на чугун установились в июле 1916 г. в размере 1,60–1,90 руб. за пуд, тогда как за год до этого за пуд чугуна платили примерно 85 коп. Цена сортового железа поднялась с июля 1915 г., когда она составляла 1,90 руб. за пуд, к середине 1916 г. с 1,90 руб. до 3 руб. Последние цены уже не были ценами рынка. Они были установлены Комитетом по делам металлургической промышленности. «Что же касается рыночных цен, — отмечалось в записке министра финансов, — то вследствие недостатка металла для свободной продажи таковые, при частных сделках, достигали значительно более высоких размеров».

Железнодорожное строительство и эксплуатацию линий в записке министра финансов характеризовали следующие данные: к сентябрю 1916 г. сооружаемые за казенный счет железные дороги достигли общей протяженности в 5 564 верст, их строительная стоимость составила 845 631 635 руб. Кроме того, за период с сентября 1915 г. по сентябрь 1916 г. правительство разрешило частным обществам построить с правительственной гарантией облигационного капитала 1 402 версты железных дорог строительной стоимостью 193 795 тыс. руб.

Промышленный подъем 1916 г. был связан с ростом акционерного учредительства, также отмеченного в записке министра финансов. Явным показателем оживления промышленного производства стало то, что с августа 1915 г. по август 1916 г. было разрешено учредить 477 компаний с капиталом в 544,5 млн руб., в тот же период предыдущего года разрешение было дано на учреждение 250 компаний с капиталом в 297,5 млн руб. С января по сентябрь 1916 г. открылись акционерные общества с капиталом в 209 530 тыс. руб., из которых наибольшая доля (с капиталом до 27 млн руб.) приходилась на предприятия по обработке металлов.

Записка министра финансов связывала с подъемом индустрии оживление операций краткосрочного кредита. Остатки на вкладах и текущих счетах частных банков насчитывали на 1 июля 1916 г. 6 885 млн руб. при 5 729 млн руб. на 1 января 1915 г. Здесь министр финансов отмечал, что все эти средства находят себе применение при высоких процентах именно вследствие оживления в промышленном производстве. Увеличение вкладов продолжалось не только в частных банках, но и в сберегательных кассах, где они к июлю 1916 г. достигли 4 119 млн руб., при том, что число самих сберегательных касс увеличилось до 12 171. К 1 июля 1916 г. по сравнению с началом года учетно-ссудные операции банков выросли с 3,315 до 3,383 млн руб. Вложения банков в краткосрочные казначейские обязательства, иными словами, кредитование ими государства, за тот же период увеличились с 354 до 583 млн руб. Сами же частные банки выпустили за этот период акций на сумму 30 млн номинальных руб. Вместе с тем в записке отмечались те трудности, которые испытывали с самого начала войны учреждения ипотечного кредита. Неустойчивые цены на землю, возросшая неплатежеспособность заемщиков ипотечных банков вынудили их сокращать свои операции. Увеличение в обращении ипотечных ценностей было незначительным. К 1 января 1916 г. закладных листов и свидетельств Дворянского и Крестьянского банков обращалось на сумму 2 313 млн руб. (при 2,286 млн руб. по состоянию на 1 января 1915 г.). Акционерные земельные банки и общества взаимного кредита увеличили за тот же

период сумму закладных листов также в весьма незначительной степени — с 5 542 до 5 576 млн руб. Задолженность сельского землевладения выросла с 3 886 до 3 924 млн руб.

Характеризуя состояние денежного рынка, министр финансов особо подчеркивал, что с начала войны Государственный банк не изменял свою учетную ставку (6%). Расчетный баланс России при растущем импорте и значительных заимствованиях за границей оставался пассивным. Колебание курсов валют, которое продолжалось в течение 1915 г. и 1916 г. и в котором правительство усматривало «спекулятивный момент», как и в случае с ценообразованием, привело к созданию при Кредитной канцелярии расчетного отдела[67], который был призван устанавливать курсы валют (см. табл. 29).

Некоторое повышение курса рубля началось только после вступления в войну Румынии и роста интереса к русским фондам на западноевропейских биржах. Впрочем, министр финансов отмечал благоприятное отношение западноевропейских бирж к русским государственным ценностям и до этого. В начале 1916 г. 5-процентный заем 1906 г. поднялся в Лондоне с 83,52 до 89,64 пунктов, при том, что, английские консоли выросли всего с 58,19 до 60. Между тем интенсивное наращивание казной своих обязательств как внутри страны, так и за границей продолжалось. За 1915 г. было выпущено государственных обязательств на сумму 8 457 млн руб. (6 250 млн руб. в России и 2 207 млн руб. за границей). Всего же за этот год было выпущено ценных бумаг на сумму 8 969 млн руб., так что на долю частных эмиссий пришлось лишь 512 млн руб.[68] Практически весь русский кредит был поставлен на службу военного фонда. Представляя бюджетные предположения на 1917 г. (см. табл. 30), Барк указывал на необходимость придерживаться «всемерной бережливости в расходах и особой сдержанности в испрошении новых кредитов».

В проекте бюджета, составленном Министерством финансов, обращалось внимание на то, что суммы ординарных расходов казны придется увеличить, включив в нее 165 млн руб. на оплату процентов нового 3-миллионного военного займа.

В большем по сравнению с 1916 г. объеме Министерство финансов предполагало собрать бюджетные доходы (см. табл. 31).

По поводу ординарных доходов Барк отмечал, что увеличение их по отношению к росписи 1916 г. на 31,9% «не может, конечно, не останавливать на себе исключительного внимания». Однако их рост происходил по большей части за счет поступлений от увеличения налоговых ставок и введения новых видов обложения, за счет внесения в бюджет предполагаемых поступлений от только что установленного и еще не принесшего поступлений подоходного налога, от увеличения ставок акциза на табак, сахар, спирт, нефтепродукты, введения акциза на чай, а также от установления новых налогов — на военные сверхприбыли предприятий и на тотализатор. Общая сумма доходов, впервые включенных в роспись, составила 393,6 млн руб.

От одного подоходного налога Министерство финансов предполагало за 1917 г. получить 130 млн. руб., при том, что для 1910 г. эта сумма была определена в 65 млн руб. Однако теперь финансовое ведомство указывало на рост номинального дохода плательщиков и на увеличение их числа в связи с понижением по сравнению с проектом 1910 г. необлагаемого минимума доходов. Доход в сумме 55 млн руб. рассчитывало получить Министерство финансов от налога на прирост прибыли предприятий, который входил в состав промыслового обложения. В счет подоходного налога должна была отойти часть дополнительного

[67] См. главу VI.

[68] Объяснительная записка министра финансов к проекту государственной росписи доходов и расходов на 1917 год. Ч. 2. Пг., 1916. С. 1–130.

промыслового сбора, предполагаемый доход от которого был сокращен. В целом же поступления от промыслового обложения планировалось увеличить в связи с началом оживления в промышленности.

Доходы по статье «Поземельные налоги, налоги с недвижимости и подати» предполагалось получить в меньшем объеме из-за уменьшения поступлений от военного налога ввиду уменьшения числа его плательщиков. Остальные же налоги по этой статье исчислялись примерно на уровне 1916 г. Сокращение поступлений от сбора с доходов от денежных капиталов в основном явилось результатом ограничения эмиссии частных ценных бумаг. Что касается акцизов, то увеличение ставок сборов с технического и виноградного спирта, виноградного вина и дрожжей позволило увеличить сборы с питей. То же самое относилось к нефтепродуктам, табаку и сахару, хотя последний продукт в 1917 г. предполагалось производить в меньших объемах, нежели в предыдущем году. Доход от акциза на чай был определен финансовым ведомством в объемах меньших, чем первоначально, так как считалось, что примерно половина бандеролей, как показывал опыт обложения других товаров, будет выбрана в кредит. Доход от спичечного акциза предполагалось сократить в связи с тем, что поступления от него за первое полугодие 1916 г. по причине дороговизны спичек не соответствовали бюджетным предположениям.

Относительно таможенных пошлин министр финансов констатировал «полное почти прекращение поступлений пошлин с отпускных товаров», увеличение же таможенного дохода почти полностью достигалось за счет экспорта, в том числе ввоза товаров, оплачиваемых из казны, иными словами, в значительной мере являлось фиктивным. Увеличение ставок гербового сбора позволило в большем размере планировать доходы от гербовых, судебных и канцелярских пошлин, а оживление имущественных сделок предполагало рост доходов от пошлин с переходящих имуществ. Ожидавшаяся в 1917 г. отмена временного налога на железнодорожные перевозки вынудила финансовое ведомство сократить предполагаемые доходы по указанной статье, несмотря на то, что поступления от входящего в ее состав налога на хлопок планировалось увеличить.

По части правительственных регалий Министерство финансов предполагало сокращение монетного дохода в связи с сокращением чеканки биллонной монеты. Доход от казенной винной операции также подвергся традиционной, хотя и незначительной корректировке (по его уменьшению) в связи с низкими ценами на спирт, отпускаемый для казенных надобностей, в основном на военные цели. Увеличение объема продаж марок, конвертов, бланков и бандеролей, сборов за телеграфные сообщения и за эксплуатацию телефонов позволяло предполагать увеличение почтового, телеграфного и телефонного доходов. Весьма значительно предполагалось увеличить доход от эксплуатации казенных железных дорог общей протяженностью более 38 тыс. верст. По расчетам финансового ведомства, в 1917 г. казенное железнодорожное хозяйство могло принести общий доход в 1 028 753 тыс. руб. при затратах на него в 795 526 тыс. руб. с прибавлением к этому 107 473 тыс. руб. на улучшение железных дорог. Однако в основном железнодорожный доход должен был вырасти за счет вводимых с 1 января 1917 г. новых железнодорожных тарифов, от которых предполагалось получить в казну 92 млн руб.

Планировалось также почти двухкратное (с 115 до 200 млн руб.) увеличение коммерческой прибыли Государственного банка, которая носила преимущественно искусственный характер как результат учета банком краткосрочных казначейских обязательств. Однако это увеличение позволяло значительно увеличить предполагаемые доходы по статье казенных капиталов и банковских операций. Казна надеялась также в полном размере получить при-

читающиеся ей от железнодорожных обществ платежи в возмещение произведенных в свое время расходов из казначейства в их пользу. Рост остальных доходов носил «плановый» характер и рассчитывался на основании поступлений предыдущих военных лет[69].

Расходная часть бюджета 1917 г., как его планировало финансовое ведомство, также должна была увеличиться (см. табл. 32).

Увеличивались, таким образом, ординарные расходы по всем ведомствам за исключением Военного и Морского министерств. Сокращение ординарных расходов Военного министерства было запланировано вследствие перенесения многих расходов (продовольственных, транспортных, строительных) на счет военного фонда. Сокращение кредитов по Морскому министерству было весьма незначительно, и практически все его предполагаемые на 1917 г. расходы в рамках ординарного бюджета остались на уровне 1916 г.

Если сравнить распределение ординарных расходов по предметам назначения в бюджете 1916 г. и в министерском проекте росписи на 1917 г. (см. табл. 33), то увеличение роли казначейства в финансовом управлении страны станет очевидным.

Наибольшее увеличение расходов казны планировалось Министерством финансов по статье «Казенные операции» и почти полностью относилось к расходам на содержание казенных железных дорог. Ординарные расходы по ведомствам в наибольшей степени планировалось увеличить также по смете Министерства путей сообщения (44,6%), а кроме того, по сметам Министерства внутренних дел (23,4%) и Министерства торговли и промышленности (20,5%). Министерству внутренних дел планировалось увеличить прежде всего расходы не по общей части, выросшие в плане сметы всего на 4,3 тыс. руб., а расходы по почтово-телеграфной части, увеличенные на 23,4 тыс. руб. Почти вдвое предполагалось увеличить расходы на содержание почтово-телеграфных учреждений и телефонных станций. Рост расходов торгово-промышленного ведомства предусматривался прежде всего в связи с необходимостью увеличить снабжение казенных горных заводов углем.

Весьма незначительное по сравнению с ростом заимствований увеличение бюджетных ассигнований на платежи по государственным займам обуславливалось, по замечанию министра финансов, тем, что «по краткосрочным обязательствам... уплачиваемые проценты вычитаются из капитальной их суммы при учете обязательств, вследствие чего... расходы на уплату этих процентов не вносятся в роспись». Вместе с тем было произведено погашение некоторых займов на общую сумму 1,7 млн руб. Здесь Барк указывал на условность сумм, отпускаемых по статье государственного кредита, так как в них не включались расходы по оплате процентов нового предполагаемого к выпуску 5,5-процентного займа.

Суммы экстраординарных расходов (54 904 тыс. руб. — на пополнение запасов и материальной части военного ведомства и на строительство новых военных заводов, 284 145 720 руб. — на сооружение 28 железнодорожных линий, 862 тыс. руб. — на выплаты железнодорожным обществам и 3 198 265 руб. — на строительство и улучшение портов) как всегда, превышали сумму экстраординарных ресурсов казны, представлявших собой поступления от возврата долгов по продовольственному капиталу и от вечных вкладов в Государственный банк (6 млн руб.). На покрытие этих расходов министерский проект бюджета предусматривал (опять же как обычно) определить положительное сальдо ординарного бюджета (263 974 628 руб.). Остальное, за вычетом экстраординарных доходов, предусматривалось покрыть за счет кредитных операций[70].

---

[69] Проект государственной росписи доходов и расходов на 1917 год с объяснительною запискою министра финансов. Пг., 1916. С. 23–86.

[70] Там же. С. 92–135.

Но проект бюджета, составленный Министерством финансов на 1917 г., так и не был рассмотрен в палатах, оставшись лишь планом финансового ведомства. Бюджетная комиссия Думы, собравшаяся в начале октября 1916 г. на свои заседания, к рассмотрению бюджета так и не приступила за исключением обсуждения бюджета Канцелярии Военного министерства. Это обсуждение также было использовано в качестве повода для вмешательства в сферу компетенции коронных властей. Основной рассматриваемый вопрос был сформулирован следующим образом: «Отпускаются ли какие-либо средства из военного фонда на усиление кредитов по смете Канцелярии Военного министерства и как вообще во время войны расходуются кредиты по смете Канцелярии?». Главным же образом бюджетная комиссия обсуждала продовольственный вопрос[71]. Открытая 1 ноября 1916 г. пятая сессия Государственной думы продолжалась до 12 декабря, когда нижняя палата была распущена на каникулы. Практически вся работа сессии была посвящена обсуждению общеполитических вопросов. Думская оппозиция правительству хотя и не достигла в это время той степени конфронтации, как это было летом 1915 г., тем не менее стала весьма существенным политическим фактором. Во время последней сессии, как это бывало и ранее, оппозиционеры в нижней палате использовали обсуждение бюджетных вопросов в целях борьбы с правительством. 2 января 1917 г. Л.К. Куманин докладывал, что «нежелание работать [с правительством] выразится в отклонении бюджета». Позднее он добавлял, что «в настоящее время мнения депутатов разделяются: одни находят, что бюджетная комиссия должна и может продолжать свои занятия и теперь, во время перерыва, а другие... указывают, что это невозможно». Товарищ председателя бюджетной комиссии Г.А. Фирсов, по словам Куманина, вообще полагал, что «нет необходимости спешить с рассмотрением бюджета». Несмотря на это бюджетная комиссия все же собралась 18 января 1917 г., ее заседания продолжались по крайней мере до 21 февраля[72].

* *
*

Пожелания представителей думской оппозиции, которые высказывались за реформу бюджетного законодательства, оказалось возможным осуществить только после февраля 1917 г. В мае под председательством нового директора Департамента государственного казначейства Г.Д. Дементьева собралось Особое совещание для выработки нового бюджетного закона. Целями реформы были провозглашены восстановление бюджетного единства и отмена практики условных кредитов. Было отмечено также, что многие чрезвычайные расходы казны (на пособия солдатским семьям или на железнодорожное строительство) в годы войны утратили свой экстраординарный характер и превратились в «длящиеся расходы»[73]. В подготовленных Особым совещанием «Основных положениях по составлению финансовых смет Министерств и Главных управлений и проекта государственной росписи доходов и расходов на январь — июнь 1918 г.» устанавливалось, что чрезвычайные сверхсметные

---

[71] Протокол заседания бюджетной комиссии Государственной думы 28 октября 1916 г.: РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 355. Л. 3; Дело Государственной думы по продовольственному вопросу. 3 октября 1916 г. — 10 января 1917 г.: Там же. Д. 351. Л. 1–66.

[72] Донесения Л.К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 — февраль 1917 года // Вопросы истории. 2000. № 4/5. С. 3, 4.

[73] В составленном в августе 1918 г. «Кратком обзоре деятельности Департамента государственного казначейства... с 20 октября 1916 г. по 27 февраля 1917 г.» отмечалось, что сумма военных расходов за этот период составила 7 800 200 тыс. руб. (Краткий обзор деятельности Департамента государственного казначейства... с 20 октября 1916 г. по 27 февраля 1917 г.: РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Т. 3. Д. 3079. Л. 1–8).

расходы Военного и Морского министерств должны объединяться в росписи «в одном общем военном фонде, в объяснительной же к проекту росписи записке или в самой росписи приводятся, по мере возможности, составные части этого фонда по главнейшим потребностям. Порядок расходования военного фонда определяется особыми правилами». Записку «О составлении смет и проекта государственной росписи доходов и расходов на январь — июнь 1918 г.» представил 30 июня 1917 г. во Временное правительство тогдашний глава финансового ведомства А.И. Шингарев. В записке указывалось, что исчисление кредитов на военные нужды «не может отличаться необходимою для сметных назначений обоснованностью по невозможности большею частию не только определить размеры той или иной потребности в зависимости от обстоятельств, но даже предусмотреть самую потребность». Поэтому, полагал министр финансов, бóльшая часть военных расходов, как по военным, так и по гражданским ведомствам, «может быть определена лишь в приблизительных суммах»[74]. Однако все эти планы так и не были осуществлены. Первый бюджет РСФСР составлялся уже на основании несколько иных принципов нежели те, которые были положены в основу бюджетного законодательства Российской империи.

Приведенные выше данные о бюджетных доходах за 1914–1917 гг. позволяют соотнести их с размерами национального богатства страны, которое А.Л. Вайнштейн определял по состоянию на 1 января 1914 г. в сумме 69 193 млн руб.[75] За годы войны объем национального богатства России, по подсчетам Центрального статистического управления, сократился в два с половиной раза (см. табл. 34).

Таким образом, и в 1914 г., и ко времени окончания первой мировой войны государственный бюджет исчислялся суммой значительно меньшей, чем объем национального богатства, хотя по мере того, как война продолжалась, государственный бюджет как таковой во все меньшей степени отражал положение вещей в области государственного счетоводства. Причиной этого стало разделение бюджета и появление военного фонда с его огромными и неподконтрольными законодательным палатам расходами. Одновременно сокращение ординарных доходов вынуждало финансовое ведомство всемерно урезывать расходную часть ординарного бюджета.

Борьба правительства и нижней палаты за контроль над бюджетом привела к тому, что в последние предреволюционные годы само рассмотрение государственной росписи в Думе все более становилось поводом для их столкновений и ареной борьбы. Если в начальный период войны оппозиционеры из либерального лагеря при обсуждении росписи в нижней палате до некоторой степени уступали право высказываться по этому поводу ораторам из правого лагеря, то во время обсуждения бюджета 1916 г. (которое при всех стараниях власти его сократить оказалось весьма длительным) они в полной мере использовали бюджетные прения в качестве повода для критики правительственного общеполитического курса и коронных властей вообще. Удобной мишенью их критики стал военный фонд, формирование и расходование которого было поставлено вне контроля законодательных палат, а между тем по своим объемам военный фонд намного превысил суммы, отпускаемые по бюд-

---

[74] Цель пересмотра существующего и выработки нового бюджетного законодательства [1917 г.]: ГАРФ. Ф. 6996. Оп. 1. Д. 11. Л. 3, 4; Журнал подкомиссии по выработке основных положений по составлению финансовых смет и проекта государственной росписи... 29, 31 мая, 2, 5, 7 июня 1917 г.: Там же. Л. 27 об.; Основные положения по составлению финансовых смет Министерств и Главных управлений и проекта государственной росписи доходов и расходов на январь–июнь 1918 г.: Там же. Л. 56; О составлении смет и проекта государственной росписи доходов и расходов на январь–июнь 1918 г. 30 июня 1917 г.: Там же. Л. 66 об.

[75] См.: *Вайнштейн Альберт Л.* Народное богатство и народнохозяйственное накопление предреволюционной России (Статистическое исследование). М., 1960. С. 419.

жетным сметам на гражданские расходы. Тем не менее критика с думской трибуны лишь в самой незначительной степени влияла на бюджетную политику Министерства финансов, тем более, что нижняя палата после ожесточенной критики правительства во время бюджетных дебатов все же принимала роспись в том виде, в каком она была составлена финансовым ведомством, которое, в свою очередь, весьма легко обходило препятствия, создаваемые решениями нижней палаты.

Шаховской предлагал повысить пошлины на черный плиточный и кирпичный чай до 19 руб. 60 коп. по европейской границе и до 12 руб. по азиатской. Пошлины на зеленый чай указанных видов повышались до 15 руб. 60 коп. и 8 руб. соответственно. Что касается кофе, то он облагался пошлиной в 4 руб. 50 коп. (сырой) и 6 руб. (жареный) с пуда, пока увеличение тарифа 28 февраля 1915 г. не подняло эти пошлины до 7 руб. 85 коп. и 11 руб. 40 коп. соответственно. Теперь министр торговли и промышленности предлагал увеличить эту пошлину до 10 руб. 50 коп. и 15 руб. 50 коп. с пуда[110].

В результате правительственных мероприятий военных лет в области косвенных налогов и пошлин Министерство финансов получило возможность определить на 1917 г. доходы от косвенных налогов в 1 098,7 млн руб. В 1914 г. поступления от косвенных налогов составляли 661,4 млн руб. От пошлин в 1917 г. казна рассчитывала получить 442,1 млн руб. В 1914 г. она получила от них 209,1 млн руб. В целом акцизы и пошлины были увеличены более чем на 570 млн руб., тогда как ординарные доходы — примерно на 420 млн руб. Это наглядно свидетельствовало о том, что и в военные годы косвенное обложение продолжало оставаться основной и наиболее динамичной частью налоговой системы России. Особо следует отметить осторожное отношение правительства (в отличие от ученых-экономистов) к вопросу о введении казенных монополий, которые должны были заменить винную монополию. Проекты введения этих монополий нашли свое частичное воплощение только после Февральской революции.

3. Отмена винной монополии

В вопросе о винной монополии собственно финансовая политика правительства самым тесным образом соприкасалась с политикой социальной. Принятое в 1914 г. решение запретить на время военных действий, а затем, возможно, и «навсегда», продажу алкогольных напитков, которое лишало русский бюджет основной статьи его дохода, не было спонтанным и вызревало давно, имея сторонников как среди представителей бюрократии и камарильи, которые видели в нем средство борьбы за власть, так и в думской среде. В разное время сторонниками отказа от монополии были и либералы, и охранители.

Алкоголь всегда был одной из наиболее значительных статей государственного дохода практически всех стран (см. табл. 35).

Вместе с тем если средний годовой доход на душу населения в Англии составлял в пересчете на рубли 309 руб., а во Франции 256 руб., из которых англичанин пропивал 32 руб., а француз — 34 руб., то в России тот же средний доход составлял всего 63 руб., из которых в среднем пропивалось 6 руб. 83 коп.

Монополия на продажу крепких напитков была установлена в Швейцарии, Сербии, Румынии, Норвегии, Швеции. Проекты введения винной монополии разрабатывались в Германии, Австро-Венгрии, Франции, Италии, но так и не были осуществлены. Винная монополия в Швейцарии была введена Законом от 23 декабря 1886 г. и одобрена на референдуме 15 мая 1887 г., несмотря на то, что противники монополии говорили, что «недостойно государству торговать водкой». В Швеции и Норвегии винная монополия существовала в виде так называемой «гетеборгской системы», по которой продажа крепких напитков производилась особыми акционерными обществами, прибыли которых переходили государству и общинам. Государство, в свою очередь, оплачивало акционерный капитал этих обществ.

[110] Представление В.Н. Шаховского в Совет министров. 3 сентября 1916 г.: Там же. Оп. 12. Д. 491. Л. 1–10.

Законом от 2 марта 1865 г. «гетеборгская система» была введена в Великом княжестве Финляндском, где она впервые была установлена еще в 1775 г., а в 1787 г. заменена акцизной системой, которая с некоторыми изменениями, внесенными в соответствующий закон в 1800 г., просуществовала до 1865 г. и была известна под наименованием «домашнего винокурения». За высочайшим повелением от 2 марта 1865 г. последовали Законы от 9 июня 1873 г., 16 июля 1886 г. и 9 июня 1892 г., которые окончательно оформили «петербургскую систему» в Финляндии[111].

Один из наиболее известных исследователей истории винной монополии в России М.И. Фридман отмечал, что предшествовавшая казенной монополии акцизная система сбора питейных налогов была «только кратковременным эпизодом» в более чем двухсотлетней истории казенной продажи крепких напитков, когда казна либо пользовалась своим монопольным правом «непосредственно», либо отдавала казенную питейную регалию на откуп. Таким образом, С.Ю. Витте, вводя винную монополию, возвращался, по словам Фридмана, «домой», отказываясь от заимствованной в период «великих реформ» западной модели обложения крепких напитков.

В 1880-х гг. сторонниками казенной продажи водки были по преимуществу консервативные круги, среди них и М.Н. Катков, который пропагандировал идею винной монополии на страницах «Московских ведомостей» и «Русского вестника». Пропагандистами монополии как неразорительного для казны средства борьбы с народным пьянством выступали экономисты славянофильского толка Н.Я. Данилевский, В.А. Кокорев, Н.Х. Вессель. В либеральных же кругах винная монополия, напротив, не пользовалась поддержкой. Сомнение вызывала прежде всего ее способность отрезвить народ. «До крайности странным и нелогичным» представлялось в 1886 г. «Вестнику Европы» «ожидание каких-то особых нравственных благ от казенной питейной монополии»[112].

Н.Х. Бунге повышал питейный акциз дважды (в 1881 г. до 8 коп. с градуса алкоголя и в 1885 г. до 9 коп.), а в 1886 г. обращал внимание императора на то, что «казенная монопольная торговля хлебным вином может разрешить задачу очень сложную, касающуюся и финансов, и сельского хозяйства, и народной нравственности... Возможно ли устранить из казенной монополии дурное и осуществить одно хорошее — это вопрос, на который может ответить только практика». С именем Бунге было связано также появление новых правил от 14 мая 1885 г. о регулировании питейной торговли, которыми упразднялись питейные дома, учреждались взамен них лавки, которые должны были торговать алкоголем на вынос и лишали таким образом города и сельские общества предоставленного им права выдачи разрешений на продажу спиртных напитков. Регулирование питейной торговли возлагалось на губернские и уездные присутствия по питейным делам из представителей местной администрации, земств и городского общественного управления. Политика Бунге в питейном вопросе вызвала резкую критику в лагере охранителей (М.Н. Катков, В.П. Мещерский[113]), однако их ставленник И.А. Вышнеградский практически продолжил политику своего предшественника. Политика Вышнеградского в основном свелась к дальнейшему увеличению акциза (в 1887 и 1892 г. акциз на водку повышался до 9,25 и 10 коп. с градуса алкоголя), хотя министр не отрицал возможности введения монополии. Увеличение питейных доходов

---

[111] См.: *Ланг И.Н.* Промысловое право Великого княжества Финляндского. Ярославль, 1905. С. 169-179.

[112] В журнале отмечалось, что «питейный вопрос — только один из многих поводов к агитации против финансового управления». См. Н.Х. Бунге ([*Арсеньев К.К.*] Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1886. Кн. 4. С. 825–830).

[113] Московские ведомости. 1881. 29 июля, 17 авг.; Гражданин. 1884. 8 янв.

от повышения ставок акциза было минимальным, и сама акцизная система, с фискальной точки зрения, становилась все менее перспективной и соответствующей задачам предоставления казне тех средств, которые были ей необходимы для покрытия бюджетных дефицитов. Как и многие другие коренные реформы в системе русского государственного хозяйства, винная монополия была осуществлена С.Ю. Витте, который видел в ней (возможно, и не вполне искренне) одно из средств борьбы с пьянством[114]. По крайней мере на эту цель своей политики в питейном вопросе Витте указывал в известном курсе о государственном хозяйстве, прочитанном им вел. кн. Михаилу Александровичу. Именно «незаинтересованность» казны в эксплуатации «народного порока» и выступала, по мнению Витте, в качестве фактора, сдерживающего распространение пьянства. По мнению Витте, нельзя было сбрасывать со счетов и «большую продуктивность этой формы обложения (т. е. винной монополии. — *С.Б.*)», тогда как при существовании акцизной системы «невозможно придумать такие постановления, которые, при свободе промысла на всем обширном пространстве Империи, ограничивали бы пьянство, не подрывая интересов фиска и не препятствуя здоровому потреблению вина»[115].

Монопольная казенная продажа водки по устанавливаемым Министерством финансов для каждой местности ценам (первоначально эти цены колебались от 6,40 до 8 руб. за ведро) осуществлялась начиная с 1 января 1895 г. первоначально в четырех, а затем в 25 губерниях. Казна приобретала сырой спирт у частных винокуров. Ректификация спирта и изготовление водки стали производиться хотя и на частных заводах, но исключительно по заказам казны и под надзором чиновников Главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей, учрежденного 6 мая 1896 г. на основе упраздненного тогда же Департамента неокладных сборов. Окончательное введение казенной продажи питей на всей территории империи, за исключением Закавказья, среднеазиатских, приамурской, приморской и камчатской областей, намечалось на 1 июля 1904 г.

Если доходы от монополии как коммерческого предприятия экономисты оценивали весьма скромно, указывая на то, что казенное винное хозяйство ведется неэкономно и казна значительно переплачивает при заготовке сырого спирта (потери от отмены акциза понесли также сельские общества, города и земства), то чисто бюджетные результаты введенной С.Ю. Витте монополии, которые для правительства собственно и представляли основную ценность, не подлежали сомнению. В 1895 г., т. е. за первый год существования казенной торговли спиртными напитками, бюджет получил за вычетом всех издержек чистого питейного дохода 16 млн руб., в 1913 г. эта цифра составила 675 млн руб., или примерно одну четверть всего ординарного и экстраординарного бюджета. При этом значительная часть поступлений от монопольной торговли водкой определялось ростом цен на нее, достигших к 1908 г. верхнего установленного предела — 8,40 руб. за ведро. По подсчетам М.И. Фридмана казна получала от повышения цен на водку от 13,9 млн руб. (1904 г.) до 96,5 млн руб. (1912 г.). Особо резкий скачок цен наблюдался в 1910 г., когда казна получила от их увеличения 89,5 млн руб., тогда как за два года до того эта сумма составляла всего 51,6 млн руб. В то же время среднее потребление алкоголя возросло с 0,52 ведра на душу

---

[114] Впоследствии С.Ю.Витте указывал на то, что «благодетельная» цель введения монополии была «извращена» в угоду сохранению бездефицитности бюджета (об этом см. ниже).

[115] Краткий очерк пятидесятилетия акцизной системы взимания налогов с крепких напитков и пятидесятилетия деятельности учреждений, заведующих неокладными сборами. СПб., 1913. С.107–108; *Витте С.Ю.* Лекции о государственном хозяйстве (1901–1902) // *Витте С.Ю.* Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве. М., 1997. С. 431.

населения в 1893–1894 гг. до 0,61 ведра в 1909–1913 гг. В действительности, разумеется, потребление алкоголя было гораздо большим, так как приведенные данные являются среднестатистическими.

С началом думского периода начали появляться проекты, призванные, по выражению М.И. Фридмана, «ослабить финансовые жертвы, которые возлагались на государство политикой поддержки сельскохозяйственного, помещичьего винокурения»[116] или, вернее сказать, те жертвы, которые государство само в этом смысле на себя возлагало. Эти проекты относились в первую очередь к системе приобретения казной сырого спирта.

Известный думский деятель Н.В. Савич вспоминал, что «к моменту созыва Третьей Государственной думы в обществе и в прессе идея упразднения винной монополии была достаточно распространена»[117]. 4 декабря 1907 г. 66 депутатов Думы подали заявление, в котором предлагали образовать комиссию для рассмотрения вопроса об изъятии из росписи доходов от винной монополии и акцизов с крепких напитков и об «изыскании новых и увеличении существующих» источников доходов взамен дохода от винной монополии, чтобы уже с началом 1909 г. «система взимания налогов с населения через спиртные напитки более не применялась»[118]. Тогда же за подписью 31 депутата был представлен законопроект, которым предусматривалось предоставление сельским обществам права закрывать казенные винные лавки и не допускать их открытия в местностях, где они еще не открыты. Законопроект рассматривался в думской комиссии по борьбе с пьянством в марте 1908 г. и был поддержан, хотя комиссия все же указала на то, что «немедленное осуществление таких реформ, которые способны были бы поколебать государственный бюджет... представляется нецелесообразным»[119].

В 1908–1910 гг. Дума рассматривала проект перехода от разверстки спирта между винокуренными заводами, проводимой при его заготовлении, к системе приобретения спирта с торгов, что позволило бы установить «истинные» цены на продукт и сократить казенные издержки. Однако эти проекты не привели ни к каким положительным результатам. Параллельно, начиная с 1907 г., в Думе начали обсуждаться проекты ограничения самой винной монополии, выдвигавшиеся под лозунгом борьбы с пьянством. Зарождались эти проекты преимущественно в среде думских правых. Таким образом, если в конце XIX в. консервативные круги требовали установления казенной продажи крепких напитков, то теперь — наоборот. Монополия «обвинялась в том, что она, отнюдь не уменьшив пьянства, просто перенесла его из кабака в семью и на улицу». Наиболее ярким выразителем подобных взглядов стал известный поборник трезвости М.Д. Челышев. Современникам, в частности думским депутатам, Челышев рисовался как некий «самородок», «выходец из толщи народной», который «крепко усвоил лишь одну идею, одну мысль: надо уничтожить народный порок — пьянство». Барк описывал его в своих воспоминаниях как «тип настоящего русского самородка: косая сажень в плечах, густая шевелюра, открытый взгляд; ходил он всегда в поддевке и высоких сапогах... Челышев заинтересовал государя своей пламенной проповедью трезвости... Государь подробно мне (т. е. Барку. — *С.Б.*) рассказывал о приеме им Челышева и с улыбкой говорил, что не нашел в нем ненормального. На мой вопрос, почему в Челыше-

---

116 *Фридман М.И.* Винная монополия. Т. 2. Винная монополия в России. Пг., 1916. С. 532.

117 *Савич Н.В.* Воспоминания. СПб.; Дюссельдорф, 1993. С. 134.

118 Заявление 66 депутатов Государственной думы. 4 декабря 1907 г.: РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 2295. Л. 3.

119 Объяснительная записка к законопроекту об изменении некоторых статей Свода законов т. V относительно продажи спиртных напитков. 7 декабря 1907 г.: Там же. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 2295. Л. 8; Доклад Комиссии о мерах борьбы с пьянством... 1 марта 1908 г.: Там же. Л. 11–13.

ве можно было ожидать ненормального мышления, государь мне ответил, что мой предшественник... неоднократно отзывался о нем как о полупомешанном человеке, преследуемом навязчивыми идеями»[120]. На самом деле Челышев вряд ли был искренен в своих требованиях объявления алкоголя «ядом» и введения в России «сухого закона». Сам он, будучи владельцем торговых бань, весьма активно осуществлял в них продажу спиртного.

Проекты Думы сводились с сокращению водочной торговли и к предоставлению сельским обществам и городскому общественному управлению права закрывать винные лавки, находящиеся на их территории, а также на частновладельческих землях, и запрещать торговлю водкой в трактирах, которые заняли после 1885 г. место питейных заведений. Проект введения во внутренних губерниях России «гетеборгской системы» Дума отвергла как неосуществимый. Прелагалось также уменьшить крепость водки до 37°. На левых скамьях Думы к подобным проектам относились скептически, и эту часть нижней палаты по вполне понятным причинам поддерживало финансовое ведомство. Выработанный этим ведомством собственный «антиалкогольный» проект практически явился обструкцией указанных выше предложений Думы. В частности, в проекте Министерства финансов указывалось, что предоставление сельским обществам права закрывать винные лавки и запрещать виноторговлю в трактирах лишь усилит корчемство как не в пример более выгодную для торговцев форму продажи водки. Министерство финансов не исключало даже такой возможности, что подобные запретительные приговоры сельских обществ будут инициироваться самими виноторговцами. Кроме того, отмечали в Министерстве финансов, при стеснении казенной продажи возрастет употребление водочных суррогатов. Выводы, сделанные в министерском проекте, были в общем малоутешительными: «Русский крестьянин по своей некультурности не сознает вреда и безнравственности алкоголизма и по отсутствию каких-либо духовных интересов всю отраду своей трудовой, однообразной и несытой жизни видит в вине, дающем забвение невеселой действительности». Успех борьбы с алкоголизмом виделся министерству на пути повышения «культурного уровня» народа, однако каких-либо конкретных предложений в министерском проекте не содержалось. Таким образом, Министерство финансов нашло себе в Думе союзника в лице ее финансового комитета, который поддерживал ведомственную позицию. Тем не менее законопроект, позволявший сельским сходам и городскому общественному управлению закрывать винные лавки и запрещать продажу водки, был 9 декабря 1911 г. одобрен Думой и передан на рассмотрение верхней палаты.

2 апреля 1913 г. министр внутренних дел Н.А. Маклаков представил в Государственный совет законопроект о передаче управления делами и учреждениями, ведающими попечением о народной трезвости, из Министерства финансов в свое ведомство. Для этого при Главном управлении по делам местного хозяйства должно было быть образовано Особое присутствие по народному здравию и общественному призрению[121].

Н.А. Маклаков, как отмечалось выше, был в это время участником интриги против премьер-министра, с которой известный думский деятель Н.В. Савич связывал проекты отмены винной монополии. Эти проекты параллельно с думскими предложениями зарождались в среде придворной камарильи и у некоторых представителей бюрократии. Савич вспоминал, что против Коковцова «уже давно шла глухая борьба, вели подкоп приближенные императрицы. Но убедить государя расстаться с этим верным слугой трона... было трудно. Чтобы сломить это сопротивление, воспользовались “пьяным вопросом”. Прежде всего подготовили госу-

[120] *Савич Н.В.* Воспоминания. С. 134–135; *Барк П.Л.* Воспоминания // Возрождение. 1965. № 158. С. 83–84.

[121] Представление Н.А. Маклакова в Государственный совет. 2 апреля 1913 г.: РГИА. Ф. 1242. Оп. 1. Д. 1. Л. 22 об.

даря к мысли, что запрещение продажи вина есть священная задача его царствования... Его убедили, что он спасет свой народ... если раз навсегда запретит продажу вина... В то время государь уже начал впадать в некоторый мистицизм, эта идея ему понравилась»[122].

В.Н. Коковцов впоследствии вспоминал, что перед роспуском Думы на рождественские каникулы 1913 г. в верхнюю палату из Думы поступил разработанный по инициативе самой нижней палаты, но «сильно исправленный» Министерством финансов, «довольно невинный» законопроект о борьбе с пьянством. Впоследствии к разработке параллельного законопроекта приступил С.Ю. Витте, который, по словам Коковцова, считал думский проект «бесцельным» и «ублюдочным». Тогда Витте будто бы припугнул Коковцова тем, что «личное положение» министра финансов может «сильно пострадать», если он будет «цепляться» за винную монополию. Коковцов же, в свою очередь, был удивлен подобного рода намеками и возразил указанием на то, что «Россия занимает чуть ли не последнее место среди всех государств по потреблению алкоголя».

Прения по думскому законопроекту должны были начаться 4 декабря 1913 г., однако член Государственного совета А.Б. Нейдгарт стал настаивать на перенесении слушаний на январь 1914 г. в связи с тем, что члены Государственного совета-земцы должны будут в декабре отбыть в свои губернии и присутствовать там на сессиях земских собраний, в то время как закон о продаже крепких напитков «затрагивает многие земские начинания». К Нейдгарту присоединился В.И. Гурко. Противником перенесения прений выступил С.Ю. Витте, который подчеркнул, что дело «началось 7 лет тому назад в Государственной думе, следовательно волочится уже 7 лет». К тому же, считал Витте, законопроект и так не войдет в силу ранее чем в 1915 г. Земцы же, избранные в Государственный совет, полагал бывший премьер, на земских сессиях «могут и не присутствовать». Тем не менее Государственный совет отложил рассмотрение законопроекта до 10 января 1914 г. Царь, возвратясь из Ливадии во второй половине декабря, будто бы поддержал Коковцова в его полемике с председателем Комитета финансов. Однако Витте нашел себе союзников в лице В.И. Гурко, своего всегдашнего критика в бытность управления Министерством финансов, и А.Ф. Кони, постоянного противника винной монополии. Впрочем, рассматривая стенограммы Государственного совета, можно усомниться в указании Коковцова на то, что Гурко был в этом деле последовательным сторонником взглядов Витте.

Докладчиком по законопроекту выступал в Государственном совете А.Д. Зиновьев. Он обратил внимание палаты на то, что если Дума в своем законопроекте идет по пути «стеснения вообще потребления крепких напитков», то финансовая комиссия Государственного совета, в которой думский законопроект был переделан, — по пути «всесторонне согласованных мероприятий... не против потребления крепких напитков, а против злоупотребления ими». На первом же заседании Витте произнес свою, по позднейшему определению Коковцова, «митинговую» речь. Витте уверял, что винная монополия была в свое время введена «исключительно для борьбы с неумеренным потреблением народом водки», что «цель реформы была не питейное хозяйство, а уменьшение... пьянства». Картина, считал Витте, стала изменяться с началом русско-японской войны, когда «цель реформы... отошла на задний план, а на первый выступило выкачивание из народа посредством питейной монополии денег в казну». На замечания Министерства финансов о том, что с пьянством необходимо бороться не запретительными мерами, а «увеличением культуры... народа», Витте возразил, сравнив бюджеты винной монополии и Министерства просвещения, рост бюджета последнего, по его подсчетам, составил

---

[122] *Савич Н.В.* Воспоминания. С. 136.

менее 1/3 увеличения поступлений от винной монополии. Питейные доходы, считал Витте, лежат в основании и бездефицитного ординарного бюджета — предмета особой гордости министра финансов. Витте предлагал ограничить питейный доход суммой в 700–900 млн руб., а поступающие излишки обращать исключительно на мероприятия по борьбе с пьянством, в частности передать земствам. Уменьшение бюджетных поступлений, по его мнению, можно было бы компенсировать за счет увеличения налогов и выпуска государственных займов. На сам же думский законопроект, как и на представленную финансовой комиссией верхней палаты его модификацию, Витте возлагал мало надежд, расценивая их как «покушение с негодными средствами». Для обуздания «бюджетного Мефистофеля» он требовал «чрезвычайных мер». В речи Витте, кроме всего прочего, вскользь прозвучало немаловажное замечание, что он готов предлагаемые им меры «лично завтра... привести... в исполнение».

В ответ Коковцов не без сарказма заметил, что помыслы Витте, вводившего винную монополию, «известны одному Господу Богу». Что же касается «выколачивания средств из народного кармана», то действующий министр финансов напомнил бывшему главе этого ведомства, как тот поднял в 1900 г. цену на водку на 60 коп. за ведро с целью покрыть расходы по подавлению боксерского восстания. Сам же он, Коковцов, увеличивал цены на водку в два приема, в 1905 и 1908 гг., каждый раз на 40 коп. за ведро. Отвечая на обвинения в том, что Министерство финансов под его управлением закрывает глаза на корчемство, Коковцов привел статистику, согласно которой в 1903 г. было открыто 20 304 случая тайной продажи спиртных напитков, а в 1912 г. — 46 995 случаев, при том, что штаты акцизного контроля с тех пор увеличены не были. Относительно предложения Витте зафиксировать питейный доход, Коковцов признался, что «этой мысли, откровенно говоря, просто себе не усвоил». Коковцов подчеркивал также то, что увеличение питейного дохода происходило не только за счет роста цен на водку, но и за счет удешевления ее производства и роста численности населения. Обвинения в повышении цен на водку министр финансов обратил против самого Витте, заметив, что оно проходило в основном в те годы, когда он управлял финансовым ведомством[123]. По позднейшим заверениям Коковцова, содержащимся в его воспоминаниях, «общее сочувствие было на моей (т. е. Коковцова. — *С.Б.*) стороне». В своих мемуарах он писал, что «если когда-нибудь стенограммы Государственного совета по этим... заседаниям... увидят свет божий, то я твердо уверен в том, что правдивость моего рассказа будет ясна до очевидности». Не видел «большой пользы» антиалкогольного проекта и И.Х. Озеров. Он полагал, что предложение Витте зафиксировать питейный доход — «одни слова». Противоположную позицию занимали члены правой фракции Государственного совета. Они поддерживали «решительный» думский законопроект в противоположность тому, который был представлен на рассмотрение верхней палаты А.Д. Зиновьевым. Впрочем, в том же направлении двигалась и палата в целом, проголосовав против поправки В.И. Гурко распространить запретительные меры только на водку, не включая в них пиво и виноградное вино.

На ходившие в «обществе» слухи о том, что царь якобы поддерживает позицию Витте по вопросу борьбы с пьянством, жаловался Коковцову сам председатель Государственного совета М.Г. Акимов. 19 января 1914 г. Коковцов и Акимов обратились к царю с письмом, прося дать им аудиенцию. В письме возможная отмена винной монополии связывалась с опасностью «в корне подорвать наше финансовое положение и лишить государство всякой

[123] См.: *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 1999. С. 371–372.

возможности удовлетворять его многообразные потребности, не исключая и государственной обороны». Витте же обвинялся в том, что он желает «разрушить то, что стоит до сих пор твердо, — наши финансы». Об основании этой «твердости» в письме благоразумно умалчивалось. Аудиенция состоялась 21 января. Акимов обратил внимание царя на то, что Витте действует, прикрываясь якобы оказываемой ему «с высоты престола» поддержкой. Тогда же речь будто бы зашла и о новом кандидате в министры финансов П.Л. Барке, которого Акимов назвал «мелким жуликом»[124]. Коковцов заметил также, что покровитель Барка и всегдашний противник земства Витте вдруг стал требовать передачи земствам, по прусскому примеру, излишков от питейного дохода и вследствие того уменьшения поступлений в казну, чего, разумеется, Коковцов никак не мог перенести. Сам Коковцов обращал внимание царя на то, что «никакие искусственные меры трезвости не достигнут цели и приведут только к тайной продаже вина». Ко всем доводам Коковцова царь, как отмечал сам министр финансов, был уже, по прошествии месяца, «почти безучастен». На обратном пути Акимов «открыл глаза» министру финансов, внушая, что «вся эта кампания трезвости ведется Мещерским, главным образом потому, что ему известно, что на эту тему постоянно твердит в Царском Селе Распутин и на этом строит свои расчеты и Витте, у которого имеются свои отношения к этому человеку (т. е. Распутину. — *С.Б.*)»[125].

Поправка Витте о фиксации питейного дохода, поддержанная 39 членами верхней палаты, была передана на рассмотрение ее финансовой комиссии, которая полностью разделила мнение противника Витте, действующего министра финансов, указав на то, что «финансовая наука и практика всех стран в мире никогда не знала понятия фиксации доходов казны из какого бы то ни было источника», что ограничение дохода «противоречит самой сущности понятия о налоге». Относительно эффективности борьбы мер с пьянством, на которое должны были отходить излишки фиксированного питейного дохода, финансовая комиссия высказала сомнение. Не без иронии она предполагала возможность создания на эти излишки особого «ведомства борьбы с пьянством, обеспеченного вперед ежегодным возрастанием его кредитов на небывалую сумму». Однако Витте не отказался от своего предложения, и здесь его поддержал В.И. Гурко, который в отличие от Витте был пессимистом в отношении возможной компенсации потери питейных доходов за счет дополнительного налогообложения. Гурко считал, что «лишь жестокая необходимость заставит законодательные учреждения вотировать какие бы то ни было новые налоги». На необязательность для борьбы с пьянством создания особого «ведомства» указал А.В. Васильев, полагая, что поступления сверх фиксированного питейного дохода могут быть переданы земствам или использованы для компенсации уменьшения некоторых акцизов. И.Х. Озеров обратил внимание, что Витте предлагает фиксировать валовый доход от монополии, не учитывать доход чистый, который может колебаться в зависимости от различных обстоятельств. Зафиксировать же чистый доход Озеров считал нецелесообразным, поскольку у акцизного ведомства, уверенного в определенной, заранее оговоренной сумме поступлений не будет стимула к экономному ведению питейного хозяйства. Озеров предлагал, со своей стороны, отчислять на борьбу с пьянством известный процент от чистого питейного дохода.

---

[124] В.В. Мусин-Пушкин — И.И. Воронцову-Дашкову. 18 февраля 1914 г.// Красный архив. 1933. Т. 6 (61). С. 132. Уже после назначения Барка на министерский пост 31 января 1914 г. И.И. Толстой записал в воем дневнике: «Акимов... весьма скептически относится к новому министру финансов...» (*Толстой И.И.* Дневник 1906–1916. СПб., 1997. С. 484).

[125] *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. Кн. 2. М., 1992. С. 214–222.

Между тем начало обсуждения в Государственном совете «питейного» вопроса и негативный отзыв финансовой комиссии палаты о поправке Витте разделило важное событие — отставка Коковцова со всех его постов и создание нового правительства. 4 февраля 1914 г. Витте, в очередной раз выступая в верхней палате с разъяснением своей позиции по поводу фиксации питейного дохода, заявил, что «в эту неделю положение дел совершенно изменилось» и что «нам представят закон гораздо более решительный». Теперь Витте отстаивал свою поправку с меньшим, нежели ранее, рвением, говоря, что «неделю тому назад... был бы немного огорчен, если бы фиксация доходов не прошла», теперь же он относится к этому «совершенно безразлично». Витте пытался также подсказать новому правительству и министру финансов «меры... не законодательные, а административные». В результате поправка Витте была отклонена 102 голосами против 21.

Дискуссию в Государственном совете вызвало предложение Думы понизить крепость водки сначала до 37°, а потом постепенно до 30°. Между тем Законом от 19 апреля 1906 г. максимальная цена градуса спирта была установлена в 21 коп., а максимальная цена ведра водки в 8 руб. 40 коп. Понижение крепости водки без увеличения ее цены поощрило бы, таким образом, самодельное изготовление водки путем разбавления спирта водой (такая водка имела бы себестоимость 7 руб. 77 коп., а продавалась бы по «указной» цене). Отсюда возникли проекты увеличения цены на 37-градусную водку, против которых выступил, в частности, Витте, считая увеличение цены дополнительным налогом. В результате 26 февраля 1914 г. в Думу был передан исправленный законопроект. Верхняя палата отвергла проект предоставления сельским сходам и городским общественным властям права запрещать виноторговлю на частновладельческих землях, усмотрев в этом покушение на частную собственность. В остальном думский законопроект не претерпел каких-либо особенных изменений. Дума, сессия которой закончилась 14 июня 1914 г., переданный верхней палатой законопроект рассмотреть не успела[126].

Новый министр финансов П.Л. Барк 24 февраля 1914 г. писал А.В. Кривошеину: «Когда законопроект о борьбе с пьянством вернется в Гос[ударственную] думу, было бы, быть может, не лишнее мое выступление в Общем собрании с совершенно кратким указанием только главных разногласий и с краткой просьбой принять редакцию Гос[ударственного] совета, так как этот закон должен быть фундаментом, который необходимо заложить теперь же, без него дальнейшие мероприятия будут сразу затруднены и без поддержки законодательных учреждений прав[ительство] будет поставлено в неблагоприятные условия».[127] Впоследствии Барк вспоминал, что предлагал в начале своего управления Министерством финансов «закрывать питейные учреждения и открывать вместо них сберегательные кассы»[128]. Барк не мог не знать, что изъятые из сберегательных касс средства после 1905 г., в связи с известным призывом, поступили затем в кассы винной монополии. 11 марта 1914 г. новый глава финансового ведомства выпустил циркуляр управляющим акцизными сборами, в котором со ссылкой на рескрипт 30 января 1914 г. предписывалось «относиться с полною благожелательностью к ходатайствам сельских обществ о закрытии или недопущении торговли крепкими напитками». В циркуляре содержалось также указание на скорое прохождение через законодательные палаты законопроекта о борьбе с пьянством. Управляющим акцизными сборами предписывалось поощрять за счет казенных средств тех продавцов винных лавок и

---

[126] См.: Государственный совет: Стенографические отчеты. 1913–1914 гг. Сессия IX. Пг.,1914. Стб. 217–1214, 1326–1329; *Фридман М.И.* Винная монополия. Т. 2. Винная монополия в России. С. 532–586.

[127] П.Л. Барк — А.В. Кривошеину. 24 февраля 1914 г.: РГИА. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 252. Л. 5–6.

[128] *Барк П.Л.* Воспоминания // Возрождение. 1965. № 158. С. 78.

частных лиц, которые «отличились» в раскрытии корчемства. Тем же циркуляром Главное управление неокладных сборов и казенной продажи питей наделялось полномочием просить на искоренение корчемства дополнительные кредиты[129]. Соответствующий циркуляр Министерства внутренних дел вменял в обязанность земским начальникам усилить контроль над должностными лицами крестьянского общественного управления, которым, в свою очередь, вменялось в обязанность не допускать корчемства и «бесчинств», связанных с пьянством.

Заседания Междуведомственного совещания, созданного для выработки мер по утверждению трезвости в стране, проходили 30 апреля и 2–5 мая 1914 г. под председательством начальника Главного управления неокладных сборов С.С. Хрипунова. В него вошли представители министерств: финансов, внутренних дел, юстиции, торговли и промышленности, путей сообщения. Совещание рассматривало вопросы сокращения числа мест и времени торговли крепкими напитками, прекращения торговли ими вблизи мест дислокации войск, уменьшения комиссионного вознаграждения от казны за продажу водки, усиления состава чинов акцизного надзора и т.д.[130]

14 мая 1914 г. Государственный совет одобрил законопроект, внесенный Н.А. Маклаковым более года тому назад, о передаче заведования делами и учреждениями попечения о народной трезвости из Министерства финансов в Министерство внутренних дел, хотя тогда этот законопроект был инструментом борьбы против Коковцова, а теперь надобность в нем отпала. Законопроект предусматривал передачу на местах попечения о народной трезвости земским и городским органам общественного управления, которое должно было отныне распространять в народе «здравые понятия о вреде потребления крепких напитков», устраивать лечебницы, дома трудолюбия, а также способствовать истреблению тайного винокурения. В неземских губерниях соответствующие обязанности должны были возлагаться на губернские коронные власти[131].

19 мая 1914 г. министр финансов выступил с новым циркуляром, по которому, в соответствии с рекомендациями Совещания под председательством С.С. Хрипунова, вознаграждение от казны содержателям питейных заведений за продажу казенного спирта и водки по установленным казной ценам сокращалось. Циркуляр от 8 июля 1914 г. предписывал управляющим акцизными сборами закрывать винные лавки сразу же после соответствующих приговоров сельских обществ, «не считаясь с договорами о найме помещений». 22 мая 1914 г. вышел приказ военного министра, озаглавленный «Меры против потребления спиртных напитков в армии», предоставивший офицерским обществам право принимать постановления о прекращении продажи спиртных напитков в офицерских собраниях. Отныне офицерским экономическим обществам запрещалось производить торговлю крепкими напитками. Полностью запрещалось употребление крепких напитков нижними чинами.

Для организации «положительных мероприятий», призванных отвлечь народ от «порока», Барк предлагал царю образовать «специальный комитет, возглавляемый наиболее выдающимися и известными членами Государственного совета для выработки разумного плана». В председатели этого комитета Барк предлагал А.П. Ольденбургского или С.Ю. Витте, который, по словам министра финансов, «не был доволен той праздностью, на которую он был обречен как член Государственного совета, участвовавший лишь в общих собраниях».

---

[129] Правительственный вестник. 1914. 12 марта.

[130] Журнал Совещания при Главном управлении неокладных сборов и казенной продажи питей о мерах к утверждению трезвости. 30 апреля, 2–5 мая 1914 г.: РГИА. Ф. 575. Оп. 6. Д. 857. Л. 26–42.

[131] Представление Н.А. Маклакова в Государственный совет. 2 апреля 1913 г.: Там же. Ф. 1242. Оп. 1. Д. 1. Л. 22 об.

Однако И.Л. Горемыкин, «очень сдержанный относительно запрета вина», не будучи «оптимистом по этому вопросу», заметил министру финансов, что царь едва ли согласится на назначение Витте председателем такого комитета, сама идея которого была похоронена[132].

28 июля 1914 г. П.Л. Барк представил на рассмотрение Совета министров проект повышения на основании Закона от 27 июля 1914 г. (см. главу V), цен на водку до 12 руб. 80 коп. за ведро, на спирт — до 32 коп. за градус, на столовое вино — до 16 руб. 80 коп. за ведро. Совет министров утвердил это представление 30 июля[133].

С началом мобилизации на весь ее период автоматически закрывались все казенные винные лавки. На вопрос царя о возможности совершенного прекращения винной монополии, Барк, по его собственным словам, ответил, что программа замены доходов от продажи водки другими поступлениями рассчитана на много лет, а «внезапная убыль государственных доходов в размере одного миллиарда рублей отразится очень серьезным образом при сведении бюджета». Здесь Барк обратил внимание царя на проект Н.А. Демчинского[134] (известного сотрудника Витте), предлагавшего заменить доходы от казенной продажи водки повышением железнодорожного тарифа, что могло бы покрыть недобор доходов примерно наполовину[135].

На заседании 9 августа 1914 г. Совет министров постановил продлить запрет на продажу крепких напитков до 1 сентября 1914 г. Особым высочайшим повелением 22 августа продажа водки была запрещена до конца войны, а запрет на продажу пива и портера должен был действовать до 1 октября 1914 г. Вопрос о понижении крепости водки до 37% Совет министров рассматривал 16 и 29 августа 1914 г., однако при представлении соответствующего журнала на высочайшее утверждение царь 10 сентября наложил следующую резолюцию: «Делу этому не давать хода ввиду того, что я предрешил казенную продажу вина (водки) воспретить навсегда»[136]. По словам царя, в передаче их Барком, «ходатайства крестьян о запрещении продажи водки навсегда произвели на него (царя. — *С.Б.*) такое глубокое впечатление и благодетельные последствия закрытия питейных лавок [во время мобилизации] сказались так ярко в короткий промежуток времени, что он твердо решил не возобновлять казенной продажи питей, депутатам же от крестьян обещал, что продажа водки не будет производиться во время войны, а посему в правительственном объявлении, во всяком случае, должен быть указан этот последний срок»[137].

В сентябре 1914 г. под председательством С.С. Хрипунова было образовано Совещание для рассмотрения «питейного» вопроса. В него вошли чины все тех же министерств: финансов, внутренних дел, юстиции, торговли и промышленности, путей сообщения. Совещание постановило не запрещать продажу крепких напитков в ресторанах первого разряда и буфетах при клубах, поскольку они «малодоступны широким слоям населения», оговорившись при этом, что «население» будет иметь право полностью прекращать продажу спиртных напитков в той или иной местности. Совещание полагало распространить до окончания войны запрет на продажу пива и портера, не возмещая ущерба пивоваренным заводам, возможный ущерб от этого оценивался примерно в 20 млн руб. Против подобного запрета вы-

---

[132] *Барк П.Л.* Воспоминания // Возрождение. 1965. № 158. С. 87–88.

[133] Представление П.Л. Барка в Совет министров. 28 июля 1914 г.: РГИА. Ф. 1276. Оп. 10. Д. 232. Л. 6–6 об.; Особый журнал Совета министров. 30 июля 1914 г.: Там же. Л. 7–9.

[134] См.: *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* С.Ю. Витте-мемуарист. СПб., 1994. С. 32.

[135] *Барк П.Л.* Воспоминания // Возрождение. 1965. № 158. С. 79.

[136] Представление П.Л. Барка в Совет министров. 27 сентября 1914 г.: РГИА. Ф. 1276. Оп. 10. Д. 281. Л. 4 об.

[137] *Барк П.Л.* Воспоминания // Возрождение. 1965. № 158. С. 81.

сказались только представители Министерства торговли и промышленности. При обсуждении вопроса в Совете министров 25 сентября 1914 г. все министры, в том числе и Барк, поддержали идею о разрешении продажи пива и портера после 1 октября. Против выступили только Маклаков и Саблер. Царь утвердил мнение большинства[138].

Еще ранее, в августе 1914 г., в Совете министров рассматривался вопрос о средствах покрытия убытков от отмены винной монополии. Барк напомнил тогда своим коллегам о проекте Н.А. Демчинского компенсировать данный убыток за счет повышения железнодорожных тарифов, что якобы могло покрыть недостачу примерно наполовину. Отчасти это отразилось на проектах введения «железнодорожного» налога в октябре 1914 г.

Барк писал в своих воспоминаниях, что «решение, принятое государем в области питейного дела, произвело ошеломляющее впечатление за границей. Вначале многие не хотели верить появившимся в печати сведениям, что Россия, во время тягчайшей войны... отказалась от главного источника своего бюджета... Из самых отдаленных частей света, как например из Австралии, стали поступать ко мне запросы, действительно ли мне удалось осуществить на деле закрытие питейных заведений... Особенный интерес к этому вопросу проявили общественные круги Соединенных Штатов и государственные деятели в Англии. Во время моих трех поездок в Париж и Лондон, в течение 1915 и 1916 гг., мне приходилось давать подробные ответы на целый ряд вопросов, которые мне задавались журналистами, общественными деятелями и членами правительств союзных и нейтральных стран по поводу осуществления у нас питейной реформы». Барк приводил слова Ллойд-Джорджа из его речи, произнесенной в парламенте, о том, что «одним росчерком пера Россия в начале войны необычайно увеличила свои ресурсы, прекратив продажу спиртных напитков. Трудно себе представить, что благодаря этому она увеличила свою продуктивность на 30 и даже на 50 процентов, как будто бы прибавился целый миллион рабочих рук к ранее существовавшим и это без увеличения расходов на их содержание. Каковы бы ни были разрушения в стране в связи с войною, Россия более чем предупредила урон от них...». Сам же Ллойд-Джордж будто бы признавался Барку в том, что «не имеет никакой надежды провести через палату общин какие-либо решительные мероприятия для сокращения потребления спиртных напитков и может лишь ограничиться самыми скромными попытками в деле борьбы с этим губительным народным злом»[139].

Иначе, чем Барк и Ллойд-Джордж, смотрели на проблему представители русских деловых кругов. 28 октября 1914 г. председатель Совета съездов представителей промышленности и торговли Н.С.Авдаков писал государственному контролеру П.А. Харитонову, что «скачок от потребления ста миллионов ведер сорокоградусной водки к потреблению воды и кваса слишком велик» и что «народные привычки будут искать себе выхода». В этом смысле Авдаков предлагал бороться с водкой при помощи пива крепостью до 3,7°, тогда как к этому времени торговать пивом становилось возможным лишь в некоторых городах при полном запрете торговли им в сельской местности. Производителям пива и смежным с ними отраслям промышленности грозило разорение, что и вызвало обращение председателя Совета съездов представителей промышленности и торговли в Государственный контроль[140].

---

[138] Журнал Совещания о согласовании действующих в области продажи крепких напитков постановлений. 13, 16 сентября 1914 г.: РГИА. Ф. 1276. Оп. 10. Д. 251. Л. 23–29; Журнал Совета министров. 25 сентября 1914 г.: Там же. Оп. 20. Д. 75. Л. 88–94 об.

[139] *Барк П.Л.* Воспоминания // Там же. С. 81–82.

[140] Н.С. Авдаков — П.А. Харитонову. 28 октября 1914 г.: РГИА. Ф. 1276. Оп. 10. Д. 160. Л. 57–61. Следует отметить, что до войны доходность акций водочных заводов была весьма высока. Так, сторублевая акция Общест-

Между тем число ходатайств о прекращении торговли крепкими напитками, удовлетворенных в 1914 г., было весьма невелико (см. табл. 36).

12 декабря 1914 г. министр торговли и промышленности С.И. Тимашев представил в Совет министров записку, в которой обращалось внимание на «сокращение и даже полное прекращение производств, занимающихся приготовлением спиртных напитков». В связи с этим в торгово-промышленное ведомство поступали многочисленные жалобы производителей спирта и виноторговцев на «особо стеснительную неопределенность» своего положения. Для рассмотрения вопроса о будущем этих предприятий Совет министров постановил 19 декабря 1914 г. образовать особую комиссию[141]. Вновь к вопросу о винокуренной промышленности Совет министров обратился в марте 1915 г. Тогда Совет постановил, чтобы министр финансов вошел в «подробное соображение вопроса о будущем» этой отрасли. В апреле 1916 г. Совет Всероссийской сельскохозяйственной палаты направил Б.В. Штюрмеру резолюцию по докладу А.Д. Голицына «О положении сельского хозяйства в связи с сокращением винокурения». В резолюции констатировалась тесная связь винокурения и производства многих сельскохозяйственных культур и то, что отмена винной монополии грозит «омертвением громадного народного хозяйства и расстройством связанного с ним культурного (т. е. помещичьего. — *С.Б.*) сельского хозяйства»[142]. В апреле 1916 г. на имя председателя Совета министров поступила записка курского помещика К.Г. Баньковского «по вопросу о трезвости». Сожалея об уничтожении винокурения — «одной из завидных отраслей промышленности помещичьих хозяйств», и об уроне, нанесенном этим скотоводству, которое лишилось дешевых кормов (до войны при винокуренных заводах откармливалось до 1 млн голов скота), курский помещик вместе с тем обращал внимание главы правительства на сокращение после отмены винной монополии базарной торговли и, как следствие этого, на рост цен на продукты сельского хозяйства. Баньковский указывал также на «непомерное обогащение» крестьянского населения, сопровождавшее этот рост цен (автор записки приводил фразу, приписываемую В.К. Плеве: «Накорми русского крестьянина досыта, и он всех задушит»), а также на самогоноварение, которое вполне заменило в деревнях казенную водку[143]. Только в августе 1916 г. П.Л. Барк представил в Совет министров законопроект о казенных ссудах, которые должны были предоставляться владельцам винокуренных заводов для «перехода к другим видам промышленности». Казна отпускала на эти цели, по смете Главного управления неокладных сборов, примерно 50 млн руб. Предполагалось выдавать беспроцентные ссуды, причем каждая не могла превышать 40% стоимости винокуренного завода, под залог которого она выдавалась. Решения о выдаче ссуд должны были приниматься особыми уездными комиссиями под председательством местных предводителей дворянства или лиц, назначенных министром финансов. Погашение ссуд должно было начинаться по истечении пяти лет со времени их предоставления и осуществляться в течение десяти лет. Совет министров одобрил 26 августа 1916 г. законопроект, который,

---

ва водочного завода Бекман и К° стоила в 1913 г. на Петербургской бирже 145 руб., такие же акции водочного завода Келлер и К° котировались по 155 руб. (Русские биржевые ценности 1914–15 г. Пг., 1915. С. 320–321).

[141] Представление С.И. Тимашева в Совет министров. 19 декабря 1914 г.: РГИА. Ф. 1276. Оп. 10. Д. 327. Л. 2–8; Особый журнал Совета министров. 19 декабря 1914 г.: Там же. Л. 9–13.

[142] Всероссийская сельскохозяйственная палата — Б.В. Штюрмеру. 4 апреля 1916 г.: Там же. Оп. 12. Д. 1025. Л. 3.

[143] Записка К.Г. Баньковского. 16 апреля 1916 г.: Там же. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 1154. Л. 75–81. Распространение в деревнях самогоноварения признавалось даже в апологетической литературе, посвященной «светлому празднику трезвости» (см.: *Воронов Д.Н.* Жизнь деревни в дни трезвости (по данным земских и других анкет). Пг., 1916. С. 51).

однако, не был проведен по ст. 87 Основных законов, а представлен на рассмотрение палат[144].

Промышленные предприятия, связанные с изготовлением алкогольных напитков, переоборудовали свое производство, не дожидаясь казенных ссуд. Например, ходатайствуя в феврале 1915 г. об изменении своего устава, Товарищество Одесского пивоваренного завода указывало, что в связи с «неопределенным положением пивоваренной промышленности» правление решило «приложить все усилия к возможному развитию» тех производств, которые ранее считались подсобными, а именно к изготовлению консервов, патоки, крупы, химических и косметических товаров[145].

Министерство финансов, в свою очередь, несмотря на все протесты, продолжало в «питейном вопросе» придерживаться политики, избранной в 1914 г. В своем представлении в Думу от 18 марта 1915 г. П.Л. Барк писал, что согласно действующим законам правительство могло безотлагательно закрывать лишь казенные винные лавки, закрытие же частных винных лавок могло производиться только по истечении трехлетнего срока после предоставления их владельцам соответствующих разрешений на питейную торговлю. У большинства владельцев срок этот истекал только в 1916 г. Министр финансов предлагал задним числом ограничить данный срок одним годом с возмещением владельцам лавок платежей, внесенных ими за право торговли. Таким образом, закон представленный для одобрения Думы, получал обратную силу[146].

При всем этом само Министерство финансов вынуждено было признать скромность успехов в борьбе за народное отрезвление. Так, 15 мая 1915 г. в своем отношении к управляющему акцизными сборами Московской губернии К.Р. Адамовичу начальник Главного управления неокладных сборов С.С. Хрипунов отмечал, что «наряду с достигнутыми осязательными результатами в деле утверждения трезвости» возросло употребление денатурированного спирта и тайное винокурение. Для пресечения этого «зла» чинам акцизного надзора предписывалось внимательно наблюдать «над местной жизнью» и не пренебрегать «содействием... отдельных лиц, преследующих задачи трезвости»[147]. Отставной министр финансов Коковцов также не терял надежды доказать ошибочность политики, проводимой в вопросе о монополии, и «попытаться смягчить ослабление в доходах, вызванное огульным воспрещением продажи крепких напитков, путем восстановления этой продажи, хотя бы в ограниченном объеме и с большим повышением цены, так как кажущееся благополучие от прекращения такой продажи основано на простом укрывательстве донесений акцизного надзора, который доносит Министерству финансов, что тайное винокурение, сделавшееся просто явным, приняло ужасающие размеры, а министерство боится даже показывать эти донесения своему министру Барку, настолько он раздражается при всяком упоминании о них и приказывает только писать резкие выговоры тем из управляющих, которые настаивают на необходимости отказаться от кажущегося отрезвления». Однако И.Л. Горемыкин, к которому были обращены эти слова Коковцова, отвечал, что «об этом нельзя говорить государю, который верит в благодетельность меры запрещения продажи водки... да и в Думе еще не прошел “угар трезвости”».

[144] Представление П.Л. Барка в Государственную думу. 19 сентября 1916 г.: РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 476. Л. 24–30.

[145] Представление Министерства торговли и промышленности в Совет министров. 20 февраля 1915 г.: Там же. Оп. 11. Д. 490. Л. 373.

[146] Представление П.Л. Барка в Государственную думу. 18 марта. 1915 г.: Там же. Ф. 1278. Оп. 7. Д. 127. Л. 3–5.

[147] С.С. Хрипунов — К.Р. Адамовичу. 15 мая 1915 г.: Там же. Ф. 575. Оп. 6. Д. 857. Л. 243.

Выйти из положения Горемыкин считал возможным покрыв недочет в бюджете путем эмиссии, не упуская возможности упрекнуть по этому поводу бывшего министра финансов, который оставил «такой денежный голод в стране, что такой выпуск только поможет несколько пополнить каналы денежного обращения». Сам Коковцов полагал, что подобная идея Горемыкину внушена Рухловым[148]. Впрочем, на местах запрету на продажу водки давались разноречивые оценки. 2 июля 1915 г. старший фабричный инспектор Ферганской области, чиновник торгово-промышленного ведомства, который в отличие от своих коллег из Министерства финансов мог высказывать свои суждения относительно независимо, сообщал в Туркестанскую казенную палату о том, что «прекращение продажи водки безусловно повлияло на неумеренное потребление ее», тем не менее «тайная торговля [крепкими] напитками продолжалась, но по цене в 6 раз большей... такая высокая плата была не по карману рабочим». Далее фабричный инспектор отмечал, что «денатурированный спирт... наблюдался мало», и полагал, что запрещение продажи водки «удержит рабочий, небогатый люд от пьянства»[149].

Политика в питейном вопросе получила международный резонанс и вызвала недовольство союзников. 28 января 1916 г. С.Д. Сазонов обращался к только что назначенному премьер-министром Б.В. Штюрмеру, указывая на то, что «французское правительство неоднократно выступало с протестами против действующих ныне в Империи мероприятий, связанных с ограничением торговли спиртными напитками», что «особенно тягостно ложится на многочисленных французских граждан, заинтересованных в виноделии и торговле вином». До этого Барк уже уведомлял французского посла Палеолога о том, что русское правительство «не может препятствовать инициативе земских и городских самоуправлений, направленной к предупреждению в течение войны чрезмерного потребления алкогольных напитков». Однако наряду с «инициативами» общественного самоуправления соответствующие решения принимались военными властями. Так, в декабре 1915 г. командующий Юго-Западным фронтом запретил в подведомственных ему местностях, в том числе в Одессе, торговлю виноградными винами. 19 февраля 1916 г. Совет министров рассматривал вопрос об импорте французского вина и постановил перенести его обсуждение на парижскую экономическую конференцию[150]. Впрочем, раздавались голоса, и министр финансов обращал на них внимание императора, о необходимости не только не ослаблять, но и ужесточать запрет на продажу водки, воспретив ее в ресторанах первого класса, откуда она де «может попадать в рестораны других разрядов, продаваться на сторону и проникать в части войск на передовые позиции»[151].

Война и связанные с нею частые перерывы в заседаниях Думы замедлили прохождение законопроекта о продаже водки через законодательные палаты. Н.В. Савич вспоминал, что

---

[148] *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания. 1903–1919 гг. Кн. 2. С. 329–330.

[149] Старший фабричный инспектор Ферганской обл. — Туркестанской казенной палате. 2 июля 1915 г.: РГИА. Ф. 573. Оп. 34. Д. 304. Л. 2–2 об. Исследователь винной монополии А. Мак-Ки отмечает, что «сухой закон косвенно способствовал инфляции... Вместо водки население стало тратить деньги на... другие... товары... Такое замещение продуктов потребления подстегнуло рост цен... промышленные товары после взлета на них цен в 1915 г. утратили привлекательность для крестьян... Зерно оставалось в деревне, и города страдали от нехватки хлеба». — *Мак-Ки Артур.* Сухой закон в годы первой мировой войны: причины, концепция и последствия введения сухого закона в России. 1914–1917 гг. // Россия и первая мировая война (Материалы международного коллоквиума). СПб., 1999. С. 155.

[150] С.Д. Сазонов — Б.В .Штюрмеру. 28 января 1916 г.: РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 259. Л. 6; Б.В. Штюрмер — С.Д. Сазонову. 27 февраля 1916 г.: Там же. Л. 1.

[151] Всеподданнейший доклад П.Л. Барка. 16 октября 1915 г.: Там же. Ф. 575. Оп. 6. Д. 21. Л. 69.

«когда Барк заговорил открыто о проведении законопроекта, имевшего целью ввести сухой режим навсегда, это известие было встречено сочувственно, особенно на левых скамьях. За эту меру были все левые, все наше духовенство, это уже составляло больше 40% Государственной думы. Наконец, очень много людей, еще недавно относившихся отрицательно к этой мере, теперь готовы были ее принять. Одни — потому, что считали себя обязанными поддержать меру, предложенную от имени государя и им явно патронируемую, другие — потому, что не хотели создавать конфликта с верховною властью в момент войны... Большинство депутатов центра махнуло рукой, решило, что создавать конфликт с короной по этому поводу невозможно, что это помешало бы успешному ведению войны». Даже Родзянко, с его скептическим отношением к отмене монополии, стал сторонником запрещения продажи крепких напитков. Савич писал, что «страстным защитником законопроекта вдруг оказался левый октябрист Годнев[152]... Как врач по профессии, он считал себя наиболее подготовленным для того, чтобы быть докладчиком по законопроекту, внесенному Барком, о воспрещении продажи и потребления вина. Под его редакторским пером законопроект принял крайние формы, принцип сухого режима доводился до предела, до абсурда. Противники не считали нужным бороться против этих крайностей, они говорили, что прохождение закона обеспечено, что мера эта настолько резко расходится с народной психологией и вековыми нравами населения, является таким ярким примером насилия правительственной власти, что долго она существовать не может... Таким образом, законопроект попал в общее собрание Государственной думы в редакции автора под титулом закона "О воспрещении пьянства навсегда"»[153]. Однако законодательно отмена винной монополии до Февральской революции так и не была оформлена, оставаясь лишь административным распоряжением.

Савич вспоминал, что «всюду началось пассивное сопротивление закону (т. е. постановлению о запрете продажи спиртных напитков. — *С.Б.*). Народ начал пить денатурат... В деревнях скоро начали гнать самогон, население отравлялось отвратительным пойлом, вредным для его здоровья и дававшим большой доход распространявшемуся шинкарству. Высшие классы тоже пили, находили возможность получать вина в любых количествах, только попойки стоили дороже. Нижние чины, лишенные обычной чарки вина, с завистью и негодованием смотрели на то, как начальство находило возможность выпить каждый раз, когда этого хотело... Лишенное привычного напитка население начало роптать — сперва, раздражаться — потом. Энергия, привыкшая находить выход в потреблении алкоголя, должна была направиться по другому направлению. Она и выливалась в усилении того общего недовольства и раздражения низов против верхов социальной лестницы, которые так ярко проявились в момент наступившего революционного движения»[154]. Таким образом, отмена винной монополии не оправдала надежд властей.

4. Введение подоходного налога

Введение в 1916 г. подоходного обложения стало последним крупным мероприятием царского правительства в налоговой области. Фактически оно завершило историю налого-

---

[152] П.Л. Барк вспоминал, что прохождение закона о запрещении спиртных напитков через палаты «устроил» начальник Главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей Хрипунов, который «вошел в контакт» с Годневым (*Барк П.Л.* Воспоминания // Возрождение. 1965. № 158. С. 89).

[153] *Савич Н.В.* Воспоминания. С. 137–138.

[154] Там же. С. 138. См. также: *Павлова Т.А.* Алкоголь и русская революция // Вопросы истории. 2000. № 7. С. 170–173.

обложения в Российской империи и поэтому заслуживает особого внимания. Принцип подоходного обложения был заимствован русским законодательством у Западной Европы, а его введение в России имело достаточно долгую и противоречивую историю, во многом схожую с историей введения этого вида обложения в западноевропейских странах и США. Данные обстоятельства нельзя оставить без внимания при рассмотрении проблемы.

Введенный в 1798 г. в Англии, в разгар коалиционных войн, подоходный налог имел чрезвычайный характер, вызвал всеобщее недовольство и в 1816 г., после победы над наполеоновской Францией, был отменен и вновь введен только в 1842 г. В 1853 г. вошел в силу Income Tax Act, в котором содержались списки объектов обложения. Таким образом, английский подоходный налог не являлся в полной мере личным, а сохранил многие черты реального налога, который взимался с различных видов принадлежащей налогоплательщику собственности. В соответствии с английским законодательством объекты взимания подоходного налога были разделены на пять категорий — «шедул»: А — земельная собственность, В — аренда земли, С — проценты с ценных бумаг, D — торговля, промышленность и «свободные профессии», Е — оклады жалования и заработная плата. Декларации о доходах подавались отдельно по каждой категории А, В и D. Общей декларации о доходах не существовало, как не существовало и определенной процентной ставки, по которой взимался налог. В своей диссертации об английском подоходном налоге И.Х. Озеров отмечал, что «понятия дохода, легшие в основу шедул, так отличны по содержанию, что даже трудно понять, как можно складывать эти величины, совершенно лишенные общего знаменателя»[155]. Ставка определялась на каждый год особо. Взимание налога по категориям С и Е осуществлялось простым вычитанием соответствующих сумм из уплачиваемых держателю ценных бумаг дивидендов или из жалования и заработной платы. Необлагаемый прожиточный минимум в Англии был определен в 160 ф. ст. Превышающие его доходы от земельной собственности облагались на основании оценки земель и торгово-промышленных доходов, которые производились каждые три года, а для горных промыслов — каждые пять лет. Прогрессивный характер английский подоходный налог приобрел только в 1909 г. При необлагаемом минимуме доходов в 160 ф. с. по минимальной ставке 3,5% облагались доходы до 400 ф. с. Далее ставка возрастала до 33% при доходах более 100 тыс. ф. ст.[156]

Большинство европейских стран не усвоили английского опыта и построили свое подоходное обложение на принципах единой декларации о доходах и прогрессивности обложения, к которой, впрочем, перешла накануне первой мировой войны и сама Англия. Наиболее характерным здесь является пример введения подоходного обложения в Пруссии, где личный сбор по 0,5 талера с каждого жителя, достигшего 12-летнего возраста, был введен уже в 1811 г. В 1820 г. в Пруссии вводится «разрядный налог», представлявший собой дополнение к промысловому и поземельному сборам. С 1851 г., при сохранении «разрядного» налога для доходов ниже 1 тыс. талеров, был введен новый 3-процентный сбор, которым облагались доходы выше указанной суммы. С 1873 г. все доходы подданных прусского короля, которые превышали 140 талеров, стали облагаться прогрессивным сбором по шкале от 0,6 до 7,2%. В 1883 г. порядок взимания налога был несколько изменен и распространен также на юридических лиц — акционерные общества и коммандитные товарищества. Законом от

---

[155] *Озеров И.* Подоходный налог в Англии. Экономические и общественные условия его существования. М., 1898. С. 191. См.: также: *Кулишер И.М.* Очерки финансовой науки. Вып. 2. Пг., 1920. С. 122–149; *Вербицкий А.И.* Основные формы подоходного обложения в их историческом развитии и система законодательства в подоходном налоге в России. Иркутск, 1916.

[156] См.: *Болдырев Г.И.* Подоходный налог на Западе и в России. Л., 1924. С. 50.

24 июня 1891 г. в Пруссии был введен общий подоходный налог, которым по прогрессивной шкале облагались доходы в размере, превышающем 900 марок. При сумме доходов в 100–105 тыс. марок налог взимался в размере 4 тыс. марок. При более высоких доходах каждые следующие 5 тыс. марок облагались дополнительно — в сумме 200 марок. При введении подоходного налога реальные налоги государство передало в ведение общин[157]. Проводя параллель между английской и прусской системами подоходного обложения, И.Х. Озеров отмечал, что в Пруссии налоговая декларация «связана с лицом, в Англии она связана с источником... В Пруссии декларируется весь доход, и декларации дают полную картину распределения богатства среди населения. В Англии сфера применения декларации несколько иная, и она нередко не дает представления об имущественном положении лица. Оттого в Пруссии возможно было ввести прогрессию, в Англии это трудно»[158].

Начало подоходному обложению в России было положено еще в первые десятилетия XIX в. Таким образом, история введения этого налога насчитывала в России более ста лет. «Процентный сбор с доходов от недвижимых имений» был установлен в России Манифестом 11 февраля 1812 г. и стал составной частью плана финансовых преобразований М.М. Сперанского, осуществленной в самый канун его отставки. Обложению новым налогом подлежали не только дворянские, но и удельные имения. Взимание этого сбора должно было основываться на декларировании плательщиками своих доходов. С не подавших декларации в сроки налог должен был взиматься в двойном размере. Доходы менее 500 руб. были объявлены необлагаемым минимумом. С доходов до 2 тыс. руб. взимался 1% налога, затем повышение доходов на каждые 2 тыс. руб. облагалось 1-процентным сбором. Налоги с дворян должны были взиматься дворянскими собраниями, а с недворян — губернскими властями. Если в 1813 г. процентного сбора поступило на сумму 1 224 239 руб., то в 1819 г. — всего на 639 900 руб. Указом от 12 декабря 1819 г. процентный сбор был отменен, а недоимки по нему сложены Манифестом от 22 августа 1826 г. Новые проекты подоходного обложения стали появляться в России лишь во второй половине 1850-х гг., с началом проведения в жизнь финансовых преобразований, что явились составной частью начатого тогда процесса реформ практически во всех сферах общественной жизни России. Эти проекты за период 1850-х — 1870-х гг. подробно и обстоятельно исследованы в монографии В.Г. Чернухи, посвященной внутренней политике царизма этого периода[159]. Одним из факторов финансовой реформы рубежа 1850-х — 1860-х гг. стало образование 10 июля 1959 г. Комиссии для пересмотра системы податей и сборов (Податной комиссии), в которой сразу же после ее учреждения обсуждался вопрос о всесословном подоходном обложении, к которому постепенно переходили все европейские державы, хотя в полном объеме оно существовало к этому времени только в Англии (введение подоходного налога в США в 1861 г. так же, как в свое время и в Англии, было связано с военными обстоятельствами, впоследствии он несколько раз отменялся и вводился вновь). Английская система, впрочем, податной

---

[157] *Мюллер О.* Подоходный налог по законодательствам различных государств. СПб., 1906; Законы некоторых иностранных государств о подоходном налоге. СПб., 1906; *Кулишер И.М.* Коммунальное обложение в Германии в его историческом развитии. Опыт изучения основных течений в развитии городских финансов. СПб., 1914. С. 404–418.

[158] *Озеров И.* Главнейшие течения в развитии прямого обложения в Германии в связи с экономическими и общественными условиями. СПб., 1899. С. 236–237. Впрочем, И.Х. Озеров писал свою работу, когда прогрессивный характер обложения доходов в Англии еще не получил распространения и «трудность» введения прогрессии, при английской системе взимания налога, еще не была преодолена.

[159] См.: *Чернуха В.Г.* Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. Л., 1978. С. 199–243.

комиссией была отвергнута как по экономическим (недостаточный для введения такого налога уровень благосостояния населения), так и по политическим причинам. Введение всеобщего подоходного обложения предусматривало крах дворянского податного иммунитета (а правительство опасалось в 1860-х гг. обложить налогом земли помещиков даже как стороны, наиболее «пострадавшей» в ходе крестьянской реформы) и возможность появления требований созвать народное представительство для контроля над бюджетными расходами. К тому же для правительства существовала опасность, что дворянство, в ответ на лишение его податного иммунитета, может перейти в стан «конституционалистов». В Податной комиссии полагали, что введение подоходного налога должно стать следствием целой серии налоговых, административных и судебных преобразований. Идея подоходного налога, кроме того, неоднократно выдвигалась П.А. Валуевым во время нахождения его на посту министра внутренних дел, хотя его проект и не был согласован с предложениями Податной комиссии. Подоходный налог выдвигался Валуевым в качестве альтернативы повышению уже существующих налогов, в частности подушной подати. В отличие от английского подоходного налога подоходный налог в проектах Валуева должен был вводиться не вместо, а в дополнение к существующим налогам. Этот принцип сохранялся в России и впоследствии. Вопрос о всесословном обложении активно обсуждался также в земских кругах в связи с обращением правительства к земцам по поводу проектов преобразования личных налогов в реальные. В своем абсолютном большинстве земства высказывались тогда за всесословное обложение. Обращение Министерства финансов к «общественности» по податным вопросам инициировало их обсуждение в прессе и на страницах публицистических сочинений. Впрочем, поддержка подоходного обложения отнюдь не всегда являлась признаком «прогрессивности» и, как отмечает В.Г. Чернуха, осуществлялась даже таким последовательным борцом с «конституционализмом», как издатель «Московских ведомостей». Однако М.Н. Катков рассматривал возможный отказ от податного иммунитета как «пожертвование» «благородного дворянства»[160]. Вопрос о возможности введения подоходного обложения не обошла своим вниманием и одна из валуевских комиссий, образованная в 1872 г.[161] При обсуждении результатов ее работы среди представителей высшей бюрократии возникла дискуссия о том, в чем состоит главная опасность для самодержавия — в ущемлении прав дворянства или в возможности обвинить власть в том, что она противится справедливому распределению налогового бремени. В результате все дело свелось к решению о проведении серии последовательных налоговых реформ, разнесенных во времени, что и было осуществлено на практике. Практика привлечения земств к обсуждению податных проблем была осуждена. К тому же проблема изыскания новых источников доходов не стояла в это время перед правительством особо остро, а бюджет на протяжении нескольких лет сводился без дефицита.

Вопрос о введении подоходного налога вновь возник перед русско-турецкой войной. Проекты подоходного налога появлялись как до, так и непосредственно после войны. Однако военные действия решено было финансировать за счет займов и эмиссии, что давало более скорый доход, а послевоенные финансовые трудности правительство начало разре-

[160] См.: *Кулишер И.М.* Очерки финансовой науки. Вып. 2. С. 194–208; *Чернуха В.Г.* Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. С. 227.

[161] См.: *Дружинин Н.М.* Помещичье хозяйство после реформы 1861 г. (По данным Валуевской комиссии) (1872–1873 гг.) // Исторические записки. Т. 89. М., 1972. С. 187–230.

шать, прибегая к понижению выкупных платежей и отменив подушную подать[162]. «Решение проблемы на этот раз было найдено в перераспределении налогов среди разных групп крестьянства, а не в расширении социальной базы налогоплательщиков», — пишет по этому поводу В.Г. Чернуха[163].

В 1878 г. в Податной комиссии был выработан проект так называемого «разрядного налога» по типу прусского, по которому обложению подлежал совокупный доход физических и юридических лиц. Основой взимания нового налога должны были служить сведения о доходах землевладельцев, на основании которых уплачивался поземельный налог, и владельцев городских имуществ — на основании уплачиваемых ими городских сборов. Основу для определения доходов торговцев и промышленников составлял размер платы за нанимаемые помещения, а для лиц «свободных профессий» — стоимость квартир. Оклад жалования служил критерием при взимании налога с лиц, состоявших на коронной и общественной службе.

Проект 1878 г. предусматривал отнесение всех плательщиков нового налога, в зависимости от получаемых ими доходов, к 25 разрядам. Оклады устанавливались от 60 коп. для первого разряда до 2 тыс. руб. для двадцать пятого, по которому облагались лица с годовым доходом от 60 до 80 тыс. руб. Для расчета налога при Министерстве финансов планировалось образовать особые «оценочные комиссии». Составители проекта полагали, что «разрядный» налог принесет в казну не менее 17 млн руб. Проект вызвал возражения со стороны большинства ведомств, которые высказывались в пользу подоходного налога и против разрядного принципа налогообложения. Высказывались также пожелания отменить подушную подать, которую Податная комиссия была намерена сохранить при введении «разрядного» обложения. Критике были подвергнуты и способы исчисления доходов.

Необходимость компенсировать потери от отмены подушной подати вызвала к жизни, как возможный вариант такой компенсации, проект 1879 г. о подоходном налоге с процентных бумаг и вкладов в банках, с торгово-промышленных предприятий и личных заработков. Вернее, это были три вида налогов: 1) 3-процентный сбор с денежных капиталов, торговли, промыслов и личного труда, 2) личный налог в размере 1 руб. со всех лиц мужского пола в возрасте от 18 до 55 лет и 3) увеличение окладов государственного поземельного налога и налога на городскую недвижимость до 77%. Черты подоходного обложения имел лишь первый из указанных налогов. Этот проект не встретил одобрения Н.Х. Бунге, который предпочел компенсировать потерю доходов от отмены подушной подати более традиционным способом — за счет увеличения косвенного обложения. Не будучи принципиальным противником подоходного обложения, Бунге писал в 1883 г.: «...Если Министерство финансов не решилось сразу проектировать общий подоходный налог, то это потому, что та же цель, по его мнению, в некоторой степени могла быть достигнута с меньшим потрясением существующих хозяйственных отношений». Как и многие другие, Н.Х. Бунге характеризовал подоходный налог как чрезвычайную меру, к которой правительства разных стран обращались в исключительных обстоятельствах. Бунге видел в подоходном налоге «естественное дополнение податной системы», которое можно осуществить лишь тогда, когда будут установлены подати с доходов и имуществ, «еще не обложенных вовсе или обложенных неполно». Бунге, как и многие, кто занимал пост министра финансов до и после него, высказывался за исключительную осторожность при введении подоходного обложения и в конце кон-

---

[162] *Ананьич Н.И.* К истории отмены подушной подати в России // Исторические записки. Т. 94. М., 1974. С. 183–212.

[163] *Чернуха В.Г.* Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. С. 243.

цов склонялся в пользу налогов, «основанных на исчислениях менее сложных и легче проверяемых», т. е. косвенных налогов. В случае введения подоходного обложения более удобной министр финансов считал английскую систему, которая предоставляла правительству возможность варьировать налоговые ставки в зависимости от состояния бюджета[164]. В 1884 г. Государственный совет счел введение подоходного обложения «преждевременным», однако отдельные черты этого вида налогов нашли воплощение в Законе от 20 мая 1885 г. об обложении денежных капиталов.

Голод 1891–1892 гг. вновь поставил вопрос о введении подоходного обложения. В 1892 г. Министерство финансов намеревалось, в виде временной меры, обложить наиболее значительные оклады жалования на государственной, частной и общественной службе. Так, при содержании свыше 8 тыс. руб. данный сбор устанавливался в размере 6%. Тогда же от этой частной меры Министерство финансов перешло к проекту общего подоходного налога. Налогом в 1% должны были облагаться доходы в размере от 1 до 2 тыс. руб. Более крупные доходы предполагалось обложить по прогрессивной шкале в размере не более 4%. Проект предусматривал создание системы уездных и губернских учреждений, которые взимали бы налог на основе подачи деклараций. Обжалование решений местных податных органов предлагалось проводить в кассационном порядке.

Как это случалось и ранее, проект вызвал в общем негативное отношение ведомств, в отзывах которых обращалось внимание на то, что при общей бедности населения империи подоходный налог, не принеся в казну значительных поступлений, породит подлоги и злоупотребления. Представители ведомств предлагали для пополнения бюджета обратиться к более проверенному и не столь рискованному способу — к увеличению ставок уже существующих налогов, и только после полного исчерпания этого источника, перейти к подоходному обложению. Отрицательные отзывы ведомств побудили Министерство финансов прекратить дальнейшую разработку законопроекта. Противником подоходного налога в это время был и С.Ю. Витте, который считал, что при невыясненности вопроса о доходах населения введение налога повлечет за собой лишь сокрытие доходов налогоплательщиками и произвол администрации. В 1893 г. при обсуждении проекта государственной росписи Витте утверждал, что «косвенные налоги имеют существенное преимущество над прямыми ввиду того, что взимание их гораздо легче, что оно не требует никаких принудительных мер... и что уплата косвенных налогов производится по мере потребления обложенных налогами продуктов, небольшими взносами и в такое время, когда плательщик имеет средства для покупки этих продуктов, а следовательно, и для уплаты налога». Опровергал Витте и утверждения о том, что косвенные налоги являются «налогами на бедных», указывая на «саму природу косвенного обложения», которое «в каждый данный момент обильнее оплачивается тою частью населения, которая обладает наибольшею покупною способностью»[165]. Н.Н. Покровский, будучи сторонником подоходного обложения, заочно полемизировал с Витте и обращал внимание на неизбежность введения такого положения, а также на то, что оно «является... необходимым последствием эволюции податного дела. Когда косвенное обложение начинает достигать пределов естественного возрастания и становится тяжелым гнетом для малосостоятельных плательщиков, а более простые формы реального обложения, имеющие дело только с отдельными имущественными объектами... оказываются недостаточными в фискальном отношении... в них начинают проникать понемногу элементы

[164] Финансовая политика царизма в 70–80-х годах XIX в. // Исторический архив. 1960. № 2. С. 139–140; *Ананьич Н.И.* К истории отмены подушной подати в России. С. 187–188.

[165] См. *Покровский Н.Н.* О подоходном налоге. Пг., 1915. С. 101–102.

личного обложения...». Покровский отмечал, что личный принцип обложения не нов и существовал «издавна в виде сперва поголовных и поимущественных, затем классных налогов, но впоследствии большее удобство оценивать отдельные имущественные объекты, а не всю хозяйственную личность плательщика, заставляло отдавать преимущество реальным налогам. Когда же последние оказываются недостаточными, тогда возвращаются к забытым было началам личного обложения и вводят их понемногу в реальные налоги. В других же случаях, где, как в Пруссии, личные классные налоги получили самостоятельное развитие, — подоходные принципы развиваются на этой почве, а реальные налоги понемногу передаются органам местного самоуправления и там получают самостоятельное развитие». Покровский указывал на непродуктивность обоих указанных путей развития прямого налогообложения, и тогда «в конце того и другого пути, когда ни при помощи классных налогов, ни посредством преобразования реального обложения не удается все-таки добиться достаточно уравнительного и вместе с тем достаточно продуктивного обложения, — приходится обратиться к созданию самостоятельных подоходных налогов»[166].

Обращение к подоходному обложению, на этот раз окончательное, произошло в чрезвычайных обстоятельствах русско-японской войны и начала первой русской революции. Соответствующая комиссия под председательством товарища министра финансов Н.Н. Кутлера заседала как раз в те дни, когда в Цусимском проливе была разгромлена эскадра адмирала З.П. Рожественского. В состав Комиссии вошли Н.Н. Покровский, М.М. Федоров, А.И. Вышнеградский, П.П. Мигулин, И.Х. Озеров, Л.В. Ходский и другие видные чиновники Министерства финансов и ученые-экономисты. Председатель Комиссии прямо указал на военные обстоятельства как на основную побудительную причину, которая вынуждает правительство вернуться к планам подоходного обложения. Проводимое в это время повышение акцизов, указывал Кутлер, не содержит в себе «элементов дальнейшего развития» и оставляет действующую податную систему без всяких коренных изменений. О возможности требований представительства при введении подоходного налога, особенно опасных в условиях начала революции и неготовности правительства в это время идти на какие-либо «конституционные» уступки, в Комиссии ничего не говорилось. Председатель Комиссии просто констатировал, что в повышении ставок косвенного обложения правительством достигнут некоторый предел. Тем не менее подоходный налог, как это случалось и ранее, намеревались вводить не вместо существующих реальных налогов, а в дополнение к ним. Отвергнув английскую систему обложения, Министерство финансов полагало, что «общий подоходный налог, облагающий всю совокупность доходов плательщика, заслуживает несомненного предпочтения». Недостаток тогдашней английской системы подоходного налога русское Министерство финансов видело в том, что она «не допускает установления правильной прогрессии за невозможностью определения общей суммы дохода каждого плательщика». Возможность для налогоплательщика укрывать часть своих доходов не признавалась существенным препятствием для введения подоходного налога. Министерство финансов полагало, что несмотря на это, поступления все равно будут расти «параллельно с развитием народного богатства». В том, что касалось способов контроля, было решено перенять прусскую систему, основанную на показаниях учреждений, которые могут располагать сведениями о доходах плательщиков налога. К проверке налоговых деклараций было решено привлечь податных инспекторов. Предусматривалось, что плательщиком налога должна быть «всякая самостоятельная хозяйственная личность». Из действия налога изыма-

[166] Там же. С. 106–107.

лись государственные учреждения и сельские общества, последние — по «малодостаточности» своих членов. Не подлежали обложению городские и земские учреждения ввиду бедности их капиталами. В противном случае пришлось бы увеличить местное обложение, и часть подоходного налога упала бы на лиц, по закону не облагаемых этим налогом. Дворянские же, купеческие, мещанские, ремесленные, биржевые общества и духовные установления всех исповеданий должны были вносить подоходные налоги. Не облагались лишь суммы на просвещение и благотворительность. Обложению должны были подлежать также доходы Удельного ведомства. Прозвучали возражения против обложения подоходным налогом акционерных обществ, хотя они и должны были облагаться этим налогом за вычетом всех прямых налогов, которые они выплачивали в казну. Следовательно, подоходному налогу подлежали общества, получавшие чрезвычайно крупные доходы. Тем не менее противники обложения акционерных обществ, в качестве аргумента ссылались на то, что в данном случае будет иметь место двойное обложение. Но их доводы были признаны несущественными хотя бы уже потому, что облагаемые подоходным налогом доходы акционерных компаний «далеко не совпадают» с суммой дивидендов, которая является предметом промыслового налога. Кроме того, прибыли общества должны были облагаться вне зависимости от дивидендов акционеров. Было также дано обещание одновременно с введением подоходного налога понизить ставки промыслового обложения. Министерство финансов предполагало облагать 1-процентным сбором доходы начиная от необлагаемого минимума, повышая его на 0,01% для каждой сотни рублей и доводя обложение до 4% при доходе в 40 руб. Далее прогрессия замедлялась и доходила до 5% при доходе в 100 тыс. руб. (см. табл. 37). Более высокие доходы должны были облагаться не прогрессивным, а пропорциональным налогом 5% суммы дохода, что соответствовало пожеланиям крупных предпринимателей, которые указывали, что прогрессивное обложение крупных доходов является «как бы особым налогом на энергию и трудоспособность»[167]. В отличие, например, от Италии законопроект не делал различий между фундированными доходами (капиталы, облагаемые по более высокой ставке) и нефундированными (личные заработки, облагаемые по меньшей ставке) в связи с невозможностью провести точную границу между различными категориями доходов. Составление списков налогоплательщиков возлагалось на домовладельцев и квартирохозяев. Для взимания подоходного налога должны были учреждаться под председательством податных инспекторов участковые присутствия из числа выборных от городов и земств и представителей плательщиков. Куриальная система выборов была отвергнута из-за небольшого количества плательщиков с высоким уровнем доходов и предпочтение было отдано системе всеобщих выборов. Апелляционной инстанцией для участкового присутствия должно было стать губернское присутствие под председательством управляющего местной казенной палатой. В губернское присутствие должны были входить член окружного суда, чины Министерства финансов, члены по выбору от земств и городов, а в неземских губерниях — по назначению губернатора. Общее заведование делом сбора подоходного налога возлагалось на Департамент окладных сборов. Жалобы на решения губернских присутствий должны были приниматься министром финансов, а затем поступать в Первый департамент Сената.

Известный специалист в области подоходного обложения в Западной Европе И.Х. Озеров, выступая в Комиссии Кутлера, назвал введение подоходного налога в России

[167] См.: *Боханов А.Н.* Вопрос о подоходном налоге в России и крупная буржуазия (конец XIX — начало XX в.) // Исторические записки. Т. 114. М., 1987. С. 287.

«скачком в неизвестное будущее» и призвал при реформировании налоговой системы к большой осторожности, ссылаясь на неполноту статистических данных о доходах населения и на то, что не повсеместно еще введена окладная система взимания налогов и многие сборы продолжают взиматься по раскладочному принципу. И.Х. Озеров разделял общее мнение членов Комиссии, согласно которому подоходный налог, вполне вероятно, станет только надстройкой над уже существующей фискальной системой, которая «может с теоретической точки зрения казаться неудовлетворительной, но в финансовой практике нередко чистотой принципа... приходится поступаться в пользу соображений практического характера».

Противоположную точку зрения высказывал в Комиссии П.П. Мигулин. Он полагал, что, будучи введенным в дополнение к существующим налогам, подоходный налог может принести в казну «очень небольшую сумму» — примерно в 10–15 млн руб. Он считал необходимым передать, по примеру Пруссии, реальные налоги (промысловый, поземельный, с городских имуществ и т. д.) в пользу земств и городов при одновременном введении подоходного налога с высокими прогрессивными ставками от 1 до 10%, что могло бы дать, по его подсчетам, доход уже не менее 50 млн руб. Примирить позиции Озерова и Мигулина попытался Л.В. Ходский, который предложил Комиссии ввести подоходное обложение с высокими ставками, но в дополнение к уже существующим налогам. Комиссия не поддержала позицию Мигулина и скорее склонялась к взглядам Озерова, т. е. к введению подоходного налога с низкими ставками в дополнение к существующим налогам. Комиссия определила необлагаемый минимум доходов (1 тыс. руб.), указания на который содержалось еще в проекте, выдвинутом в 1892 г. Этот минимум должен был стать единым. Комиссия не поддержала предложение Озерова об установлении шкалы различных минимумов.

Дискуссия в Комиссии под председательством Кутлера возникла также по вопросу о компетенции органов надзора за взиманием подоходного налога. П.П. Мигулин считал, что губернская инстанция должна быть организована по типу суда, т. е. в нее должны входить представители сторон — фиска и налогоплательщиков. Однако большинство Комиссии сочло включение в состав губернского присутствия представителей Министерства финансов «совершенно необходимым». Эту точку зрения разделял и И.Х. Озеров. Он полагал, что в противном случае «вторая инстанция будет относиться к делу формально». Что касается деклараций о доходах, то И.Х. Озеров считал необходимым открывать их для обозрения публики, чтобы сами налогоплательщики могли контролировать показания друг друга. Данная идея была им заимствована из западноевропейской практики и высказывалась еще диссертации о подоходном налоге в Англии, опубликованной в 1898 г.[168] Против мнения Озерова выступили П.П. Мигулин и Л.В. Ходский, которые назвали подобную меру неуместной, так как она может сделаться орудием «для всякого рода кляуз и доносов». Их поддержало большинство Комиссии. В общем же Комиссия под председательством Кутлера оценивала подоходный налог как «наиболее справедливый и уравнительный», как «крупный культурный фактор, способный воспитать в населении сознание податных его обязанностей»[169].

После обсуждения проекта подоходного обложения в министерской комиссии вопрос был представлен на обсуждение междуведомственной комиссии, которую возглавил сам тогдашний министр финансов И.П. Шипов. В состав Комиссии вошли представители прак-

[168] См.: *Озеров И.* Подоходный налог в Англии. Экономические и общественные условия его существования. С. 28–335.

[169] Журнал Комиссии по вопросу о введении подоходного обложения. 12–17 мая 1905 г.: РГИА. Ф. 1278. Оп. 6. Д. 15. Л. 169–193.

тически всех ведомств, а также специально приглашенные для участия в ее заседаниях И.Х. Озеров и Н.К. Бржеский. П.Л. Барк также входил в состав этой комиссии в качестве одного из представителей финансового ведомства[170]. Предметом работы Комиссии стало обсуждение проекта, представленного Комиссией Н.Н. Кутлера. К этому времени (март–апрель 1906 г.) дополнительным доводом в пользу необходимости введения подоходного обложения явилась проведенная в конце 1905 г. отмена выкупных платежей. Необходимость отказаться от дальнейшей практики взимания выкупных платежей, как в свое время отмена подушной подати, вновь вынудила власти искать компенсаций для доходной части бюджета в сфере подоходного обложения.

Возражения против проекта высказали представители сельскохозяйственного ведомства, в том числе А.В. Кривошеин (впоследствии, уже при рассмотрении вопроса в Совете министров, с критикой законопроекта об обложении доходов, получаемых от занятий сельским хозяйством, выступал сам глава сельскохозяйственного ведомства Б.А. Васильчиков). Указав на общую бездоходность сельского хозяйства, представитель Главного управления землеустройства и земледелия предлагал обложить новым налогом лишь сдачу земель в аренду, но не собственно доходы от землевладения. Впрочем, представители других ведомств укоряли Главное управление землеустройства и земледелия в «ведомственном» подходе к делу и отмечали, что из всех видов обложения интересам сельских хозяев отвечает в первую очередь именно подоходный налог, поскольку он, облагая лишь доход, учитывает все превратности, связанные с производством сельскохозяйственной продукции. Представители Министерства внутренних дел опасались, что при введении подоходного налога окажутся излишне обремененными плательщики местных налогов. И.Х. Озеров здесь вновь вспомнил о прусском опыте передачи местным общественным органам управления реальных налогов при введении налога подоходного. Озеров полагал, что это можно будет сделать, если поступления от подоходного налога превысят известный, заранее определенный уровень. Однако Комиссия сочла за благо «повременить» с осуществлением этого проекта. При обсуждении вопроса об определении размеров облагаемого дохода Комиссия отметила, что в рассматриваемом проекте отсутствует само определение дохода, тогда как «податные законы не терпят распространительного толкования». В том, что касалось публично-правовых юридических лиц, Комиссия выступила за изъятие из действия налога земских и городских учреждений (кроме кредитных). В отношении частно-правовых юридических лиц у представителей Министерства торговли и промышленности и Государственного контроля возникли высказывавшиеся еще в Комиссии Н.Н. Кутлера сомнения в правомерности облагать прибыли акционерных обществ, превышающие 3%, поскольку с них уже взимается промысловый налог «совершенно подоходного характера». Однако эти аргументы Комиссией были отвергнуты. Впрочем, было вновь признано возможным одновременно с введением подоходного налога понизить ставки промыслового обложения.

П.Л. Барк, выступая в Комиссии, изложил свое мнение по вопросу об обложении доходов от денежных капиталов. Он указал на то, что следовало бы вносить в зачет подоходного налога 5-процентный сбор с этих капиталов, в противном случае был возможен отток капиталов за границу. Большинство членов Комиссии возразило, отметив, что проект закона идет по пути дополнительного обложения доходов «вполне сознательно», что же касается возможного оттока капиталов за границу, то выгоды их помещения в России во много раз превосходят ущерб от нового налога. Комиссия под председательством И.П. Шипова оста-

---

[170] Список членов Комиссии по подоходному налогу [1906 г.]: Там же. Ф. 73. Оп. 20. Д. 2337. Л. 291.

вила в силе ту часть законопроекта о подоходном налоге, в которой обложению подвергались не только сделки по продаже за наличные, но и кредитные сделки. Возражения некоторых ведомств, сводившиеся к тому, что «при недостаточном развитии сознательного отношения к долговым обязательствам» сделки в кредит еще не гарантируют действительного поступления платежей, не были приняты в расчет большинством, которое считало, что в таком случае может создаться ситуация неправильного определения окладов налога, когда в год реализации товара в кредит расходы продавца могут превысить доходы, а в год получения платежа — наоборот, что повлечет за собой соответствующее увеличение оклада.

Необлагаемый минимум дохода представители Государственного банка и Государственного контроля сочли «слишком высоким» и предложили сократить до 600 руб. Однако ввиду того, что налог вводился в дополнение к уже существующим налогам, большинство Комиссии склонялось к тому, чтобы оставить прежнюю сумму необлагаемого дохода в размере 1 тыс. руб. (в июне 1906 г. по соглашению министра финансов и государственного контролера необлагаемый минимум доходов был увеличен в проекте закона до 1,5 тыс. руб.[171]). Предложение установить шкалу минимумов для разных местностей вновь было отвергнуто. В качестве примера здесь приводилось «неудовлетворительное» распределение городов по разрядам при взимании квартирного налога.

И.Х. Озеров предлагал отказаться при исчислении налоговых ставок от процентной системы, когда доход, который превышал определенную предельную сумму на 1 руб., уже облагался по ставке другого, более высокого порядка. Озеров предлагал ввести дифференцированные ставки, когда облагаться должна была не каждая тысяча, а каждая добавленная к тысяче сотня рублей, и если при переходе от дохода в 10 тыс. руб. к доходу в 10 тыс. 1 руб. по проекту Министерства финансов с плательщика взимались дополнительные 30 руб., то по проекту Озерова каждая сотня рублей, отделявшая 10 тыс. руб. от 20 тыс. руб., должна была дополнительно облагаться налогом в 1%. Например, доход в 10 тыс. 200 руб. должен был, согласно этой схеме, облагаться налогом в сумме 194 руб. (190 руб. с 10 тыс. руб. дохода + 4 руб. с 200 руб.), однако Комиссия отвергла данный проект ввиду сложности расчетов налога.

Дискуссия в Комиссии разгорелась по вопросу о том, должны ли государственные и частные кредитные учреждения сообщать в налоговые учреждения сведения о состоянии счетов своих вкладчиков. Одни, в том числе Барк и Бржеский, полагали, что это противоречит коммерческой тайне, сведения об имуществе может требовать только суд, и то в случае уголовного преследования, а не в ходе гражданского разбирательства. Исполнение такого рода требований, считали они, подорвет кредит, где «все основано на доверии». Другие члены Комиссии, и среди них И.Х. Озеров, обращали внимание ее членов на то, что коммерческая тайна уже «утратила свое значение» и держится только на традиции, а в торговых отношениях «тайна не только излишня, но и вредна и фактически в коммерческом мире не существует». Что касается высказанного И.Х. Озеровым еще в Комиссии под председательством Кутлера предложения сделать налоговые декларации гласными, то этот вопрос в междуведомственной комиссии был оставлен открытым[172]. Тогда же, в апреле 1906 г., кабинет министров С.Ю. Витте подготовил «Программу вопросов, вносимых на рассмотрение Государственной думы», в которой о подоходном налоге говорилось, что «более или менее полной уравнительности на почве реального обложения возможно было бы достигнуть путем

---

[171] В.Н. Коковцов — И.Л. Горемыкину. 6 июня 1906 г.: Там же. Ф. 276. Оп. 2. Д. 213. Л. 2.

[172] Журнал Междуведомственной комиссии по вопросу о введении подоходного обложения. 15 марта–12 апреля 1906 г.: Там же. Ф. 1278. Оп. 6. Д. 15. Л. 194–233 об.

замены отдельных реальных налогов отдельными же подоходными налогами — с дохода от земель, домов, капиталов и промыслов. Но преобразование отдельных реальных налогов в подоходные все-таки не обеспечивало бы должной уравнительности, ибо обложение отдельных источников по существу своему не может быть прогрессивным. Между тем современная финансовая наука и практика доказывают, что подоходное обложение при пропорциональных ставках не может считаться равномерным. Прогрессия же имеет основание только при общеподоходном личном налоге, взимаемом с совокупности всех доходов данного лица»[173].

Менее чем месяц спустя дискуссия продолжилась в совещании, которое специально рассматривало вопрос о коммерческой тайне при взимании подоходного налога. Но начало работы этого совещания отделяла от окончания заседаний Комиссии под председательством Шипова важная дата — отставка кабинета С.Ю. Витте. Председатель Совещания И.П. Шипов теперь уже числился «состоящим в ведомстве Министерства финансов». Изменения в составе правительства не прервали работу над законопроектом. В состав Совещания вошли чиновники не только финансового ведомства, но также Министерства торговли и промышленности, Государственного контроля, представители крупнейших банков — А.Ф. Мухин (Волжско-Камский банк), А.Р. Вернандер (Русский для внешней торговли банк), Я.И. Утин (Учетный и ссудный банк), П.А. Корсаков (Русский Торгово-промышленный банк), С.С. Хрулев (Международный банк), И.А. Исаев (Московский Купеческий банк) и, кроме того, председатель столичного биржевого комитета А.Я. Прозоров и ученые-экономисты И.Х. Озеров, Н.К. Бржеский, П.П. Цитович, И.И. Кауфман. Председатель поставил перед Совещанием следующие вопросы: можно ли обязать кредитные учреждения сообщать податным присутствиям сведения об имущественном положении плательщиков и допускать чинов податного надзора к проверке этих сведений и допустимо ли оглашение сведений об имущественном положении плательщиков подоходного налога? А.Ф. Мухин заявил, что предоставление сведений об имущественном положении клиентов было бы для банков «крайне... затруднительно и в то же время не принесет должной пользы фиску», поскольку лишь на то, чтобы разобраться в предоставленном банками материале, должно уйти несколько месяцев работы податных присутствий. Кроме того, А.Ф. Мухин указывал, что «теперь уже капитал уплачивает подоходный налог, хотя и в другой форме». Представитель Волжско-Камского банка обращал внимание на ту опасность, что клиенты предпочтут хранить русские ценные бумаги в иностранных банках. «Вполне присоединился» к суждениям А.Ф. Мухина и глава Учетного и ссудного банка Я.И. Утин. Предполагаемые меры он считал стеснительными для самого применения закона о подоходном налоге на практике. «Необходимо поставить уплату налога на почву полного доверия к показаниям плательщика», — считал банкир. Аргументы Я.И. Утина фактически повторил А.Р. Вернандер. Встретив такой дружный отпор банкиров, И.П. Шипов выдвинул тот аргумент, что соответствующий законопроект предусматривает обращение к банкам за сведениями об имущественном положении их клиентов «только в исключительных случаях, когда возникшие по декларации сомнения не удастся устранить иным путем». Данная оговорка, однако, практически не изменила позиции банкиров. «Важен принцип сохранения [коммерческой] тайны», — заявлял Я.И. Утин. Со своей стороны, представитель Государственного контроля Н.Г. Вальтер называл коммерческую тайну «премией за недобросовестность». В качестве компромисса Я.И. Утин предложил разрешить предоставление податным присутствиям

[173] Совет министров Российской империи 1905–1906 гг.: Документы и материалы. Л., 1990. С. 461–462.

сведений только с согласия самих банковских клиентов, а при их отказе — прибегать к карательным мерам. Он не мог допустить обращения податных присутствий непосредственно к банкам. С.С. Хрулев вообще считал ущерб казны от сокрытия доходов от банковских вкладов незначительным, при том, что на банковских счетах сосредоточено примерно 130-150 млн. руб., разбитых на «мелкие суммы». Не были едины в своих мнениях даже представители Министерства финансов. Представителей частных кредитных учреждений поддержал управляющий Государственным банком С.И. Тимашев, заметивший, что «тайна банковых счетов ревниво охраняется во всех государствах». Товарищ управляющего П.Л. Барк вновь повторил свои суждения, высказанные им на заседаниях предыдущей комиссии, и подчеркнул, что нарушение банками коммерческой тайны должно считаться недопустимым. Барк привел пример Персии в качестве страны, не знающей коммерческой тайны, в результате кредит страны лишен возможности «правильного развития», а персидские подданные предпочитают держать свои вклады в иностранных банках. Барк сослался также на вюртембергский закон о подоходном налоге, по которому плательщик имеет право отвода тех членов податного присутствия, с которыми он занимается сходной коммерческой деятельностью, чтобы не посвящать их в подробности своего имущественного положения. О том, что к плательщикам подоходного налога нужно «отнестись с доверием», говорил директор Кредитной канцелярии Б.Ф. Малешевский. Ее вице-директор Л.Ф. Давыдов призвал не дискредитировать принцип подоходного обложения.

Возражали своим коллегам директор Департамента окладных сборов Н.Н. Покровский и его подчиненные. В качестве обоснования своей позиции они ссылались на то, что русское законодательство допускает отступления от принципа сохранения коммерческой тайны при взимании промыслового налога, предусмотрев право податных инспекторов требовать от земельных банков и страховых обществ справки о ценности облагаемого имущества. И.Х. Озеров обвинил защитников коммерческой тайны в том, что они отстаивают свои «классовые интересы». Как пример противоположного отношения к своей «гражданской обязанности» платить налоги Озеров привел Англию, где «имущественные (sic) классы своевременно пошли навстречу интересам трудящейся массы». «Желательно, чтобы и Россия пошла по тому же пути», — добавлял Озеров. Возвращаясь к отсутствию в законодательстве западных стран права налоговых органов требовать от банков сведения об имуществе клиентов, Озеров привел примеры еще более «неприятных для плательщика» мер, применяемых фиском с целью не допустить уклонения от обложения. Озерову возражал Хрулев, отметив, что при всех существующих на Западе мерах дознания «банки повсюду пользуются неприкосновенностью». Озерова поддержал П.П. Цитович, который отметил, что статья закона, требующая предоставления сведений об имуществе плательщиков подоходного налога, «ничего нового в наше законодательство не вносит», поскольку «тайну торговых книг отнюдь нельзя превратить в средство уклонения от платежа долгов так же точно, как она не есть средство скрывать следы преступлений». Мнение П.П. Цитовича оспорил И.И. Кауфман, который поддерживал позицию банкиров и обращал внимание Совещания на то, что подобного рода меры были отвергнуты в свое время даже в Пруссии, но «не потому, чтобы прусский чиновник не мог создать или провести соответствующий закон, который откроет пред ним двери кредитных учреждений, а потому, что ему слишком очевиден вред от такой меры...». Не обострять отношения налогоплательщиков и фиска «мерою, которая не может дать реальной и существенной пользы для казны», считал необходимым Н.К. Бржеский.

В качестве компромиссного решения И.П. Шипов предложил ввести в законопроект статью, которая предусматривала бы право обращаться с запросами к банкам об имуществе их клиентов, которое обычно принадлежало исключительно министру финансов. П.Л. Барк был против всяких компромиссов на этой почве и заявил, что «всякий компромисс... приведет к нарушению коммерческой тайны». Если такое компромиссное решение будет осуществлено, считал товарищ управляющего Государственным банком, то придется изменить его устав. Здесь и произошло объединение противоборствующих сторон из учреждений Министерства финансов. Подобный компромисс счел неприемлемым также Департамент окладных сборов, представители которого в Совещании полагали перенесение разрешения вопроса об обложении капиталов в высшую инстанцию технически невозможным. Таким образом, Совещание не пришло ни к какому определенному решению. В конце концов в законопроекте Министерства финансов, переданном в 1907 г. в Государственную думу, говорилось, что коммерческая тайна важна «лишь по отношению к той части клиентов банков, которая ведет коммерческие дела и может быть заинтересована в сохранении этой тайны ради целей конкуренции. Для всех же остальных клиентов, стоящих далеко от этих дел, коммерческая тайна, как таковая, не имеет значения». У принципа публичности налоговых деклараций, сторонником которой постоянно выступал И.Х. Озеров, нашлись довольно многочисленные сторонники среди банкиров, в числе которых были Я.И. Утин, П.А. Корсаков, А.Р. Вернандер и И.А. Исаев. Однако коллеги-экономисты и представители Министерства финансов не поддержали И.Х. Озерова, а П.П. Цитович заявил, что следует избегать роста «озлобления народных масс против подоходного налога»[174].

Вопрос о сборе дополнительных сведений о доходах, подлежащих обложению подоходным налогом, рассматривался в конце мая — начале июня 1906 г., когда было собрано Совещание под председательством директора Департамента окладных сборов Н.Н. Покровского. Признавая неполноту статистических данных, на которые можно было бы опереться при расчете подоходного налога, Совещание вначале обратилось к предложению собирать сведения только о крупных доходах, однако это предложение не встретило сочувствия у большинства членов Совещания, поскольку они не считали бесспорным, что именно крупные доходы при ограниченном количестве лиц, их получающих, дадут при взимании подоходного налога наибольшие поступления.

Совещание постановило собирать сведения о ценах на землю по купчим крепостям и о доходности земли на основании «нормального» процента, принимаемого в размере 6%. Учитываться должны были только угодья, приносящие доход выше необлагаемого минимума. При подсчетах предполагалось пренебречь возможными поступлениями от нескольких мелких земельных участков, находящихся во владении одного и того же лица. Крестьянское товарищество при таких подсчетах должно было приниматься не в качестве юридического лица, а как «союз физических лиц». Размеры ипотечной задолженности при подобных расчетах предполагалось рассчитывать условно, «сделав допущение, что задолженность распределяется по размерам землевладения приблизительно одинаково». Городские имущества предполагалось оценивать по правилам, предусмотренным Законом от 8 июня 1893 г. Там, где оценку следовало производить не по доходности, а по ценности имущества, предполагалось исчислять доход путем капитализации из 7%. Получение сведений о доходах от торгово-промышленных предприятий через казенные палаты не должно было, по мнению Сове-

[174] Протокол Совещания при Министерстве финансов по вопросу о коммерческой тайне при подоходном обложении. 8, 11 мая 1906 г.: РГИА. Ф. 1278. Оп. 6. Д. 15. Л. 78–302.

щания, представить особых затруднений, тогда как определение доходов от денежных капиталов могло производиться только теоретически, как сумма ценных бумаг, принадлежащих частным лицам и зарегистрированных в кредитных учреждениях и находящихся на руках (из тех, что не котируются на иностранных биржах) при вычитании из их числа бездоходных бумаг, серий государственного казначейства, вкладов в сберегательных кассах, ссудо-сберегательных товариществах и сельских банках, принадлежащих преимущественно малосостоятельным слоям общества, а также бумаг, отданных в залог. Сведения о доходе от учета векселей планировалось рассчитывать на основании данных о продаже вексельной бумаги. Доходы представителей «свободных профессий» предполагалось оценивать по данным опросов обществ врачей, советов присяжных поверенных, редакций периодических изданий и т. д., а также на основании данных об уплате квартирного налога[175].

Совет министров рассматривал вопрос о введении подоходного налога на заседании 24 октября 1906 г. Сомнения в целесообразности его введения высказал государственный контролер П.Х. Шванебах. Он обращал внимание своих коллег на специфические «современные условия русской жизни». В частности, Шванебах указывал на то, что присутствия по подоходному налогу, образуемые на выборной основе, «будут очень легко увлечены на путь классовой розни и преследования людей имущих». Он предложил почерпнуть доходы, которые правительство хотело получить путем введения подоходного налога, из иных источников, вводя налоги на высокие оклады жалования и повысив квартирный налог. Возражая Шванебаху, Коковцов напомнил, что в своем заявлении от 24 августа 1906 г. правительство уже пообещало представить в Государственную думу законопроект о подоходном налоге в качестве меры «первостепенного государственного значения». Программу же Шванебаха министр финансов отвергал на том основании, что она имеет в качестве объекта обложения «исключительно наиболее состоятельные классы населения, численность которых в России невелика».

Оценивая сам принцип подоходного обложения, Совет министров признал отсутствие в русской податной системе, основанной преимущественно на косвенном обложении, необходимой «гибкости», как и то, что прямые налоги признаются «финансовою наукою наиболее совершенными». В Совете министров повторили мнение, высказанное в 1905 г. в Государственном совете, когда указывалось, что подчиненное положение прямых налогов по отношению к налогам косвенным лишает русский бюджет той «эластичности, при которой легко осуществимо временное усиление налогов соответственно достаткам плательщиков», как это происходит в Англии. К тому же, указывали в Совете министров, увеличение косвенных налогов «не может быть беспредельным». Совет министров вернулся к тысячерублевому необлагаемому минимуму, признав минимум в 1,5 тыс. руб. чрезмерно высоким, и выступил за передачу доходов от государственного поземельного налога в пользу городов и земств по прусскому примеру. В отношении обложения прибылей акционерных обществ большинство Совета министров не согласилось с мнением министра торговли и промышленности, который усматривал в этом случае двойное обложение и предлагал освободить акционерные общества от уплаты подоходного налога. Признавая необходимость льгот по уплате подоходного налога для сельских хозяев, большинство министров отказало в таких льготах акционерным обществам, указывая, что «нет основания освобождать от этого обложения наиболее могущественные в экономическом отношении организации, какими являются совре-

[175] Журнал Совещания по вопросу о собирании дополнительных сведений о доходах, подлежащих обложению подоходным налогом. 30 мая — 2 июня 1906 г.: Там же. Л. 303–308.

менные акционерные общества». В качестве компромиссной меры Совет министров высказался за одновременное с введением подоходного налога снижение ставок промыслового налога, а также за отмену квартирного налога. Журнал Совета министров был утвержден царем 26 января 1907 г.[176]

23 февраля 1907 г. В.Н. Коковцов передал законопроект о введении подоходного налога на рассмотрение законодательных палат (к этому времени из европейских стран он не был введен только во Франции, Турции и России). В представлении Министерства финансов прямо обращалось внимание на то, что именно затруднительное положение государственного казначейства в связи с войной, «смутой», необходимостью расплачиваться по внешним займам, восстанавливать флот, а не желание следовать западному примеру вынуждают правительство обратиться к реформе налоговой системы страны. Таким образом, «естественный» процесс совершенствования фискальной системы был инициирован чрезвычайными обстоятельствами, каковыми вызывались к жизни многие реформы в политической и общественной жизни страны.

Однако представление законопроекта о подоходном налоге в Думу отделяли от начала его рассмотрения в финансовой комиссии нижней палаты известные драматические события, связанные с роспуском II Думы и третьеиюньским переворотом, так что соответствующий доклад финансовой комиссии был составлен только в марте 1910 г. К этому времени Департаментом окладных сборов были представлены новые данные о возможных плательщиках подоходного налога и предполагаемых доходах, которые могло бы получать казначейство от его введения (см. табл. 38). Изменились также представления об облагаемых доходах в зависимости от источников их поступления (см. табл. 39).

Данные табл. 38 свидетельствуют о том, что к «низшей» категории плательщиков, которые имели годовой доход до 2 тыс. руб., принадлежало больше половины всех физических лиц, с которых он должен был взиматься. Те же данные показывают, что предпринимательство в российском обществе заняло значительное место. К этому слою относилась почти треть плательщиков подоходного налога.

Докладчиками по вопросу о подоходном обложении в финансовой комиссии Думы выступили Г.Г. Лерхе и Н.Г. Черкасов. В их докладе говорилось, что со времени представления финансовым ведомством своего законопроекта в нижнюю палату Думы «положение государственного казначейства существенно изменилось к лучшему». Так было косвенно указано на то, что страна пережила очередную кризисную эпоху в своей истории не прибегая к введению подоходного обложения. Тем не менее составители доклада не делали «естественного» вывода о его ненужности. Авторы доклада полагали, что благополучие государственного бюджета основано на таком изменчивом источнике, как урожай зерна, который при достаточной примитивности агротехнических приемов во многом зависим от природных условий. Неблагоприятным фактором для русского бюджета становилось продолжающееся на мировом аграрном рынке падение цен на хлеб. Удовлетворение же «культурных потребностей и военных нужд страны» требовало постоянного увеличения бюджетных расходов, в то время как до сих пор правительство «всякий раз... могло выходить из затруднительных положений» не за счет «эластичности ее бюджета», каковая могла быть основана только на превалирующем значении в бюджете прямых налогов, а благодаря «могучему участию государственного кредита (прежде всего внешнего. — *С.Б.*), в нужные минуты

---

[176] Особый журнал Совета министров. 24 октября 1906 г. // Особые журналы Совета министров царской России. 1906 год. III. М., 1982. С. 555–583.

являвшегося источником покрытия чрезвычайных нужд». Невозможность строить бюджет на основе иностранных займов была очевидна, и финансовая комиссия Думы поддержала в целом законопроект Министерства финансов о подоходном обложении в том виде, в каком он был представлен на рассмотрение Думы три года назад. Составители доклада высказались за более постепенный рост прогрессивных ставок налога с тем, чтобы пятипроцентное обложение достигалось только на том уровне, когда доход плательщика приближается к 40 тыс. руб., а не к 31 тыс. руб., как это было в проекте Министерства финансов, с последующим переходом к пропорциональному обложению. Кроме того, в докладе прозвучало пожелание, чтобы ставки налога не устанавливались раз и навсегда, а по примеру Англии варьировались в зависимости от потребностей государственного казначейства. Авторы доклада были противниками обложения доходов сословных учреждений, рассматривая их как «часть государственного управления». Поднят был в докладе и вопрос о двойном обложении доходов акционерных обществ. Среди составителей доклада по этому вопросу возникли разногласия. Большинство разделяло мнение, высказанное на заседании Совета министров министром торговли и промышленности Д.А. Философовым, о недопустимости подобного обложения. В докладе предполагалось, кроме всего прочего, изменить формулировку одной из статей министерского законопроекта, касавшейся предоставления сведений о подоходном налоге: к словам «правительственные, сословные и общественные учреждения, должностные лица, а также страховые, транспортные... предприятия обязаны бесплатно сообщать требуемые учреждениями по подоходному налогу сведения, могущие служить к выяснению доходов плательщиков», составителями доклада была добавлена фраза: «за исключением кредитных учреждений». Смысл этой фразы, по мнению одного из составителей доклада Н.Г. Черкасова, был «совершенно понятным» и состоял в нежелании «обнаружить коммерческую тайну». Мотивы составителей доклада финансовой комиссии были в общем традиционны — опасения оттока капиталов за границу и те соображения, что «одним из главных оснований, при котором кредитное учреждение может работать, является полная тайна его операций». В целом доклад финансовой комиссии поддерживал точку зрения банкиров, высказанную ими в 1906 г. в ходе работы Совещания под председательством И.П. Шипова. Впоследствии при обсуждении доклада в финансовой комиссии нижней палаты этот вопрос стал предметом продолжительных прений[177].

Планы дальнейшего затягивания обсуждения вопроса о подоходном налоге его противники (а это были прежде всего националисты) попытались осуществить уже на первом заседании финансовой комиссии Думы 4 мая 1910 г., посвященном обсуждению доклада Г.Г. Лерхе и Н.Г. Черкасова. Противники введения налога, не решаясь выступить против законопроекта открыто, предложили перенести обсуждение доклада на четвертую сессию Думы, которая должна была открыться после каникул, в октябре 1910 г., под предлогом сложности и неизученности самого предмета обсуждения. Черкасов тогда же обвинил их в попытках саботировать утверждение законопроекта. Проведенное в финансовой комиссии голосование выявило, что противники немедленного обсуждения доклада оказались в Комиссии в меньшинстве, обсуждение началось тогда же и продолжалось до 25 ноября 1910 г. Одним из самых спорных вопросов вновь стал вопрос об обложении акционерных обществ. Вопрос этот был особенно острым, поскольку прибыли акционерных обществ составляли более 32% всех облагаемых доходов. Н.Н. Кутлер полагал, что считать двойное обложение

---

[177] Доклад по законопроекту о введении государственного подоходного налога: РГИА. Ф. 1278. Оп. 6. Д. 16. Л. 2–73.

акционерных обществ «препятствием к установлению подоходного налога... [нет] решительно никаких оснований по тому простому соображению, что сам подоходный налог построен на идее повторного или двойного обложения». Кутлеру возразил депутат от польского коло В.Ф. Грабский, который сказал, что если следовать логике Кутлера, то получается, что акционерные общества облагаются трижды — с них собираются промысловые налоги, налог с дохода предприятия и налог с дохода акционеров, на что Н.Н. Покровский заметил, что способ избежать в данном случае двойного или тройного обложения мог быть только один, если бы каждый акционер требовал при исчислении своего дохода для уплаты подоходного налога вычета из облагаемой суммы тех дивидендов, которые он получает как акционер того или иного общества. «Но этот способ практически неосуществим», считал Покровский, полагая несправедливым и неверным с «государственной» точки зрения освобождать от обложения такие мощные экономические организмы, как акционерные общества, получающие весьма значительные прибыли вне зависимости от прибылей своих акционеров. Покровский вновь повторил тезис о необходимости разделять прибыли акционерного общества и прибыли акционеров и о недопустимости отождествления этих двух видов доходов. В результате при голосовании точка зрения составителей проекта была отвергнута и большинство получили сторонники министерского проекта, которым акционерные общества включались в число плательщиков подоходного налога.

Другим традиционным для дискуссии предметом стала возможность налоговых органов вменять в обязанность кредитным учреждениям бесплатно сообщать учреждениям фиска сведения об имуществе их клиентов, вернее, поправка к представленному на обсуждение комиссии законопроекту, освобождающая банки от такой обязанности. Противники поправки отмечали, что при ее сохранении владельцы ценных бумаг и денежных капиталов получат несправедливое преимущество перед землевладельцами и владельцами недвижимости, которые не имеют возможности спрятать свое имущество в сейфе и таким образом укрыть его от обложения. Подобные суждения уже высказывались к этому времени известным дворянским публицистом К.Ф. Головиным на съезде уполномоченных дворянских обществ[178].

Отстаивая точку зрения составителей доклада перед теми, кто указывал, что такого рода изъятие станет «премией» недобросовестным налогоплательщикам, Н.Г. Черкасов повел защиту от противного. Он сказал, что «жизнь нашла обход даже таких налогов, которые, казалось бы, обойти совершенно невозможно» и что «критиковать закон с точки зрения возможности уклонения вряд ли представляется возможным». Последнее замечание Черкасова не вызвало у противников поправки возражений, как и несколько курьезный проект избежать утайки доходов при невозможности наведения справок о банковских счетах плательщиков, который заключался в том, чтобы взимать налог в повышенном размере с наследников недобросовестных плательщиков после их смерти при переходе в их распоряжение утаенных от обложения сумм. Впрочем, Н.Н. Покровский возможность обнаружения не показанных в декларации доходов при оценке остающегося после смерти плательщика наследства счел «существенной» и «весьма серьезной угрозой»[179].

Таким образом, несмотря на продолжительность и остроту дискуссии, серьезной оппозиции поправке авторов доклада среди членов финансовой комиссии все же не было. К тому же Черкасов провел довольно хитроумный, хотя и не вполне корректный демарш, обвинив противников поправки (а это были прежде всего представители националистов) в том, что

[178] См.: *Боханов А.Н.* Вопрос о подоходном налоге в России и крупная буржуазия. С. 301.
[179] *Покровский Н.Н.* О подоходном налоге. С. 124.

они пытаются скомпрометировать в глазах банкиров и состоятельной публики саму идею подоходного налога и не допустить его принятия. Поставленное председателем финансовой комиссии на голосование предложение изъять поправку о банках из текста соответствующей статьи законопроекта было отклонено ее большинством.

Однако вопреки, казалось бы, очевидному факту поражения противников введения подоходного налога в комиссии Думы сам ее доклад так и не был рассмотрен Общим собранием III Думы до самого окончания ее полномочий и перешел по наследству к Думе следующего созыва, где он вновь рассматривался уже в финансовой комиссии, представители которой составили свой доклад только к июню 1914 г.[180] Это обстоятельство, представляется, явилось косвенным свидетельством того, что введение подоходного обложения не рассматривалось ни правительством, ни думскими кругами (здесь их позиции видятся в достаточной мере близкими и основанными на том, что «произвольное» введение подоходного налога, который затронул бы практически всю верхушку общества, могло подорвать позиции «власти» в самом широком смысле этого слова) в качестве фундамента, на котором можно строить новую, более гибкую налоговую систему, основанную на прямых налогах. Подоходный налог по-прежнему воспринимался в качестве экстраординарного средства, которое общество (или по крайней мере его имущие слои) согласно принять только столкнувшись с какими-либо исключительными обстоятельствами (война, революция, голод и т. д.). В этом смысле, пожалуй, только первая попытка ввести частичное обложение доходов в 1812 г. выглядит не вынужденной, а вытекающей из необходимости и желания реформировать налоговую систему, придав ей более подвижный характер, зависимый от благосостояния населения страны. За время, прошедшее с 1910 г., к подоходному обложению перешли США и Франция. В США подоходный налог, будучи впервые введен в 1862 г. во время Гражданской войны, взимался вплоть до 1872 г., когда был отменен. Вторая попытка ввести подоходное обложение относится к 1894 г., однако Верховный Суд признал тогда законопроект противоречащим Конституции и отменил его. Окончательно подоходный налог в США был введен в 1913 г. по «прусской» системе, предусматривающей прогрессивное обложение доходов физических и юридических лиц. В самый канун первой мировой войны закон о подоходном обложении был принят во Франции, хотя в силу вступил только несколько лет спустя. В отличие от большинства уже перешедших к подоходному обложению стран, подача налоговой декларации объявлялась во Франции не обязательной, а лишь желательной. Подающий декларацию налогоплательщик мог рассчитывать на различного рода скидки. В противном случае его доходы исчислялись на основании прочих уплачиваемых им налогов (поземельного, налога на недвижимость, патентного сбора и т. д.). Как и в большинстве других стран, во Франции закон о подоходном обложении ограждал кредитные учреждения от требований налоговых органов сообщать сведения об имуществе своих клиентов.

Незадолго до начала обсуждения законопроекта в палатах П.Л. Барк, который к этому времени уже возглавлял финансовое ведомство, представил в Совет министров проект понижения размера необлагаемого минимума доходов и повышения ставок подоходного налога. Министр финансов предлагал взимать с 100 тыс. руб. дохода не 5%, как это предусматривала Дума, а 6% с дополнительным обложением каждых следующих 10 тыс. руб. пропорциональным сбором в 650 руб. Понижение необлагаемого минимума до 700 руб. министр

---

[180] С началом первой мировой войны в правительстве возникли проекты проведения подоходного обложения, как других налогов, по ст. 87 Основных законов, что вызвало резкое недовольство в либеральном лагере (см. Буржуазия накануне Февральской революции. М.; Л., 1927. С. 3).

финансов не считал чрезмерным, поскольку и в этом случае он был бы выше минимумов всех других стран, за исключением Англии, где необлагаемый минимум в пересчете на рубли составлял 1600 руб., и США, где он был установлен в 5 тыс. руб. Однако было очевидно, что ссылка министра на иностранное законодательство не вполне корректна, поскольку средний уровень жизни в западноевропейских странах был несопоставимым с российским. В общем министр финансов предлагал обложить доходы от 700 до 800 руб. налогом в 8 руб. и далее по прогрессивной шкале до 100 тыс. руб., с которых должно было взиматься 6 тыс. руб. с последующим переходом к пропорциональному обложению. Что касается понижения процентного сбора с предприятий, обязанных публичной отчетностью, проектировавшегося одновременно с введением подоходного налога, то при таком понижении сумма подоходного налога и процентного сбора должна была стать примерно равной ставкам процентного сбора, установленным в 1906 г., и поэтому обложение указанных предприятий фактически не увеличивалось, если не учитывать того, что сам процентный сбор с началом войны был повышен на 50%. Министра финансов не устраивала также шкала обложения, при которой преимущество предоставлялось обязанным отчетностью предприятиям перед неподотчетными (первые должны были отдавать в казну в среднем 7–8,5% прибыли, вторые — 9,5%). Барк предлагал повысить норму обложения обязанных публичной отчетностью предприятий до 9–12%[181].

В 1914 г. финансовая комиссия Государственной думы, обсуждая доклад, составленный на этот раз А.С. Посниковым и депутатом центра Б.И. Кринским, внесла в законопроект о подоходном налоге, составленный финансовой комиссией III Думы, свои изменения и не согласилась с мнением П.Л. Барка о чрезмерности необлагаемого минимума доходов и необходимости его понижения до 700 руб., предложив оставить его на тысячерублевом уровне. Она предложила также изъять из обложения подлежащие ему в соответствии с законопроектом III Думы прибыли городских банков и ломбардов, которые все свои доходы «обращают... на общественные нужды», т. е. равны самим городским учреждениям, и освобождены, согласно указанному законопроекту, от обложения подоходным налогом. Вместе с тем в отношении той части законопроекта, которая касалась обложения юридических лиц, финансовая комиссия IV Думы отвергла предложение комиссии Думы предыдущего созыва о полном изъятии из обложения всех сословных учреждений на том основании, что они исполняют государственные функции. Согласившись с тем, что сословные учреждения исполняют некоторую часть государственных обязанностей, Комиссия отмечала, что на этом их функции не заканчиваются и «часть их средств употребляется на удовлетворение частных нужд входящих в их состав членов», а потому полностью изымать их из подоходного обложения означало бы перекладывать податное бремя на другие частноправовые институты. Думская комиссия обращала также внимание, что некоторые сословные учреждения владеют значительным недвижимым имуществом и получают немалые прибыли. Именно на эти учреждения, включая крестьянские, и должна приходиться основная масса подоходного обложения. Изменению в докладе думской комиссии подверглась шкала прогрессивного обложения, составив от 0,6% налога, взимаемых при доходе в 1100 руб., до 6%, взимаемых при доходе в 100 тыс. руб. Комиссия вновь высказалась за подвижность налоговых ставок и предложила установить указанные ставки на трехлетний период, до 1 января 1919 г. Статья, обязывавшая банки сообщать налоговым органам сведения о своих клиентах, в проекте

[181] Представление П.Л. Барка в Совет министров. Июль 1915 г.: РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 340. Л. 3–8 об.; И.Л. Горемыкин — П.Л. Барку. 27 июля 1915 г.: Там же. Л. 17.

была сохранена (что шло вразрез с мнением министра финансов, который не отказался от своей прежней позиции, высказанной в 1906 г.), как и статья, которая предусматривала обложение акционерных обществ[182]. Впрочем, как и раньше, она сопровождалась обещанием понизить ставки промыслового обложения. Доклад финансовой комиссии рассматривался в Общем собрании Думы в один из наиболее драматических моментов истории страны периода первой мировой войны — во время четвертой сессии Думы, с 11 по 28 августа 1915 г., когда и был утвержден[183].

Докладчик финансовой комиссии Думы А.С. Посников, предваряя рассмотрение законопроекта о подоходном обложении, сказал, что законопроект имеет «такое значение, которого не имело ни одно мероприятие, до сих пор вносившееся ведомством финансов». Докладчик признавал, что «настоятельная необходимость проведения в настоящее время подоходного налога... вытекает из бюджетных побуждений». Посников указал также на «огромный дефицит» бюджета, который не могут скрыть никакие бухгалтерские хитрости и манипуляции с перенесением расходов из одной части росписи в другую. Однако его замечание о том, что все должно быть принесено в жертву победному окончанию войны, было встречено аплодисментами только слева. Правые явно не желали жертвовать во имя победы не только «всем», но даже отчислениями с доходов имущих слоев по прогрессивной шкале. Посников призвал не понижать необлагаемый минимум доходов, установленный финансовой комиссией нижней палаты, что особенно тяжело сказалось бы на плательщиках в период войны и растущей дороговизны.

Выступая перед депутатами нижней палаты, министр финансов особо акцентировал их внимание на том, что подоходный налог является последним видом прямого обложения, который не был еще до сих пор использован Министерством финансов. В этом прозвучала нота оправдания перед правыми, как и в указании на то, что повышение ставок акцизов и новые виды обложения не дали казне ощутимого прироста поступлений, что вынуждает финансовое ведомство прибегнуть к прогрессивному обложению доходов. На прогрессивном характере налога министр финансов, тем не менее, настаивал, отвергая пропорциональный принцип. Прожиточный минимум, вопреки мнению думской финансовой комиссии, Барк считал необходимым понизить до 700 руб., но не привел в защиту своего требования особо веских аргументов, все же пообещав, «когда изменятся обстоятельства... вернуться к более высокому прожиточному минимуму». Барк высказался также за отмену вычетов из доходов акционерных обществ при взимании с них налога в связи с возможностью в этом случае двойного обложения. Двойное обложение в данном случае, полагал министр финансов, «далеко не всегда будет иметь место, а в тех случаях, когда будет встречаться, представит весьма пеструю картину обложения в зависимости от того, как велик вообще будет общий доход плательщика, у которого окажутся акции». Против прогрессивного характера обложения помещичьих доходов выступил в прошлом член фракции правых, а в IV Думе беспартийный Д.Н. Святополк-Мирский. В целом он повторил аргументы, высказанные ранее в финансовой комиссии Думы. Впрочем, отвечая Святополк-Мирскому, Посников заметил, что «такой человек едва ли заслуживает название гражданина», если он протестует против того, что «с него из 10 000 руб. возьмут... 200 руб.». Правые депутаты считали необходимым сократить необлагаемый минимум даже более, чем министр финансов, — до 600 руб. и сделать налог полностью прогрессивным, т. е. отказаться от перехода на опреде-

[182] Доклад по законопроекту о введении государственного подоходного налога [1915 г.]: Там же. Ф. 1278. Оп. 6. Д. 16. Л. 547–603 об.

[183] М.В. Родзянко — А.Н. Куломзину. 31 августа 1915 г.: Там же. Л. 797.

ленной стадии к пропорциональному обложению. Посников на это заметил, что 600-рублевый минимум сделает налог «одиозным». Что касается стотысячного порога для перехода к пропорциональному обложению, то такой порог, по словам Посникова, был избран потому, что «сто тысяч есть такой большой доход, что... на этой ступени ощущение всякой тягости шести процентов [налога] пропадает так, как пропадает у тех, кто получает миллионы». Политические оппоненты правых (меньшевик М.И. Скобелев) третировали проект, предлагая переименовать его в проект «освобождения крупного землевладения от подоходного обложения», они указывали, на то, что помещик может на основании законопроекта уйти от обложения, если исключит из облагаемой суммы до 15% своих расходов на мелиорацию.

При постатейном голосовании Дума отклонила предложение товарища председателя финансовой комиссии Н.А. Ростовцева об установлении особого необлагаемого минимума доходов акционерных предприятий (менее 3% дохода), как и требование А.А. Бубликова предоставить торгово-промышленному сословию те же льготы, что и землевладельцам, которые получали право списывать свои расходы на земельные улучшения. Отклонены были поправки правых Я.В. Кривцова и Маркова 2-го, первый предлагал установить 10-процентное обложение для доходов свыше 500 тыс. руб. второй — свыше 400 тыс. руб. Н.А. Ростовцев, поддержанный представителем Министерства финансов А.И. Николаенко, вновь предложил исключить статью о праве налоговых органов требовать от банков сведения об имуществе их клиентов, но остался в меньшинстве. «Сама жизнь кардинальным образом разбивает начало коммерческой тайны», — отвечал на это докладчик финансовой комиссии П.Н. Крупенский. Дума отклонила также формулу перехода трудовой группы, где указывалось на необходимость одновременно с введением подоходного налога отменить налоги косвенные[184].

10 августа 1915 г. параллельно с обсуждением законопроекта в Думе началось его рассмотрение в верхней палате. Докладчиком по проекту подоходного налога выступил Н.Н. Покровский, который представлял Министерство финансов при обсуждении законопроекта о подоходном налоге в финансовой комиссии III Думы, а теперь на время оставил коронную службу. В его докладе вновь подчеркивалось, что обращение правительства к проектам подоходного обложения всякий раз было связано с «особыми обстоятельствами», и в настоящий момент, несмотря на содержащиеся в докладе неоднократные указания на то, что подоходный налог вводится по стратегическим соображениям и станет основой преобразования всей налоговой системы, основные причины его введения — рост военных расходов при потере поступлений от винной монополии. Некоторые члены финансовой комиссии верхней палаты высказывали ставшие уже обычными сомнения в осуществимости этой меры при «низком культурном уровне нашего населения». К этим сомнениям прибавились новые — в своевременности введения подоходного обложения в условиях войны, разорения и застоя в экономике. Обращалось также внимание на то, что взимание нового налога потребует больших расходов, результаты же его введения в существующих условиях проблематичны. Тем не менее большинство финансовой комиссии отвергло эти возражения как не имеющие значения либо надуманные. В частности, возражение о низком культурном уровне налогоплательщиков парировалось указанием на то, что подоходным налогом будут облагаться наиболее состоятельные, а следовательно, и наиболее «культурные» слои общества.

---

[184] Государственная дума. Четвертый созыв: Стенографические отчеты. 1915 г. Сессия IV. Пг., 1915. Стб. 556–1005.

Сторонники подоходного налога постоянно апеллировали к успешному западноевропейскому опыту введения этого вида обложения как наиболее рациональному и учитывающему платежеспособность населения. По вопросу о кризисном состоянии экономики, в комиссии были высказаны надежды на скорый ее подъем в связи с ростом военных заказов. Комиссия верхней палаты предложила не затягивать процедуру принятия законопроекта и поставить его на голосование в том виде, в каком он поступил в верхнюю палату из Государственной думы. Недостатки же законопроекта, по мнению финансовой комиссии, можно будет исправлять уже после его принятия по ходу дела «соответственно указаниям опыта действия нового закона»[185].

Общее собрание Государственного совета приступило к обсуждению законопроекта о подоходном налоге 12 февраля 1916 г., сразу же после начала двенадцатой сессии верхней палаты. Докладчик законопроекта в Государственном совете А.В. Васильев, как и его коллега из Думы, назвал предлагаемый законопроект «важнейшим» из всех финансовых проектов, которые доводилось рассматривать верхней законодательной палате. Отметив «несовершенства» законопроекта, Васильев, тем не менее, призвал членов Государственного совета принять его, поскольку «только жизнь может указать те дефекты, которые этот законопроект в себе носит». П.Л. Барк обратил внимание членов верхней палаты на несовершенство всей системы прямого обложения в России, когда поземельный налог все еще основывается на раскладочном принципе, и при его взимании не принимаются в расчет задолженность и условия эксплуатации объектов обложения. Министр финансов добавил также, что местное обложение «еще менее удовлетворительно, чем государственное». Говоря о необходимости подоходного обложения, Барк подробно ответил критикам этого вида налогов. Несущественным аргументом министр финансов признал незначительное число потенциальных плательщиков налога (по данным 1910 г. — 0,4% населения империи не считая семей плательщиков), «инквизиционный» его характер, возможность занижения доходов в декларациях. «Отказаться от этих налогов (т. е. от подоходного обложения. — *С.Б.*) при тех огромных денежных требованиях, которые в настоящее время должны быть предъявлены к населению, значило бы идти на введение одних косвенных налогов, ибо усилить на крупные суммы прямое обложение путем примитивных прямых налогов, основанных на внешних признаках... невозможно без риска крупного недобора», — сказал он. В.М. Андреевский не без лукавства обратил внимание на «условия необычайной спешности» при введении подоходного обложения (законопроект был внесен в Думу в 1907 г.) и на то, что налог по большей части будет взиматься с собственников, хозяйство которых разорено войной, в связи с чем сомневался, что налог сразу же после его введения предоставит казне те средства, на которые она рассчитывает. Кроме того, Андреевский повторил обычные аргументы противников подоходного обложения о возможности злоупотреблений при его взимании, о неразвитости счетоводства и т.д. и предложил доработать законопроект, для чего образовать специальную комиссию. И.Г. Щегловитов назвал законопроект собранием «иллюзий самого разнородного характера». По мнению Щегловитова, необоснованно считать введение подоходного налога актом «справедливости», поскольку сам по себе он не облегчает налогового бремени малоимущих слоев общества и не сможет стать фундаментом преобразования налоговой системы, а останется лишь «дополнительною мерою», которая не принесет казне значительного дохода. Во всяком случае, как считал Щегловитов, такого дохода следует

---

[185] Доклад по делу о введении государственного подоходного налога. 10–18 августа 1915 г.: РГИА. Ф. 1278. Оп. 6. Д. 16. Л. 918–935об.

ожидать не ранее осени 1917 г. Взамен подоходного налога Щегловитов предлагал ввести единовременный сбор. Выступал Щегловитов и против ненавистного правым принципа прогрессивности. Ссылаясь на Каутского и прочих социалистических мыслителей, он указывал, что прогрессивность является конфискационной мерой с возможностью «растянуть конфискацию на десятки лет». Кроме того, прогрессивность сделает подоходный налог «налогом на бережливость». Налог, считал бывший министр юстиции, может носить только пропорциональный характер. И в том, что он становится пропорциональным только при доходах в 100 тыс. и выше, Щегловитов видел свидетельство «капитуляции» законодателей. Указывал Щегловитов и на отдельные, с его точки зрения, несуразности законопроекта, например, на обложение крестьянских общин как юридических лиц, когда крестьяне-общинники обязаны платить налог с доходов от земли, находящейся в общинном владении. Непонятны оказались оратору также санкции по отношению к юридическим лицам за обход постановлений о подоходном налоге. Неправомерным считал Щегловитов облагать не только фактически полученный, но и предполагаемый к получению доход.

Государственный контролер Н.Н. Покровский, возражая на тезис И.Г. Щегловитова о том, что, переходя при стотысячном уровне дохода к пропорциональному обложению, составители проекта «просто капитулировали», повторил аргументы Посникова, высказанные им в Думе. В.Н. Коковцов впоследствии вспоминал, что Покровский явился в Государственном совете организатором проведения законопроекта о подоходном налоге, выполняя указание царя, требовавшего, чтобы «этот вопрос был рассмотрен без замедления». Здесь Покровский, по словам Коковцова, как бы заменял министра финансов, который «просто боится правых, не хочет связывать себя с отстаиванием законопроекта и, конечно, не станет распинаться в пользу него, а предоставит все дело его естественному течению»[186].

Щегловитову ответил и его бывший преподаватель в Училище правоведения знаменитый ученый-юрист А.Ф. Кони, считавший, что подоходный налог необходим прежде всего не для военных целей, а для послевоенного восстановления страны. «Кому много дано, с того много и спросится», — заметил он. Неправомерным Кони считал указание своего бывшего ученика на невозможность привлечения юридических лиц к судебной ответственности, напомнив, что взыскания по суду будут нести «физические представители юридического лица». В.Н. Коковцов, полемизируя с Щегловитовым, обратил внимание присутствующих на то, что противники подоходного обложения не выдвинули против него каких-либо иных возражений, чем те, которые уже давно высказывались. Бывший председатель Совета министров сказал, что если не вводить подоходного налога, то основная тяжесть податного бремени будет и далее возлагаться на малообеспеченные слои общества. Кроме того, Коковцов полагал, что «только подоходный налог даст нам возможность... подсчитать наши достатки, наше богатство, все наше достояние...». В этом он видел роль подоходного налога в качестве основы преобразования всей системы налогообложения. Что касается покрытия военных издержек за счет подоходного налога, то здесь, с точки зрения Коковцова, существовала немалая возможность покрытия процентов по военным займам. Коковцов напомнил также Щегловитову время их совместной работы в правительстве И.Л. Горемыкина в 1906 г., когда министр юстиции не возражал против представленного финансовым ведомством проекта подоходного налога. Этот намек бывшего премьера на то, что бывший «либерал» Щегловитов из карьерных соображений перешел в стан правых, сам Щегловитов счел некорректным.

---

[186] *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания. 1903–1919 гг. Кн. 2. М., 1992. С. 330.

Будучи сторонником подоходного налога, в поддержку В.Н. Коковцова выступил М.М. Ковалевский. И.Х. Озеров, также защищавший законопроект, тем не менее заметил, что подоходный налог «есть продукт продолжительной культуры, когда население живет в дружбе со своим правительством и принимает участие во внутреннем управлении». Озеров заметил, что «если бы мы раньше провели подоходный налог, то... могли бы спокойно встречать дефицит в бюджете, который получился от упразднения казенной винной монополии». Озеров допускал, что подоходное обложение в перспективе может даже оказаться выгодным для крупного землевладения, представители интересов которого в наибольшей степени противились проведению в жизнь законопроекта. Озеров привел любопытное наблюдение о том, что подоходное обложение «заставляет оседать поземельный налог». В странах с высоким земельным обложением, например в Пруссии, аграрии переходили в стан сторонников подоходного обложения в связи усилением конкурентов новых экспортеров хлеба, прежде всего США. Подоходное обложение представлялось им приемлемой заменой все более обременительного налога на землю. Такие же страны, как Россия и Франция, потому и «запоздали» с введением подоходного налога, что поземельное обложение в них было необременительно.

Но речи сторонников подоходного налога не могли убедить тех, кто решил воспрепятствовать его введению. Предложение В.М. Андреевского о передаче законопроекта в комиссию на доработку поддержал А.А. Бобринский, сказавший буквально следующее: «...если передача законопроекта в комиссию может быть названа похоронами по первому разряду, то какими пышными похоронами явится не для законопроекта, а для самого принципа подоходного обложения принятие Государственным советом дефектного законопроекта». Бобринский упрекал сторонников немедленного принятия законопроекта в том, что им «с величайшим трудом и ухищрениями, под предлогом военной необходимости, удалось проволочить эту дефектную редакцию до последней инстанции, а вдруг тут, избави боже, вся эта механика рухнет и будет подвержена внимательной критике». И.Г. Щегловитов в ответ на все прозвучавшие в его адрес упреки заявил, что налог не годится для определения истинной ценности объектов реального обложения, что юридические лица не могут стать объектами уголовных взысканий и т. д. На том, что поправки в законопроекте необходимы, настаивал В.И. Гурко, подчеркивая прежде всего необходимость понижения необлагаемого минимума доходов даже ниже того, который выдвинул Марков 2-й, доведя до 500 руб. Только такой налог, по мнению Гурко, мог принести казне средства, необходимые для покрытия бюджетного дефицита. С той же целью, считал он, необходимо повысить порог перехода от прогрессивного обложения к пропорциональному. Выступая в верхней палате в качестве сторонника введения подоходного обложения немедленно, С.И. Тимашев прозрачно намекнул, что правые в Государственном совете желают своими проволочками просто провалить законопроект, поскольку передача его в комиссию на доработку не устранит тех принципиальных противоречий, которые разделили членов верхней палаты. Тимашева поддержал А.С. Ермолов. По мнению А.В. Васильева, для противников законопроекта основной его недостаток состоял в прогрессивности обложения, и он обвинил своих оппонентов в «групповом эгоизме», который «проявляется имущими классами, и защищают его (т. е. «групповой эгоизм». — *С.Б.*) консервативные партии».

При голосовании 53 члена Государственного совета высказались за передачу законопроекта на доработку в комиссию, 91 член — за переход к его постатейному рассмотрению при двух воздержавшихся. Среди противников рассмотрения законопроекта, кроме указанных выше, оказались Н.П. Балашов, А.Г. Булыгин, Н.Д. Голицын, А.А. Римский-Корсаков,

А.С. Стишинский, А.П. Струков, С.Д. Шереметев, А.А. Ширинский-Шихматов, а среди сторонников — В.И. Вернадский, И.Я. Голубев, сам председатель Государственного совета А.Н. Куломзин, А.Н. Наумов, С.Ф. Ольденбург, С.Д. Сазонов, Н.С. Таганцев, В.И. Тимирязев, А.Ф. Трепов, П.А. Харитонов, И.П. Шипов, Б.В. Штюрмер. При постатейном обсуждении законопроекта речь снова зашла об установлении нескольких необлагаемых минимумов, но все они были отвергнуты. 24 члена Государственного совета, среди которых были А.С. Стишинский, А.И. Лыкошин, В.М. Андреевский, И.Г. Щегловитов, А.И. Мосолов, выступили с предложением об установлении 500-рублевого необлагаемого минимума. Только «в более крупных городских поселениях, отличающихся особой дороговизною», предусматривался минимум в 1 тыс. руб. (составление списка таких поселений должно было возлагаться на министра финансов). В соответствии с мнением министра финансов верхняя палата установила необлагаемый минимум в 700 руб., соответствующая поправка была внесена В.Н. Коковцовым и В.И. Гурко. Выступая по этому поводу, министр финансов подчеркнул, что увеличение налогового бремени должно пойти прежде всего на выплату процентов по военным займам. Барк настаивал на необходимости облагать именно крупные доходы, которые зачастую тратятся непроизводительно. «Всем известно, что торговцы предметами роскоши никогда так не торговали, как в настоящее время», — указывал глава финансового ведомства. В.И. Гурко вновь предложил изъять из подоходного обложения акционерные общества и кредитные учреждения на том основании, что взимаемый с них дополнительный промысловый налог по сути и является подоходным налогом. Ему возражал А.В. Васильев, указав на то, что, изымая из обложения одних юридических лиц, закон сделал бы несправедливым обложение других. Для восстановления «справедливости» С.И. Тимашев предложил уменьшить подоходное обложение акционерных обществ. Его поддержал государственный контролер Н.Н. Покровский. Однако в конце концов данная поправка Гурко была отклонена, но зато прошла другая — об изъятии из подоходного обложения сельских и волостных обществ, за исключением их доходов от мирских капиталов и оброчных статей. Поправку же Тимашева об уменьшении обложения акционерных обществ поддержал министр финансов, и она в законопроект была внесена. Удовлетворив настояния И.Г. Щегловитова, Государственный совет изъял из обложения доходы, «причитающиеся к получению» до конца окладного года. Верхняя палата из состава учреждений, обязанных предоставлять налоговым органам сведения о своих клиентах, исключила банки.

Таким образом, солидарность в этом вопросе П.Л. Барка и общего собрания верхней палаты была очевидна. Представления в Государственный совет об изменении законопроекта о подоходном налоге делал и сам министр финансов П.Л. Барк. Он предлагал отменить с введением подоходного налога квартирный налог во всех городах и поселениях, кроме Петрограда и тех городов, где не взимался налог с городской недвижимости, но вскоре дезавуировал свое предложение. Впрочем, Коковцов вспоминал, что тогда «Барк почти не появлялся в [Государственном] совете». Оживленную дискуссию, как всегда, вызвал прогрессивный характер налога. А.А. Бобринский повторил свои аргументы, касавшиеся того, что прогрессивное обложение — «первый шаг в сторону ликвидации крупной собственности в России», а сам законопроект наносит ей «серьезный ущерб». Тем не менее В.Н. Коковцов считал слова Бобринского «крупным преувеличением». Озабоченный угрозой уменьшения поступлений от налога, министр финансов также отстаивал принцип прогрессивности. В том же духе высказывался И.Х. Озеров. В результате А.А. Бобринский и вся правая группа Государственного совета согласились на «усиление обложения состоятельных классов», когда по предложению министра финансов было решено облагать по максимальной ставке —

12,5% — доходы свыше 400 тыс. руб. В.И. Гурко предлагал облагать по максимальной ставке доходы свыше 60 тыс. руб., но затем снял свою поправку. При рассмотрении части законопроекта, в которой устанавливались органы, ответственные за взимание налога, А.П. Струков и Н.А. Маклаков предложили подчинить губернские присутствия по подоходному налогу губернатору, но их поправка была отклонена. Как сказал Н.Н. Покровский, ставить губернатора во главе налогового присутствия «крайне неудобно», поскольку «дело будет идти по пути неосведомленного руководства»[187]. Впоследствии В.Н. Коковцов вспоминал, что «при решительном голосовании статей почти все министры, состоявшие членами Государственного совета, не присутствовали в заседании Совета и не дали своими голосами никакого перевеса»[188].

Созданная для рассмотрения возникших разногласий согласительная комиссия собралась только в конце марта 1916 г. и приняла Соломоново решение установить необлагаемый минимум в 850 руб., в отношении же обязанности банков предоставлять фиску сведения о вкладчиках она так и не пришла к общему мнению. Большинство комиссии поддерживало думский проект и мнение финансовой комиссии верхней палаты, указывая на то, что если принять точку зрения общего собрания Государственного совета, то формально получится, что Государственный банк как правительственное учреждение будет вынужден предоставлять учреждениям фиска сведения о своих вкладчиках, а частные банки будут от такой обязанности избавлены. Кроме того, в согласительной комиссии палат окончательно было отвергнуто предложение И.Х. Озерова сделать налоговые декларации публичными[189]. 31 марта 1916 г. Дума утвердила доклад согласительной комиссии и присоединилась к мнению ее большинства по вопросу о банках. Таким образом, нижняя палата частично проигнорировала принципиальные дополнения министра финансов к законопроекту о налоге, на основе которой должна была строиться отныне вся фискальная система страны. 6 апреля 1916 г. законопроект о подоходном налоге был утвержден царем и стал законом[190]. В законе по сравнению с первоначальным проектом оказался измененным уровень доходов, не облагаемых налогом, уже пониженный в военном 1916 г. относительно уровня, установленного девять лет назад. Минимальный уровень обложения все эти годы имел тенденцию к понижению. В упоминавшемся представлении министра финансов он достиг порога в 700 руб. Противники его дальнейшего понижения указывали на то, что, охватывая малообеспеченные слои населения, и без того несущие тяготы многих, прежде всего косвенных налогов, подоходный налог отклоняется от своего основного предназначения — быть налогом, затрагивающим по преимуществу обеспеченных граждан. Противники низкого необлагаемого уровня доходов указывали на увеличение в этом случае технических сложностей расчета и взимания налога и, как следствие, на замедление поступлений от налога в казну. Тем не менее, стоя на узко фискальных позициях, министр финансов, судя по всему, не хотел считаться с социальными последствиями понижения уровня необлагаемых доходов. Кроме

---

[187] Государственный совет: Стенографические отчеты. 1916 г. Сессия XII. Пг., 1916. Стб. 68–781; Поправки к проекту закона о государственном подоходном налоге и к проекту положения о сем налоге [1916 г.]: РГИА. Ф. 1158. Оп. 1. 1916 г. Д. 3. Л. 959–988 об.; П.Л.Барк — С.Е. Крыжановскому. 23 февраля 1916 г.: Там же. Л. 949–952; П.Л. Барк — А.Н. Куломзину. Март 1916 г.: Там же. Л. 854.

[188] *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания. 1903–1919 гг. Кн. 2. С. 330–331.

[189] Заключение Особой комиссии... для рассмотрения возникших между Советом и Думою разномыслий по проекту закона о государственном подоходном налоге. 23–24 марта 1916 г.: РГИА. Ф. 1278. Оп. 6. Д. 16. Л. 942–952.

[190] Выписка из журнала Государственной думы. 31 марта 1916 г.: РГИА. Ф. 1278. Оп. 6. Д. 16. Л. 954; Закон о государственном подоходном налоге // СУ. 1916. Отд. I. № 106. Ст. 838.

того, можно предположить, что Барк добивался пониженного уровня в расчете на то, что он устанавливается на продолжительный срок и что впоследствии будет весьма затруднительно его увеличивать. Если в первоначальном варианте с обладателя дохода в 1 тыс. — 1 тыс. 100 руб. взималось 11 руб., и прогрессивная шкала возрастала до 1 млн руб., которые облагались налогом в 47 тыс. руб. с последующим переходом к 5-процентному пропорциональному обложению, то в окончательно варианте закона с дохода в 850–900 руб. взимался налог в 6 руб., возрастая до 48 тыс. руб., взимаемых с доходов в 390 тыс. — 400 тыс. руб. Более высокие доходы облагались дополнительным сбором в 1250 руб. с каждых 10 тыс. руб. Помимо этого, по сравнению с законопроектом в окончательном варианте закона был вдвое — с шести до трех лет, сокращен срок полномочий членов участковых присутствий по подоходному налогу. Еще до утверждения закона царем, в январе 1916 г. Барк представил в Государственную думу законопроект об ассигновании 500 тыс. руб. на расходы по введению подоходного налога (в два раза меньше, чем предлагали отпустить на эти цели 24 члена Государственного совета). Данные средства предназначались на увеличение числа податных инспекторов, усиление личного состава казенных палат и самого Департамента окладных сборов. В своем представлении министр указывал, что это всего лишь малая часть расходов, необходимых в данном случае, и что только соображения бюджетной экономии заставляют его ограничиться суммой, определенной на расходы по введению подоходного обложения еще в 1907 г.[191] По всей очевидности, отпущенных средств и в самом деле оказалось недостаточно, поскольку в Министерство финансов стали поступать ходатайства казенных палат о продлении сроков, необходимых в законе учреждениям и лицам для представления списков плательщиков подоходного налога. Списки необходимо было подать к январю 1917 г. Министр финансов своей властью продлил этот срок на один, а для некоторых предприятий на полтора месяца. В феврале 1917 г. товарищ министра финансов А.И. Николаенко сделал представление в Совет министров о наделении министра финансов в изменение Закона от 6 апреля 1916 г. полномочиями самостоятельно устанавливать сроки подачи списков плательщиков. 17 февраля 1917 г. Совет министров постановил передать это ходатайство на рассмотрение законодательных палат, а неделю спустя они были распущены[192].

Почти одновременно с введением подоходного обложения в России подоходный налог был введен в Великом княжестве Финляндском. Еще 2 сентября 1914 г. Положение Совета министров обязало финляндского генерал-губернатора и Финляндский сенат изыскать в связи с началом войны новые источники налогообложения. В декабре того же года сенат предложил ввести 5-процентный сбор с капиталов, хранящихся в банках, в июне 1915 г. — сбор с капиталов, выданных в ссуду под залог недвижимости. От увеличения 5-процентного подоходного налога в пользу общин с перечислением его части в общеимперскую казну Сенат воздержался, указав на то, что этот налог слишком «тяжел». В 1916 г. сенат предложил обложить «крупные доходы» физических и юридических лиц, насчитывавшие более 40 тыс. марок, 5-процентным сбором с увеличением его до 10% в случае, если доход превышал 200 тыс. марок. Из облагаемой суммы должна была изыматься прибыль от недвижимости в случае залога ее налогоплательщиком. Для банков и акционерных обществ сбор

---

[191] Представление П.Л. Барка в Государственную думу. 28 января 1916 г.: РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 222. Л. 4 об.–5 об.

[192] Представление А.И. Николаенко в Совет министров. 6 февраля 1917 г.: РГИА. Ф. 1276. Оп. 13. Д. 67. Л. 31–36 об.; Н.Д.Голицын — А.И.Николаенко. 19 февраля 1917 г.: Там же. Л. 37.

понижался наполовину в связи с тем, что они уплачивали 5-процентный сбор в пользу статного фонда. Предполагалось, что казна получит от нового налога 5 млн марок [193].

Однако введение подоходного налога как в Финляндии, так и в других частях Российской империи не оправдало ожиданий, которые на него возлагались. Сначала власти просто не успели воспользоваться результатами нового закона. Советской же власти достался в наследство крайне расстроенный механизм государственного управления, не способный обеспечить взимание подоходного налога в необходимых размерах, хотя сама Советская власть от подоходного принципа обложения не отказалась. Декретом от 24 ноября 1917 г. о взимании прямых налогов подтверждался Закон от 12 июня 1917 г., изданный Временным правительством в развитие Положения от 6 апреля 1916 г., и были установлены сроки внесения подоходного налога. Для рабочих национализированных предприятий предусматривалось взимание налога путем его удержания из заработной платы. Декрет от 23 сентября 1918 г. внес в Закон о подоходном обложении некоторые существенные изменения, которые расширили облагаемую базу доходов плательщиков. Тем же декретом вводилась предложенная в свое время И.Х. Озеровым публичность окладных списков. На основании Декрета от 21 января 1919 г. при сельских и областных исполкомах были образованы особые комиссии по взиманию подоходного налога, что имело целью привлечь к подоходному обложению как можно более широкие слои сельского населения. Постановление от 27 марта 1919 г. возродило принцип установления дифференцированных необлагаемых минимумов доходов, разделив все губернии и области РСФСР на четыре категории с необлагаемым минимумом доходов населения от 3 до 6 тыс. руб. Однако реальные результаты всех этих мероприятий были минимальны. Поступления от подоходного налога не окупали даже содержание органов по его взиманию, и в декабре 1919 г. действие подоходного налога было приостановлено. Вновь подоходное обложение было введено уже во времена нэпа Декретом от 23 ноября 1922 г.[194]

* *
*

Реформа фискальной системы, проводившаяся правительством с 1914 г., затронула практически все формы налогообложения. Можно сказать, что по своему охвату это была наиболее радикальная налоговая реформа за весь период существования Российской империи, тем более, что проведена она была в течение трех лет. Никогда до этого русская налоговая система не изменялась так быстро и таким коренным образом, как в 1914–1916 гг. Причиной, разумеется, были чрезвычайные обстоятельства первой мировой войны. Постепенность — быть может, чрезмерная — модернизации фискальной системы, которой придерживалось правительство на протяжении всего XIX и первых лет XX в., вынудила власти в спешном порядке увеличивать налогообложение. Однако архаизм русской налоговой системы реформа затронула лишь в незначительной степени. Основой этой системы продолжа-

---

[193] Представление Финляндского Сената. 7 марта 1916 г.: Там же. Оп. 18. Д. 592. Л. 3–9; Всеподданнейший доклад статс-секретаря Великого княжества Финляндского В.И. Маркова. 26 марта 1916 г.: Там же. Л. 13–15.

[194] Декрет о взимании прямых налогов. 24 ноября 1917 г. // Сборник узаконений и распоряжений временного рабочего и крестьянского правительства. За период Октябрь — Декабрь 1917 года. Пг., 1917. С. 68–70; Декрет о порядке исчисления доходов, подлежащих обложению государственным подоходным налогом. 23 сентября 1918 г. // Декреты Советской власти. Т. 3. М., 1964. С. 364–366; Декрет СНК об изменении положения о подоходном налоге в отношении сельского населения. 21 января 1919 г. // Декреты Советской власти. Т. 4. М., 1968. С. 308; Постановление СНК о размерах подоходного налога за 1919 г. и о распределении его по губерниям. 27 марта 1919 г. // Там же. С. 525–527; *Болдырев Г.И.* Подоходный налог на Западе и в России. С. 197–202.

ли оставаться косвенные налоги. Проводимые в этой области меры, нося вынужденный характер, имели целью компенсировать падение поступлений от налогов в связи с хозяйственными трудностями военного времени (особенно первых лет войны) и заполнить лакуну, которая образовалась в доходной части ординарного бюджета после отмены винной монополии и запрета продажи спиртных напитков. Эта мера, вызванная к жизни перипетиями политической борьбы в «верхах», носила явно демагогический характер и не могла принести никаких положительных результатов.

Поскольку уменьшения бюджетных доходов удалось избежать, формально налоговая реформа военных лет принесла свои плоды, однако резкое повышение практически всех налоговых ставок и введение новых видов обложения не могли не породить социальной напряженности, особенно в низших слоях общества, на которые в первую очередь ложилось налоговое бремя. Предпринимательские круги также имели основания быть недовольными теми фискальными мерами, которые осуществляло правительство. К тому же политика в области налогообложения достаточно часто была непоследовательна и противоречива. Попытки Министерства финансов выработать план налоговых мероприятий в начале войны и впоследствии в 1916 г., избирательно подходя к увеличению ставок разных видов налогов, разбивались о действительность, которая требовала немедленного поступления в бюджет значительных средств. Идя в фискальной области по пути усиления государственного вмешательства в экономику, власти все же не решились ввести вместо отмененной винной монополии новые виды казенных монополий и выйти за пределы «рыночных» отношений, основанных на конкуренции и частной инициативе. В этой области оппонентами Министерства финансов были крупнейшие ученые-экономисты, многие из которых выступали за монополизацию казной торговли некоторыми продуктами и товарами и даже за монополизацию их производства. Долгая дискуссия по вопросу о введении подоходного обложения, которое было призвано изменить всю фискальную систему, сделать ее более гибкой и дать ей более прочное основание, весьма наглядно продемонстрировала неготовность высших слоев общества к какому-либо компромиссу, если он затрагивал их имущественные интересы. Даже накануне краха Российской империи владельцы миллионных состояний не желали поступиться даже небольшой частью своих доходов. В этом с ними были солидарны представители предпринимательских кругов, которые решительно выступили против обложения военных прибылей, несмотря на то, что эти прибыли давало им выполнение казенных заказов за счет государственного бюджета.

среднем почти на год, и к концу 1916 г. она не успела еще полностью ревизовать расходы за 1914 г. Это было неудивительно, если учесть, что Комиссии была подотчетна 21 тыс. различных учреждений. К декабрю 1916 г. сумма «излишних и неправильных расходов», выявленных Комиссией, достигла 9 млн руб. Они относились к сдаче остатков сумм, отпущенных для проведения мобилизации, вырученных от продажи военного имущества, сумм на довольствие войск, к расходам по перевозке грузов и т. д. Тогда С.Г. Федосьев предлагал упростить процедуру ревизии военных расходов, а также требовал расширить состав самой Комиссии, штат которой насчитывал всего около 1 тыс. человек[6].

Временная ревизионная комиссия контролировала расходы Морского Министерства, и государственный контролер П.А. Харитонов полагал нецелесообразным возлагать на нее ревизию расходов Военного министерства. Поскольку большинство расходов Морского министерства осуществлялось за счет его ординарных смет[7], государственный контролер считал более удобным оставить ревизию этих расходов в Государственном контроле, распространив на него полномочия, предоставленные Временной ревизионной комиссии[8]. Однако уже в сентябре 1915 г. на заседании Совещания под председательством А.П. Зеленого представители Министерства финансов и Государственного контроля высказались за необходимость ревизии расходования Морским министерством средств из военного фонда подобно тому, как это делалось в Военном министерстве. Представители самого Морского министерства в Совещании, не возражая «по существу» против предлагаемой меры, указывали на то, что ревизия может оказать «неблагоприятное влияние на срочность производства платежей». С течением времени представители финансового и контрольного ведомств в Совещании стали все больше внимания обращать на не использованные Морским министерством кредиты, сумма которых к началу ноября 1915 г. составила, по сведениям указанных ведомств, 96 318 080 руб., а по подсчетам самого Морского министерства — 50 677 674 руб. Морское министерство объясняло наличие неизрасходованных кредитов «главным образом задержкою в исполнении некоторых работ». Кроме того, указанные ведомства обращали внимание Совещания на то, что Морское министерство вносит в перечень кредитов из военного фонда ассигнования, которые «не имеют... характера потребностей исключительно военного времени», в частности на сооружение портов, тогда как последние ассигнования должны были осуществляться за счет ординарного бюджета[9].

Постепенно сфера ассигнований из военного фонда расширялась. Например, в рескрипте И.Л. Горемыкину Николая II от 5 марта 1915 г. говорилось о необходимости «изыскать дальнейшие меры к усилению деятельности фабрик и заводов... хотя бы и за счет военного фонда, имея в виду, что рассчитывать на скорый исход войны не следует»[10]. Несколько месяцев спустя П.Л. Барк направил императору доклад «О расходах, вызванных войною 1914–1915 гг. в России и за границею и источниках для их покрытия», в котором приводил следующие цифры: к 1 мая 1915 г. на военные расходы ассигновано чрезвычайных сверхсметных кредитов на сумму 5 108 702 тыс. руб., при том, что не освоенными к этому времени

---

[6] Представление П.А. Харитонова в Совет министров. 8 декабря 1914 г.: Там же. Д. 324. Л. 22–24; Представление С.Г. Федосьева в Совет министров. 5 декабря 1916 г.: Там же. Оп. 12. Д. 582. Л. 16–15.

[7] См. главу II.

[8] Представление П.А. Харитонова в Совет министров. 18 апреля 1915 г.: РГИА. Ф. 1276. Оп. 11. Д. 304. Л. 7–8.

[9] Журнал Междуведомственного совещания для предварительного рассмотрения перечня чрезвычайных сверхсметных кредитов, испрашиваемых Морским министерством на расходы, вызываемые войною. 15, 16 сентября 1915 г.: РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 5575. Л. 103–110; Журнал... 4, 6 ноября 1915 г.: Там же. Л. 135–146 об.; Журнал... 9 января 1916 г.: Там же. Л. 152–155.

[10] Рескрипт Николая II И.Л. Горемыкину. 5 марта 1915 г.: РГИА. Ф. 1276. Оп. 11. Д. 979. Л. 69–70.

остались 717 422 тыс. руб.; среднесуточные военные расходы составляли в это время примерно 15 млн руб. Основным источником покрытия расходов являлся выпуск краткосрочных казначейских обязательств, учитываемых Государственным банком. Что касается военных расходов других воюющих стран, то Барк отмечал, что военные расходы Франции составили к середине декабря 1914 г. 6 829 683 тыс. фр. Они также в основном покрывались за счет выпуска краткосрочных обязательств казначейства. Однако в отличие от России французское правительство не решалось прибегнуть к увеличению налоговых ставок, а также отсрочило введение подоходного налога. Военные расходы Англии составили к 1 апреля 1915 г. 359 786 тыс. ф. ст. Английское правительство, напротив, усилило налогообложение: был удвоен подоходный налог, значительно выросли акцизы и пошлины, что вместе с тем не исключало выпуска казначейских обязательств. В Германии военные расходы достигли к 1 апреля 1915 г. около 11 млрд марок, но немецкое правительство, не увеличивая налогов, перешло к займам и ссудам из Рейхсбанка[11].

О военных расходах России с начала войны до 15 ноября 1915 г. можно судить по таким данным[12]:

Период	*млн руб.*
В течение 1914 г.	1 657,0
1915 г.	
Январь	644,6
Февраль	896,8
Март	514,9
Апрель	678,0
Май	495,0
Июнь	567,0
Июль	633,5
Август	913,9
Сентябрь	719,8
Октябрь	1 055,0
1–15 ноября	236,0
Итого	9 011,8

К 1 января 1916 г. на военные надобности по всем ведомствам было ассигновано кредитов на 11 920,9 млн руб., из них к этому сроку израсходовано 10 588 млн р.[13] Рост не подотчетных Думе военных расходов, как уже отмечалось, вызывал беспокойство депутатов нижней палаты. 12 февраля 1916 г. Б.В. Штюрмеру и П.Л. Барку был направлен запрос 35 депутатов Государственной Думы, подписанный в том числе И.В. Годневым, А.И. Шингаревым, В.В. Шульгиным, П.Н. Милюковым, Ф.И. Родичевым, И.С. Клюжевым. В запросе указывалось, что чрезвычайные кредиты на военные цели открываются в обход правил от 8 марта 1906 г. и Закона от 26 февраля 1890 г. на основе «нигде не обнародованных, а потому

[11] О расходах, вызванных войною 1914–1915 гг. в России и за границею и источниках для их покрытия [1915 г.]: ГАРФ. Ф. 627. Оп. 1. Д. 72. Л. 1–8 об.

[12] Ведомость действительных расходов военного времени [1915 г.]: РГИА. Ф. 1158. Оп. 1. 1916 г. Д. 63. Л. 518.

[13] Начальник бухгалтерского отдела Департамента государственного казначейства С.А. Голованов — помощнику статс-секретаря Государственного совета Л.Е. Фельдману. 30 января 1916 г.: РГИА. Ф. 1158. Оп. 1. 1916 г. Д. 63. Л. 523.

не имеющих никакой силы закона и действия правил, скрепленных 9 августа 1914 г. председателем Совета министров Горемыкиным и подписанных военным министром Сухомлиновым»[14]. На закрытом заседании Думы 25 марта 1916 г. центрист Б.А. Энгельгардт обращал внимание своих коллег по нижней палате на то, что Германия израсходовала в течение пяти предвоенных лет на военные нужды около 2 млрд руб., тогда как Россия — примерно 3 млрд руб., между тем «всем прекрасно известно, что германская армия оказалась лучше оборудована всем необходимым... нежели мы»[15].

Тогда же беспокойство ростом ассигнований на военные нужды высказывалось и в бюрократических кругах, которые подходили к этой проблеме с другой стороны. Совет министров на заседании 18 марта 1916 г. подчеркивал «непомерный рост цен по военным заказам» и указывал на то, что, «поощряемая огромными выгодами, связанными с военными заказами, работающая на государственную оборону промышленность устанавливает такие расценки... с которыми, силою вещей, приходится считаться и всем остальным промышленным предприятиям, равно как и казенным заводам». Совет министров обвинил Особое совещание по обороне, разрешающее такие заказы, в том, что входящие в его состав «представители промышленности и торговли, а также банковских кругов» непосредственно заинтересованы в прибыльности финансируемых ими предприятий, что «не дает, конечно, уверенности в надлежащем бережливом отношении к средствам казны», а голос финансового ведомства и Государственного контроля не имеет в нем «решающего значения». Кроме того, Совет министров обращал внимание на то, что вопреки предписанию правил от 9 августа производить чрезвычайные ассигнования Военному министерству в виде авансов на четырехмесячный период в действительности Совет министров при рассмотрении его смет зачастую «имеет дело с перечнями, обнимающими потребности минувших уже месяцев и предусматривающими нередко мероприятия, фактически уже осуществленные. При таких условиях в большинстве случаев утрачивается самый смысл обсуждения [в Совете министров] тех или иных по военному ведомству начинаний». В качестве меры, призванной изменить сложившийся порядок, Совет министров обязал военного министра представлять сведения о планируемых военных расходах до их передачи в Особое совещание по обороне. В ответ военный министр Д.С. Шуваев указал, что «для сокращения расходов казны Особое совещание ничего существенного сделать не могло», предлагаемый же в журнале Совета министров порядок «вряд ли избран правильно», поскольку, не отразившись на ценах, он приведет к замедлению исполнения заказов. В свою очередь, военный министр предлагал установить «предел прибыли по военным заказам в размере определенного числа процентов к себестоимости». Однако сам Шуваев признавал трудность установления себестоимости заказов[16].

3 мая 1916 г. под председательством товарища государственного контролера А.И. Маликова, который замещал в это время назначенного главой русской делегации на парижской экономической конференции государственного контролера Н.Н. Покровского, состоялось заседание Особого совещания по вопросу об организации проверки расходов, вызванных обстоятельствами военного времени. Образование этого Особого совещания было вызвано указанием Государственного совета, сделанным при рассмотрении росписи на 1916 г., когда верхняя палата обратила внимание на необходимость «своевременной и основательной»

---

[14] Запрос 35 депутатов Государственной думы. 12 февраля 1916 г.: Там же. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1033. Л. 3.

[15] Закрытое заседание Государственной думы 25 марта 1916 г.: Там же. Д. 247. Л. 90.

[16] Особый журнал Совета министров. 18 марта 1916 г.: Там же. Ф. 1276 Оп. 12. Д. 1077. Л. 134–137; Д.С. Шуваев — Б.В. Штюрмеру. 25 марта 1916 г.: Там же. Л. 138–139.

ревизии военных расходов. Особое совещание должно было также составить «общий отчет» по таким расходам. Совещание подчеркивало необходимость «полной самостоятельности» полевых контрольных учреждений, которые «в своих ревизионных действиях... непосредственно подчинены лишь государственному контролеру». В качестве примера указывалось на то, что сумма расходов Северного фронта, исчисленная в 500 млн руб., была «вследствие частью преувеличенности, а частью неправильности исчислений» сокращена полевым контролером на 20%. В отношении расходов гражданских ведомств прежде всего было указано на 700–800 млн руб., израсходованных на выдачу пайков солдатским семьям. В связи с ним отмечалось, что «ввиду обширности по объему отчетного материала для своевременного производства такой ревизии потребовалось бы испросить особые суммы на усиление средств казенных палат». Второе место по сумме занимали расходы Земского и Городского союзов (около 480 млн руб.), для ревизии которых, по мнению Совещания, также «потребуются денежные ассигнования»[17]. Третье место в перечне чрезвычайных расходов гражданских ведомств занимали расходы на заказ подвижного состава и рельсов (350 млн руб.), далее — около 200 млн руб. — на оказание помощи беженцам. Среди «довольно больших» (до 100 млн руб.) были названы расходы Особых совещаний по топливу и продовольствию. В Государственном контроле жаловались, что правила ревизии этих расходов «являются скорее правилами об организации ревизионного наблюдения». Кроме всех перечисленных сумм было истрачено 50 млн руб. на выдачу ссуд эвакуированным предприятиям и до 20 млн руб. на эвакуацию скота из районов боевых действий. Этот перечень был далеко не полным. Совещание отмечало, что «из перечисленных групп очень многие расходы хотя и покрываются за счет военного фонда, но собственно не имеют прямого отношения к войне»[18].

Подобного рода ситуация сложилась и в отношении военных расходов по гражданским ведомствам. В июле 1916 г. Совещание В.В. Кузьминского признавало, что «при крайней спешности дела для Министерства финансов чрезвычайно затруднительно разбираться в подробностях каждого ассигнования», но «в начале войны не предполагалось, что она может принять столь длительный характер, и ожидалось, что военные расходы могут затрагивать сметы гражданских ведомств в сравнительно незначительных суммах». Смешение разных по своему назначению кредитов, открываемых в пределах одного параграфа сметы, приводило к тому, что «одни кредиты остаются неиспользованными, тогда как другие... расходуются не по прямому своему назначению». Однако возможность обращать не использованные остатки кредитов на новые нужды была связана с необходимостью «передвигать остатки кредитов из параграфа в параграф, между тем как права на такое передвижение

---

[17] 10 июля 1916 г. было утверждено Положение Совета министров по контролю за расходами Земским и Городским союзами предоставленных в их распоряжение казенных средств. Контроль должен был осуществляться особой комиссией под председательством генерал-контролера Департамента гражданской отчетности Государственного контроля С.А. Гадзяцкого (Всеподданнейший доклад Н.Н. Покровского 25 июля. 1916 г.: Там же. Ф. 576. Оп. 1. Д. 96. Л. 71). В начале войны, когда Барк предлагал, чтобы отпуск Земскому и Городскому союзам казенных средств обусловливался правом ревизии их расходования со стороны Государственного контроля, министру финансов возразил сам государственный контролер, отметив, что общественные организации имеют свою собственную контрольную систему, а двойной контроль был бы «громоздким» и «непрактичным». Кроме того, подобное увеличение контрольных функций было бы просто не по силам этому ведомству (*Барк П.Л.* Воспоминания // Возрождение. 1966. № 169. С. 74–75).

[18] Журнал Особого совещания по вопросу об организации поверки расходов, вызванных обстоятельствами военного времени. 3 мая 1916 г.: РГИА. Ф. 576. Оп. 1. Д. 492. Л. 1–22.

Совету министров не предоставлено», что, впрочем, относилось только к кредитам, проведенным через законодательные учреждения[19].

Военные расходы России на 1 сентября 1917 г. характеризуют данные, опубликованные в сентябре 1917 г. на страницах «Торгово-промышленной газеты»:[20]

Статьи расходов	*млн руб.*
На содержание армии	30 944,6
На содержание флота	2 057,9
На пайки солдатским семьям	3 264,1
На помощь беженцам	569,5
На развитие почтово-телеграфных учреждений	122,4
На строительство новых железных дорог	369,3
На усиление существующих железных дорог	1 172,7
На заказ паровозов и вагонов	617,6
На оборудование портов	115,2
На оборудование водных и шоссейных путей	79,7
На прочие надобности	2 079,7
Итого	41 392,7

Таким образом, на 1 сентября 1917 г. общая сумма военных расходов, по оценке «Торгово-промышленной газеты», составила 41 392,7 млн руб. Разумеется, сведения газеты представляли собой экспертные оценки, не претендующие на абсолютную точность. Рассчитывая военные расходы на душу населения и на одного солдата, Центральное статистическое управление представило несколько иные данные (см. табл. 96).

Скорее всего, несоответствие объяснялось неопределенностью самого термина «военные расходы» и неясностью номенклатуры подобных расходов. Как отмечалось выше, контрольное ведомство не справлялось с ревизией военных расходов и не могло представить каких-либо определенных данных о том, как были потрачены ассигнования из военного фонда, само существование и размеры которого разрушили единство русского бюджета и сделали контроль Думы над его расходами еще менее значимым, чем до войны.

2. Казенное финансирование промышленного производства

Промышленное производство в годы первой мировой войны, пожалуй, один из наиболее изученных аспектов экономического положения России в этот период[21], тем не менее

[19] Журнал Междуведомственного совещания для рассмотрения проектов представлений гражданских ведомств в Совет министров об ассигновании чрезвычайных сверхсметных кредитов на расходы военного времени. 23 июля 1916 г.: Там же. Ф. 1414. Оп. 1. Д. 9. Л. 334–336 об.

[20] О положении государственного казначейства // Торгово-промышленная газета. 1917. 13 сентября.

[21] Историографические проблемы, связанные с исследованием промышленности в годы первой мировой войны, весьма обстоятельно освещались в свое время К.Н. Тарновским (см.: *Тарновский К.Н.* 1) Советская историография российского империализма. М., 1964; 2) Социально-экономическая история России. Начало XX в. Советская историография середины 50-х — начала 60-х годов. М., 1990). Ниже указаны либо наиболее значительные работы по этой проблематике, либо исследования, опубликованные в последние годы: *Кафенгауз Л.Б.* Эволюция промышленного производства России (последняя треть XIX в. — 30-е годы XX в.). М., 1994. С. 172-213; *Сидоров А.Л.* 1) К вопросу о строительстве казенных военных заводов в России в годы первой мировой войны // Исторические записки. Т. 54. М., 1955. С. 156–169; 2) Экономическое положение России в годы первой мировой

правительства в области железнодорожного строительства. Кризис на транспорте ни у кого не вызывал сомнения и имел объективные причины, связанные в первую очередь с недостаточным развитием железнодорожной сети и невозможностью в полной мере финансировать ее ускоренное развитие в военных условиях. Этот кризис, который явился, пожалуй, наиболее ярким и наглядным выражением неспособности властей справиться с нараставшими хозяйственными трудностями, стал одним из основных предлогов для критики правительственного курса оппозицией. 20 февраля 1917 г. 35 членов верхней палаты, среди которых были А.И. Гучков, П.П. Рябушинский и И.Х. Озеров, обратились на основании ст. 36 Учреждения Государственного совета к премьер-министру Н.Д. Голицыну и главам путейского, земледельческого и торгово-промышленного ведомств с запросом о том, какие меры предполагает принять правительство для обеспечения армии и страны продовольствием и топливом, а промышленности — сырьем. Внимание премьер-министра и глав ведомств обращалось главным образом на расстройство железнодорожного транспорта, дошедшее «до степени государственного бедствия», когда хлеб не развозится на места, а на мельницах по причинам перебоев в перевозках отсутствует зерно, когда установленный Особым совещанием по перевозкам минимальный наряд на перевозку топлива и керосина не выполняется, железные же дороги едва могут доставить топливо для своих собственных нужд. Причина, указывавшаяся в запросе, в прежние годы была традиционна для представителей нижней палаты, т. е. «разобщение» власти с «народом», которая сама находится в «полном параличе»[245]. События предреволюционной сессии Государственного совета также свидетельствовали о том, что в верхней палате усиливались оппозиционные настроения. О том, насколько лучше могло стать состояние железнодорожного транспорта, если бы власть, находящаяся в «параличе», объединилась с «народом», в запросе ничего не говорилось.

Особенно транспортный кризис обострился накануне февральских событий. Увеличивался недогруз различных видов сырья, топлива и продовольствия, железные дороги все менее справлялись с растущим спросом на перевозки. Преимущество, которое в течение всего военного периода оказывалось военным грузам перед грузами, удовлетворяющими потребности тыла, привело к тому, что ослабленный тыл все в меньшей степени был способен снабжать армию вооружением, продовольствием и вообще всем необходимым.

На протяжении всего периода войны правительство пыталось разрешить финансовые проблемы железнодорожного хозяйства, но все попытки только расстраивали его, а трудности нарастали быстрее, чем власти справлялись с ними.

6. Падение покупательной способности рубля. Переход к политике предельных цен

Расширение эмиссионного права Государственного банка[246] и наводнение страны бумажными деньгами, которые теряли свое товарное обеспечение в условиях начавшегося с 1914 г. падения производства практически во всех хозяйственных отраслях, явилось одним из факторов роста цен на товары. Быстрый рост дороговизны, прежде всего на основные виды сырья и предметы первой необходимости, очень скоро стал в России одной из главных примет военного времени. Мероприятия правительства, которое пыталось воспрепятство-

---

[245] Запрос 35 членов Государственного совета председателю Совета министров и министрам путей сообщения, земледелия и торговли и промышленности. 20 февраля 1917 г.: Там же. Оп. 13. Д. 46. Л. 11–12.

[246] См. с. 235–251.

вать росту цен, пожалуй, в раной мере могут быть отнесены к сфере финансовой и торгово-промышленной политики. Однако выделить финансовую составляющую мер борьбы властей с падением покупной способности рубля представляется весьма значимым, тем более, что дороговизна сама по себе оказала весомое влияние на всю финансовую политику правительства. Уже в самом начале войны, 31 июля 1914 г., Министерство внутренних дел разослало губернаторам циркуляр, в котором им предписывалось «озаботиться изданием... обязательных постановлений, регулирующих цены на предметы первой необходимости и использовать всю полноту... власти для борьбы со спекуляцией», результатом чего явилось введение различных, зачастую не согласованных друг с другом такс на различные продукты и товары. Тогда же министром финансов были установлены предельные цены на табак, махорку (в фунтах), сигары, папиросы (в штуках) и прочие табачные изделия[247], что, по сути дела, явилось началом политики централизованного таксирования цен на предметы массового спроса, как обложенные, так и не обложенные акцизом.

На циркуляр Министерства внутренних дел вскоре отреагировало торгово-промышленное ведомство. 19 сентября 1914 г. министром торговли и промышленности было направлено в Совет министров представление «По вопросу о порядке выработки нормальных цен на продукты и товары». С.И. Тимашев обращал внимание на жалобы, поступающие не от потребителей товаров, а от крупных промышленников и биржевых деятелей, возмущенных «местными начальниками», т. е. губернаторами, которые своими обязательными постановлениями устанавливают цены на продукты и товары ниже тех, по которым товары отпускаются торговцам производителями. Министр торговли и промышленности указывал также на начало общего повышения цен на товары в связи с неблагоприятной конъюнктурой. В торгово-промышленном ведомстве опасались, что производимая на местах таксация может вызвать перебои в поставках товаров и подхлестнуть рост цен, который уже давал о себе знать. Тимашев предлагал передать полномочия по нормировке цен местным биржевым комитетам, к которым должны будут обращаться губернские власти прежде чем устанавливать предельные цены. Тимашева поддержал военный министр В.А. Сухомлинов. Вопрос рассматривался в Совете министров 23 сентября 1914 г. Соглашаясь в принципе с предложениями Тимашева, Совет, из опасения усилить влияние на местах биржевых комитетов, отмечал, что представляемые этими комитетами заключения «не должны, конечно, иметь обязательного значения для нормирующих цены... учреждений и должностных лиц»[248].

Тогда же, в сентябре 1914 г., Обществом имени А.И. Чупрова при Московском университете была образована комиссия для изучения связанных с войной финансовых мероприятий. Уже в начале 1915 г. она перешла к изучению проблем дороговизны. Результатом ее деятельности стали выпущенные тогда же «Труды», в которых приняли участие многие выдающиеся экономисты — С.Н. Прокопович, П.П. Гензель и др.[249] Вскоре, в 1915 г., Союзом городов была опубликована «Анкета о дороговизне», составленная на основании материалов, присланных к тому времени общественными городскими властями, которые отвечали на вопросы анкеты, разосланной Союзом городов. В большинстве городов начало вздорожания продуктов первой необходимости относилось к первым месяцам войны (июль

[247] О сроке и условиях введения... закона 27 июля 1914 года и расширения предельных продажных цен на табачные изделия // СУ. 1914. Отд. I. № 210. Ст. 2106.

[248] Представление С.И. Тимашева в Совет министров. 19 сентября 1914 г.: РГИА. Ф. 1276. Оп. 10. Д. 27 Л. 2–2 об.; Особый журнал Совета министров. 23 сентября 1914 г.: Там же. Л. 9–9 об.

[249] Труды Комиссии по изучению современной дороговизны. Вып. 1–4. М., 1915.

:вгуст 1914 г.). Это усугубило действие «естественных» негативных факторов, влиявших на ценообразование, и парализовало влияние факторов благоприятных (см. табл. 105).

Наибольший рост был характерен для цен на продукты и предметы обихода (см. табл. 107). Скорое начало и быстрый рост дороговизны отмечались прежде всего в крупных городских центрах, распространяясь затем остальные города. В большинстве случаев дороговизна не затрагивала отдельные виды товаров, а сразу же приобретала всеобщий характер. Параллельно с ростом цен ощущалась нехватка продуктов и товаров, отчасти как следствие вводимого местными коронными властями таксирования цен. Положение складывалось таким образом, что центры мукомольной промышленности испытывали нужду в муке, центры производства сахара — в сахаре и т. д.

В числе основных причин роста дороговизны городские власти называли расстройство транспорта и, главное, движения по железным дорогам. Возникли такие явления, как, например, «плата за подачу вагонов». Другой важной причиной роста цен называли увеличение спроса, причем не только со стороны Военного министерства[250], но и частных лиц, прежде всего беженцев. Военное министерство платило за продовольствие и фураж завышенные, устанавливаемые поставщиками цены и тем самым способствовало их общему росту. К росту цен вели сами меры властей по его сдерживанию. К числу таких мер в первую очередь относился запрет вывоза продовольствия за пределы той местности, где оно производилось[251]. Такие меры осуществлялись в основном в прифронтовых губерниях и были вызваны опасениями недопоставок армии продовольствия и фуража. Однако постепенно запрет на вывоз продовольствия, фуража и топлива стал практиковаться и в тыловых губерниях, где он оправдывался задачей обеспечить местное население необходимыми товарами. Среди причин роста цен, хотя и не основных, городскими властями назывались также вздорожание и нехватка рабочих рук, повышение налогов, стеснение кредита, падение курса рубля. Особой причиной роста цен на продукты и товары считалась спекуляция. Но на спекуляцию как значительную причину дороговизны указывала только четверть городских управлений, ответы которых были переданы в Союз городов. К тому же действие спекуляции они признавали только в начальный период войны. По данным того же опроса, городские власти считали спекуляцию производной от «объективных» причин дороговизны, растущей в условиях

---

[250] Председатель Экономического совета Главного управления Союза городов В.Г. Громан именно в закупочной операции для армии и методах, которыми она проводилась, видел основной фактор роста цен на сельскохозяйственные продукты (см.: *Громан В.Г.* Исследование ценообразующих факторов в год войны // Там же. Вып. 1. С. 356). Одновременно сам же Громан ставил вопрос о введении «централизованной разрешительной системы перевозок хлеба на всей территории страны, установлении твердых оптовых и розничных цен, нормировании потребления продуктов и установления полного контроля над их распределением между торговцами и потребителями» (см.: *Островский А.В.* Государственно-капиталистические и кооперативные тенденции в экономике России: 1914–1917 гг. // Россия и первая мировая война (Материалы международного коллоквиума). СПб., 1999. С. 485–486).

[251] Например, весной 1915 г. был запрещен вывоз скота из Киевской и Черниговской губерний и Области Войска Донского в Москву, что вызвало в ней резкое повышение цен на мясо. 6 апреля в Москве на Преображенской площади возмущенная ростом дороговизны толпа разгромила продовольственные лавки (Тлг. М.В. Челнокова — В.Н. Шаховскому. 5 апреля 1915 г.: РГИА. Ф. 1276. Оп. 11. Д. 982. Л. 1; Тлг. М.В. Челнокова — В.Н. Шаховскому. 6 апреля 1915 г.: Там же. Л. 3). С.Н. Прокопович тогда же обращал внимание на «излишне огульный характер» запрещения вывоза продуктов, сырья и топлива из той или иной губернии, полагая, что «все подобные запрещения насильственно возвращают нас к натуральному строю хозяйства», усугубляют тяжелое положение городского населения и ведут к «экономическому расчленению страны» (*Прокопович С.* Запрещение вывоза // Труды Комиссии по изучению современной дороговизны. Вып. 3. М., 1915. С. 132, 133, 141). Несмотря на то, что впоследствии министром торговли и промышленности распоряжения о запрете вывоза были отменены, местные власти вновь пытались их вводить.

войны, прежде всего на почве ограничительных и запретительных мероприятий. К нормировке же цен на продукты, к которой прибегли с началом войны практически все города, их побудил указанный выше циркуляр министра внутренних дел, поскольку, согласно Городовому положению, общественное управление городов могло нормировать только цены на печеный хлеб и мясо.

Процедура таксации была различной. В одних случаях предельные цены вырабатывались общественным управлением и утверждались коронными властями, в других коронными властями осуществлялась и сама выработка цен. Таксы устанавливались на основании сведений, предоставляемых торговцами, биржевых бюллетеней, на основании опроса населения и т. д. Введение такс в значительной мере замедлялось административной волокитой. Таксированию подверглось до 80 наименований продуктов и товаров. Встречались курьезные случаи установления предельных цен, например, на газеты. Таксы устанавливались как на оптовые цены, так и на розничные. Общего принципа таксировки не существовало, что породило «игру на таксах» в разных городах. Контроль за соблюдением предельных цен со стороны полиции и общественного управления был недостаточно эффективным.

Пересмотр предельных цен с их постепенным повышением осуществлялся в разных городах с различной периодичностью — от еженедельного до ежемесячного и даже реже. В целом предельные цены были достаточно неустойчивы. Мотивом к их пересмотру становились и изменение конъюнктуры, и ходатайства самих торговцев. Таким образом, таксирование не могло ни существенно понизить цены, ни стабилизировать их. В некоторых городах увеличение предельных цен доходило до 100% за четыре месяца. Понижение такс было исключительно редким явлением. Ответом торговцев на введение таксировки стало ухудшение качества продуктов, увеличение обмера, обвеса и прежде всего исчезновение продуктов и товаров с рынка. Обычным явлением стали «полюбовные» соглашения продавцов и покупателей о надбавках к предельной цене, а также отказ продавцов продавать товары мелкими партиями. Многие городские управления с течением времени стали считать ими же вводимую произвольную таксировку мерой не только бесполезной, но и вредной, указывая на необходимость координации мер по установлению предельных цен в уездном, губернском и общеимперском масштабе.

Альтернативой частной торговле считались закупки городами продуктов и товаров за свой счет[252] или за счет предоставляемых им коронными властями кредитов. Городские общественные власти к началу войны уже имели некоторый опыт по части закупок продовольствия с целью снижения цен, но до 1914 г. подобного рода операции оставались спорадическим явлением[253]. Основным препятствием здесь было отсутствие у городов необходимых средств. По данным Л.Г. Шлезингера, в 61 городе, произведшем закупочные операции на сумму 3 211 249 руб., 2 175 380 руб. было ассигновано не из городских бюджетов, а за счет займов[254]. По данным «Анкеты о дороговизне», из 2,2 млн руб., ассигнованных 36 городам на закупку продовольствия и топлива, только 325 тыс. руб. были выделены из город-

---

[252] «Таксы и закупки, — отмечалось в трудах Комиссии по изучению современной дороговизны, — являются двумя основными видами деятельности муниципалитетов в области борьбы с дороговизной» (*Шлезингер Л.Г.* Муниципальные закупочные операции как средство борьбы с дороговизной // Там же. С. 269). Автор также замечал, что «большинство городских самоуправлений вначале испробовали наиболее легкий и наименее действительный способ таксировки и лишь потом, убедившись в его бесплодности, переходили к закупочным операциям» (Там же. С. 277).

[253] См.: *Пажитнов К.А.* Современная дороговизна на Западе и в России. Харьков, 1912. С. 91–122.

[254] *Шлезингер Л.Г.* Муниципальные закупочные операции как средство борьбы с дороговизной // Труды Комиссии по изучению современной дороговизны. Вып. 3. С. 281.

ских бюджетов, 902 тыс. руб. приходилось на долю частных займов, 200 тыс. руб. были заимствованы из особого фонда, предоставленного городам казной в связи с обстоятельствами военного времени, и 400 тыс. руб. было выплачено за счет ссуд из казны. В целом отсутствие средств оставалось для городов главным препятствием в осуществлении закупочных операций. По неполным данным, к концу 1915 г. закупочные операции приносили городам некоторую прибыль. По крайней мере города, которые проводили подобные операции с убытком, составляли меньшинство. Все это происходило вопреки по своей сути некоммерческому характеру производимых городскими властями закупок, которые имели целью не прибыль, а наоборот, понижение цен. Закупались в основном зерно, мука, крупа, мясо, минеральное топливо. Цель закупок — понижение цен на товары первой необходимости, вынуждала городские власти производить их в отдаленных от своих городов районах. Эта операция, как и таксация цен, носила хаотичный характер. В большинстве случаев городские власти не были связаны в своих закупках с кооперативными организациями. Продажа городскими властями продуктов населению осуществлялась с ограничениями, вводимыми для того, чтобы продукты не скупались оптовиками-спекулянтами. Так, мука отпускалась городским пекарням с условием продавать хлеб по определенной цене. Кооперативные организации также в большинстве случаев не участвовали в продаже этих продуктов населению, несмотря на то, что ко времени начала войны кооперативное движение в стране получило значительное развитие. Городские управления, ответы которых поступили в Союз городов, признавали, что закупка городами продовольствия и топлива действительно привела к некоторому, хотя и незначительному, понижению цен на продукты первой необходимости. Согласно анкете понижение цен в результате закупок произошло в 27 городах из 31[255]. Параллельно с производством закупок за счет городских властей во все большем числе городов России стала вводиться карточная система распределения продуктов, что косвенно свидетельствовало о том, что указанные мероприятия, несмотря на то, что они привели к некоторому снижению цен, все же не достигли поставленной цели. Так, в 1916 г. карточная система распределения основных видов продовольствия существовала уже в 40 губерниях. Осенью 1916 г. впервые рассматривался вопрос о централизованном введении карточной системы[256].

Требования городских общественных властей организовать регулирование цен в общегосударственном масштабе поддерживали и торгово-промышленные круги. 26 февраля 1915 г. к министру торговли и промышленности В.Н. Шаховскому обратился один из крупнейших московских предпринимателей Г.А. Крестовников. Он писал, что «если в силу особых условий и государственных интересов будет признано необходимым регулирование властью какой-либо отрасли промышленности или торговли, или нормирование цен на какие-либо продукты, то прежде всего такое признание должно исходить от центральной правительственной власти, а никак не может быть предоставлено инициативе отдельных губернаторов или отдельных городских или земских управ»[257].

---

[255] Анкета о дороговизне. 1915 г. М., 1915. С. 1–107.

[256] См.: *Островский А.В.* Государственно-капиталистические и кооперативные тенденции в экономике России: 1914–1917 гг. С. 488. В связи с этим А.В. Островский отмечает, что «по мере того, как ослаблялось действие экономических факторов товарообмена между городом и деревней, по мере того, как происходило сокращение товарной массы сельскохозяйственных продуктов, возрастала необходимость использования внеэкономических средств изъятия этих продуктов для обеспечения городов и промышленных губерний» (Там же. С. 484).

[257] Г.А. Крестовников — В.Н. Шаховскому. 26 февраля 1915 г.: РГИА. Ф. 1276. Оп. 11. Д. 975. Л. 23.

Торговцы, взвинчивая цены, наносили ущерб не только рядовому обывателю, но и своим же «собратьям» по торгово-промышленному сословию. Прежде всего это касалось торговли основными видами сырья и топлива. О «невыносимом положении потребителей жидкого топлива» из-за роста цен сообщал в Совет министров Нижегородский биржевой комитет, обращавший также внимание на «безудержную спекуляцию» фирм-монополистов этой отрасли. Биржевой комитет относил рост цен на нефтяное топливо исключительно за счет спекуляции, поскольку вывоз мазута за границу практически прекратился, а его запасы считались вполне достаточными. Нижегородский биржевой комитет призывал установить фиксированные цены на жидкое топливо как меру, «плодотворно применяемую уже в хлебной торговле»[258].

Месяц спустя о введении фиксированной цены на жидкое топливо ходатайствовали перед Советом министров уже все приволжские биржевые комитеты. Указывая на то, что «нормальная жизнь страны нарушена» и «мировая война сделала то, что между спросом и предложением нет ни малейшего соответствия», биржевые комитеты призывали правительство взять регулирование цен на себя[259].

В апреле 1915 г. В.Н. Шаховской вступил в переговоры с командующим VI армией Фан-дер-Флитом относительно увеличения в Петрограде таксы на мясо с целью устранить затруднения с его подвозом в город. Совет министров полагал «ненормальным» положение, когда цена на мясо в Петрограде оказалась на 50 коп. ниже, чем в Москве. По мнению Шаховского, предельная цена должна вводиться «на достаточный срок» — примерно на месяц, с тем, чтобы она вносила в торговлю «некоторую устойчивость». По мнению же Фан-дер-Флит, действовать следовало как раз обратным способом, т. е. понижать таксы в Москве, а не увеличивать их в Петрограде. Вообще он опасался, что увеличение такс только подхлестнет рост дороговизны. Однако сократить цены на мясо в Москве было едва ли возможно не рискуя вызвать тем самым значительное сокращение подвоза. В это же время к премьер-министру обратился Комитет Петроградской скотопромышленной и мясной биржи, который пытался ответить на высказанные в прессе обвинения в искусственном завышении цен на мясо. В записке Комитета указывалось, что мясо подорожало в незначительной степени (на 15–20%) по сравнению с ростом цен на корма, которые подорожали на 200%, несмотря на прекращение вывоза кормовых сортов зерна в Германию. Вину за рост цен биржевые деятели возлагали на городское общественное управление, которое, по их мнению, не сумело организовать торговлю[260].

Весьма насущной с началом войны стала проблема цен на ткани. 7 июля 1915 г. Николай II утвердил положение Совета министров, на основании которого при торгово-промышленном ведомстве учреждались комитеты для хлопчатобумажных и суконных фабрик, которым предоставлялось право устанавливать предельные цены на хлопок и шерсть.

Примерно тогда же правительство приняло меры к дальнейшей нормировке цен на сахар. В отличие от прочих продуктов цены на сахар нормировались еще до начала войны,

---

[258] Тлг. Нижегородского биржевого комитета — И.Л. Горемыкину. 15 марта 1915 г.: Там же. Д. 237. Л. 1–4; см. также с. 360.

[259] Астраханский, Самарский, Казанский, Нижегородский, Рыбинский биржевые комитеты — И.Л. Горемыкину. 15 апреля 1915 г.: Там же. Л. 19–22.

[260] В.Н. Шаховской — И.Л. Горемыкину. 15 апреля 1915 г.: Там же. Д. 982. Л. 6–6об.; В.Н. Шаховской — И.Л. Горемыкину. 23 апреля 1915 г.: Там же. Л. 8–10; Объяснительная записка Комитета петроградской скотопромышленной и мясной биржи. Апрель 1915 г.: Там же. Л. 15–24.

колеблясь в пределах от 4 до 4,35 руб. за пуд[261]. 27 июля 1915 г. П.Л. Барк представил в Совет министров записку об определении норм выпуска на рынок сахара и установлении на него предельных цен. С начала войны рыночные цены на сахар увеличись до 5,10 руб. за пуд. Эта цена была взята в мае 1915 г. в качестве предельной. В дальнейшем, на 1915–1916 гг., министр финансов считал необходимым установить предельные цены на сахар ниже, чем по таксе, а именно 4,80 руб. за пуд, видя во взвинчивании цен элемент спекуляции. Совет министров одобрил это представление Барка 30 июля 1915 г.[262] 9 октября 1915 г. уже на основании решения Особого совещания по продовольствию были установлены предельные цены на сахарный песок (от 5 руб. 77 коп. до 7 руб. 41 коп. в зависимости от станции получения) и на рафинад. Цены на последний устанавливались путем прибавления к цене на сахарный песок суммы от 1 руб. 10 коп. до 1 руб. 45 коп. — также в зависимости от станции получения[263].

В разгар августовского кризиса 1915 г., чтобы выработать меры к прекращению ненормального вздорожания предметов первой необходимости, была образована специальная думская комиссия. Председателем комиссии был избран октябрист Б.И. Каразин. Комиссия должна была подготовить соответствующие законопроекты и представить их на рассмотрение законодательных палат, а также действовать через своих членов, вошедших в состав образованных 17 августа 1915 г. Особых совещаний, которые получили право устанавливать предельные цены на продукты и товары и производить их реквизиции. Комиссия, в свою очередь, образовала подкомиссии по продовольствию, топливу, обрабатывающей промышленности и комиссию по участию земств, городов и кооперативов в борьбе с дороговизной. В Комиссии также был поставлен вопрос о необходимости контроля над Особыми совещаниями. Однако ощутимых результатов деятельность думской комиссии по борьбе с дороговизной не принесла. С августа 1915 г. по март 1916 г. прошло всего четыре ее заседания. Бездействие комиссии признавалось самими ее членами. В комиссии обсуждались предложения о введении карточной системы, об усилении карательных мер за сокрытие товаров, о создании особого координирующего органа по делам распределения продуктов и товаров первой необходимости. Комиссия разделяла мнение городских властей о том, что вводимые Особым совещанием по продовольствию таксы на эти продукты и товары имеют своим последствием лишь исчезновение таксируемых товаров с рынка, а проводимые реквизиции только расстраивают товарооборот[264]. В подкомиссии по топливу на обсуждение был вынесен вопрос о его недопоставках.

Представитель Министерства внутренних дел признавался, что его ведомство не располагает сведениями ни о запасах топлива, ни о требованиях на него, ни о мерах к их удовлетворению. Необходимую справку дал представитель путейского ведомства. Согласно его сведениям довоенная потребность Европейской России в угле достигала около 1 650 млн пудов в год, из них 1 200 млн пудов получали из Донбасса, 500 млн пудов состав-

---

[261] По состоянию на 1 июня 1915 г. цены на основные продукты и топливо составляли: 1,35 руб. — за пуд ржи, 1,49 руб. — за пуд ячменя, 1,44 руб. — за пуд пшеницы, 1, 42 руб. — за пуд овса, 7, 79 руб. — за пуд сахара, 69 коп. — за пуд каменного угля и 6,2 коп. за фунт керосина (*Маслов П.П.* Движение товарных цен и влияние их на распределение национального дохода // Труды Комиссии по изучению современной дороговизны. Вып. 1. М., 1915. С. 104–115).

[262] Представление П.Л. Барка в Совет министров. 27 июля 1915 г.: РГИА. Ф. 1276. Оп. 11. Д. 346. Л. 21–26; Особый журнал Совета министров. 30 июля 1915 г.: Там же. Л. 32–33.

[263] О некоторых мерах для обеспечения заготовки... сахара... // СУ. 1915. Отд. I. № 300. Ст. 2259.

[264] Журналы комиссии о мерах прекращения ненормального вздорожания предметов первой необходимости. 13, 19, 20 августа 1915 г., 30 марта, 8 июня 1916 г.: РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 517. Л. 1, 3–5, 7, 13, 14, 16–19.

лял английский импорт через петербургский порт, 360 млн пудов давал Домбровский район, остальные поставки шли из Уральского и Подмосковного районов и Кавказа. Недопоставку, которая образовалась вследствие прекращения импорта и захвата неприятелем Домбровского угольного бассейна, предполагалось покрыть за счет роста нефтедобычи и интенсификации разработок донецкого угля. Последнее оказалось затруднительным из-за сокращения численности рабочих. Низкая заработная плата, рост цен на продукты первой необходимости, в том числе на добываемый самими же рабочими уголь, который они были вынуждены приобретать по цене 50–60 коп. за пуд, тогда как промышленники даже при цене 20 коп. за пуд получали значительные прибыли, — все это заставляло рабочих покидать Донбасс. Впрочем, сокращение выработки не было основной причиной недопоставок угля. Даже при сокращенной выработке на карьерах образовывались значительные запасы угля, которые не могли быть вывезены из Донбасса из-за недопоставок вагонов, отвлекаемых на военные перевозки, и из-за перегруженности узловых и конечных железнодорожных станций[265].

Образование Особых совещаний, впрочем, ускорило мероприятия правительства по введению общероссийских такс на различные предметы первой необходимости и продукты. Решения этих совещаний оформлялись в качестве обязательных постановлений глав тех ведомств, которые в этих Совещаниях председательствовали. 14 сентября 1915 г. были установлены предельные цены на спички (от 2 до 8 коп. за коробку в зависимости от ее вместимости) одновременно с повышением акциза на них[266]. Тогда же министр торговли и промышленности издал постановление, обязательное к исполнению, которым устанавливались предельные цены на шерсть от 45 до 70 руб. за пуд, в зависимости от сорта. Обязательным было также постановление от 22 ноября 1915 г., определившее предельные цены на шерсть до 1 марта 1916 г. 50–80 руб. за пуд. 26 мая 1916 г. были установлены предельные цены на мундирное сукно от 2 руб. 80 коп. до 4 руб. 60 коп. за аршин[267]. 17 сентября 1915 г. глава торгово-промышленного ведомства издал распоряжение, установившее предельные цены на хлопок (от 10 руб. 05 коп. до 23 руб. 90 коп. в зависимости от сорта и места продажи). При этом самые высокие цены устанавливались для хлопка американских семян, продаваемого в губерниях Центрального района. 2 апреля 1916 г. предельные цены (от 37 до 43 руб. за пуд в зависимости от сорта) были установлены уже на хлопчатобумажную пряжу. Тогда же были определены предельные цены на поставки хлопчатобумажных тканей Военному и Морскому министерствам, а также Обществу Красного Креста и Земгору (от 11 руб. 05 коп. до 69 руб. за аршин в зависимости от вида и сорта тканей). 7 мая 1916 г. предельные цены были установлены на льняную пряжу (от 21 до 40 руб. за пуд) и на льняные и комбинированные ткани (от 21 коп. до 1 руб. 31 коп. за аршин в зависимости от сорта). 31 июля 1916 г. было запрещено продавать хлопчатобумажную пряжу «лицам, самостоятельно не потребляющим ее для собственных фабричных предприятий»[268]. Впрочем, польза от этого была не

---

[265] Журнал заседания подкомиссии о мерах к прекращению ненормального вздорожания топлива. 24 августа 1915 г.: Там же. Д. 523. Л. 3–8.

[266] Об установлении предельных продажных цен на зажигательные спички и повышении с них акциза // СУ. 1915. Отд. I. № 267. Ст. 1986.

[267] О некоторых мерах к упорядочению снабжения сырьем хлопчатобумажных и суконных фабрик // Там же. № 201. Ст. 1594; Об установлении размеров предельных цен некоторых сортов мериносовой и шленской шерсти // Там же. № 275. Ст. 2014; Об установлении предельных цен, по коим допускается до 1 марта 1916 года продажа некоторых сортов шерсти // Там же. № 367. Ст. 2757; Об установлении цен на некоторые сорта сукон... // Там же. 1916. Отд. I. № 170. Ст. 1392, 1393.

[268] Об установлении размеров предельных цен с пуда, по коим допускается продажа хлопка... // Там же. 1915. Отд. I. № 275. Ст. 2016; Об установлении предельных цен, по коим допускается продажа... хлопчатобумажной

особенно ощутимой. В 1916 г. к наместнику на Кавказе вел. кн. Николаю Николаевичу обратился ставропольский губернатор Оболенский с жалобой на рост цен мануфактурных товаров. В свою очередь, помощник наместника по гражданской части В.Н. Орлов о том же сообщал премьеру Б.В. Штюрмеру. В особенности Орлов указывал на то обстоятельство, что рост цен на мануфактурные товары происходит несмотря на установление твердых цен на хлопок, хлопковую пряжу и шерсть[269].

8 октября 1915 г. министром торговли и промышленности были установлены предельные цены на антрацит в местах его добычи (от 9 до 26 коп. за пуд). Нехватка угля привела к тому, что торгово-промышленное ведомство и Особое совещание по топливу довольно быстро перешли от нормирования цен к реквизициям. 13 июня 1916 г. было издано постановление, установившее реквизиционные цены на уголь и антрацит Донецкого бассейна на станциях отправления. Реквизиционные цены на антрацит были идентичны предельным, реквизиционные цены на уголь устанавливались в размере от 12,5 до 23,4 коп. за пуд[270].

Борьба с дороговизной вменялась в обязанность не только тем ведомствам, главы которых председательствовали в Особых совещаниях, но и Министерству внутренних дел, которое занималось этими проблемами в довоенный период и в первые месяцы войны. Бороться с дороговизной на предметы первой необходимости обязал губернаторов всеподданнейший доклад А.Н. Хвостова, утвержденный царем 20 октября 1915 г. Губернаторам предписывалось находиться в местах наибольшего движения и скопления грузов, им разрешалось также набрать себе дополнительный штат чиновников для осуществления мероприятий по борьбе с дороговизной. Для этих целей губернаторы были обязаны привлекать к сотрудничеству органы земского и городского общественного управления. С января 1916 г. губернаторы должны были председательствовать в учрежденных тогда же совещаниях, составленных из местных представителей Особых совещаний по обороне, продовольствию, перевозкам и топливу[271].

В своих мероприятиях по обузданию дороговизны правительство со временем все более склонялось к конфискационным мерам. Ограниченность сырьевой базы русской промышленности обусловила усиление конкуренции между промышленниками за получение сырья, рост цен на него и, как следствие, введение властями различных ограничений, создание комитетов

пряжи // Там же. 1916. Отд. I. № 93. Ст. 755; Об установлении предельных цен, по коим допускается продажа некоторых сортов хлопчатобумажных тканей // Там же. Ст. 756; О предельных ценах на льняную пряжу и льняные и комбинированные ткани // Там же. № 141. Ст. 1080); Об установлении предельных цен по сделкам купли-продажи на частный рынок некоторых хлопчатобумажных тканей... // Там же. № 214. Ст. 1765. Осенью, 27 сентября 1916 г., Совет министров установил предельные цены на хлопковое волокно. 12 ноября 1916 г. В.Н. Шаховской писал А.Ф. Трепову по поводу этого решения, предлагая увеличить цены в связи с плохим урожаем хлопка 1916 г. и указывая на то, что производители хлопка в том случае, если они не будут получать достаточных выгод от сбыта своей продукции, могут перейти к производству более выгодных, с точки зрения рынка, культур, например, зерновых хлебов. В связи с этим Шаховской предлагал поднять предельную цену на ферганское хлопковое волокно для центрального промышленного района с 30 руб. за пуд, как было установлено ранее, до 34 руб. Совет министров обсуждал этот вопрос 16 ноября 1916 г. и счел необходимым увеличить предельную цену на волокно даже в несколько больших размерах, чем предлагал министр торговли и промышленности, а именно до 36 руб. за пуд (В.Н. Шаховской — А.Ф. Трепову. 12 ноября 1916 г.: РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 562. Л. 1–5; А.Ф. Трепов — В.Н. Шаховскому. 19 ноября 1916 г.: Там же. Л. 14).

[269] В.Н. Орлов — Б.В. Штюрмеру. 25 апреля 1916 г.: Там же. Д. 357. Л. 2.

[270] Об установлении предельных продажных цен на антрацит на местах его добычи // СУ. 1915. Отд. I. № 278. Ст. 2053; О реквизиционных ценах на уголь и антрацит Донецкого бассейна... // Там же. 1916. Отд. I. № 162. Ст. 1323.

[271] Представление Министерства внутренних дел в Совет министров. 22 августа 1916 г.: РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 1260. Л. 89–90.

(по делам хлопковой, суконной, кожевенной промышленности), которые занимались нормировкой цен на основные виды сырья. Вместе с тем в торгово-промышленном ведомстве полагали, что «бороться с повышением цен на сырье... путем одного лишь издания постановлений запретительного характера едва ли целесообразно». Альтернативу ограничительной политике в области цен Министерство усматривало в придании этим комитетам дополнительных распределительных и надзорных функций[272].

Тем не менее избранный курс не претерпел особых изменений. 25 октября 1915 г. министр торговли и промышленности В.Н. Шаховской представил в Совет министров записку, испрашивая себе как председателю Особого совещания по топливу полномочия на объявление продажи минерального топлива исключительным правом казны. Такое право, считал министр, гарантировало бы углепромышленникам оплату всего добытого угля и заинтересовало бы их в увеличении добычи, хотя железные дороги не справлялись и с вывозом уже добытого угля, который в большом объеме оставался на разработках. Однако министр считал насущным поощрять углепромышленников к расширению добычи указанным им способом[273].

Такого рода политика становилась характерна и в отношении другого основного вида топлива — нефти. Здесь все начиналось также с установления дифференцированных предельных цен. 31 декабря 1915 г. на основании решения Особого совещания по топливу были установлены предельные цены на нефть в местах ее добычи в размере 45 коп. за пуд. В местах реализации нефти эта цена устанавливалась в размере от 53,5 коп. до 73 коп. на волжских пристанях, от 65 до 77,5 коп. на пристанях бассейна р. Камы, от 90 до 96 коп. в Петрограде и от 84 до 90,5 коп. в Москве. Уже 17 марта 1916 г. министр торговли и промышленности издал обязательное постановление о том, что предельные цены на нефть могут быть увеличены в местах добычи не более чем на 1 коп. за пуд, а в остальных местах — не более чем на 3–6% суммы предельных цен, установленных для этих мест. Неэффективность политики предельных цен привела в конце концов к тому, что властям все чаще приходилось прибегать к реквизиции нефти. 27 апреля 1916 г. были установлены реквизиционные цены на нефть на 15% ниже, чем указывалось в постановлении от 31 декабря 1915 г. 4 июля 1916 г. министром торговли и промышленности были установлены твердые цены (60 коп. за пуд) на керосин для отопления паровозов на Закавказских железных дорогах.[274]

В качестве основной причины увеличения военных расходов назвал рост цен государственный контролер Н.Н. Покровский в своем представлении премьеру Б.В. Штюрмеру от 14 мая 1916 г. Покровский указывал, что поставщики армии назначают цены с учетом максимально возможного удорожания сырья и материалов и докладывал о «непомерной стоимости» частного производства по сравнению с казенным. «Обычным явлением» стало предоставление заказов по одинаковым расценкам на заводы с разными условиями производства, и, наоборот, одних и тех же заказов по различным на заводы с одинаковыми условиями производства. Ввиду необходимости срочного исполнения военных заказов, продолжал Покровский, вопросу об их расценках не придается первостепенного значения, а преувели-

[272] Представление В.Н. Шаховского в Совет министров. 10 февраля 1916 г.: Там же. Д. 244. Л. 31–38.

[273] Представление В.Н. Шаховского в Совет министров. 25 октября 1915 г.: Там же. Оп. 11. Д. 1014. Л. 13–16 об.

[274] Об установлении предельных продажных цен на нефть... // СУ. 1916. Отд. I. № 2. Ст. 5; Об установлении предельных продажных цен на нефть... // Там же. № 28. Ст. 153; О предельных ценах на жидкое минеральное топливо... // Там же. № 76. Ст. 589; О реквизиционных ценах на жидкое минеральное топливо // Там же. № 114. Ст. 909; О предельных ценах на керосин... // Там же. № 188. Ст. 1566.

ченные цены, по которым осуществляются эти заказы, затем становятся критерием для определения цен на новые заказы, и таким образом подхлестывается рост расценок[275].

9 июня 1916 г. к председателю Совета министров Б.В. Штюрмеру обратился министр земледелия А.Н. Наумов по поводу переданных ему «по принадлежности» из Министерства внутренних дел ходатайств Курского и Льговского уездных земских собраний «о принятии правительством решительных мер по борьбе с возрастающей дороговизной всех продуктов первой необходимости и со спекуляцией синдикатов, банков и торговцев». Вопрос этот обсуждался в Особом совещании по продовольствию, которое обратило внимание на то, что указанные в ходатайствах мероприятия не включены в компетенцию Особых совещаний, как она определена в Законах от 17 августа 1915 г. В своем представлении на имя Штюрмера министр земледелия указывал, что если уже принятые властями для борьбы с дороговизной меры «дают обывателю возможность, а правительству право приобретать продукты сельского хозяйства по установленным твердым ценам, — на все остальные продукты первой необходимости продолжают расти чрезвычайно высокие спекулятивные цены»[276]. Это приводит к тому, что крестьяне, реализуя свою продукцию по твердым ценам, вынуждены приобретать товары промышленного производства втридорога. Наумов считал, что возникновение различных комитетов по регулированию цен — «явление чисто случайное, вызванное непомерным вздорожанием того или иного продукта». Политика правительства, по мнению министра земледелия, должна в этом случае состоять в «широкой организации борьбы» с дороговизной как всеобъемлющим явлением, для чего Наумов предлагал использовать как принудительные меры, так и «органы, способные составить конкуренцию промышленному и торговому капиталу», например, учреждения мелкого кредита[277].

В дальнейшем борьба правительства с дороговизной путем учреждения различных комитетов продолжалась. Вопрос об учреждении комитета для борьбы с дороговизной обсуждался в Совете министров 17 июня 1916 г. Говорилось об уже принятых к тому времени мерах к установлению предельных цен на хлопок (26 августа 1915 г.), хлопчатобумажную пряжу (2 апреля 1916 г.), шерсть (22 ноября 1915 г. и 29 апреля 1916 г.), на кожевенное сырье и товары (11 и 29 ноября 1915 г., 3 и 28 января, 27 февраля, 1 и 10 марта и 11 апреля 1916 г.)[278]. Совет министров ссылался на соответствующее представление Министерства

---

[275] Н.Н. Покровский — Б.В. Штюрмеру. 14 мая 1916 г.: РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 380. Л. 5–6.

[276] 26 января 1916 г. было опубликовано постановление Особого совещания по продовольствию об установлении твердых цен на пшеничную муку, которые должны были действовать до сбора урожая 1916 г. Они колебались от 90 коп. до 3 руб. 10 коп. за пуд в зависимости от сорта муки и губернии. Почти сразу же, 6 февраля, были установлены твердые цены на ячмень и ржаную муку (от 77 коп. до 4 руб. 30 коп. за пуд ячменя и от 1 руб. 35 коп. до 2 руб. 25 коп. за пуд ржаной муки в зависимости от сорта и губернии). В постановлении министра земледелия указывалось, что недовольные распоряжением могут обжаловать его в местных совещаниях по продовольственному делу или в образуемых ими присутствиях, однако «подача жалоб не останавливает приведения в действие распоряжения». 30 сентября 1916 г. были установлены предельные цены на рожь, пшеницу, овес и ячмень в районах их потребления. Цена пуда ржи в зависимости от сорта и губернии устанавливалась в 1 руб. 60 коп. — 1 руб. 95 коп., пуда пшеницы — 1 руб. 95 коп. — 2 руб. 40 коп., пуда овса — в 1руб. 70 коп. — 2 руб. 10 коп., пуда ячменя — в 1 руб. 40 коп. — 1 руб. 76 коп. (О твердых, до урожая 1916 года, ценах на пшеничную муку разных сортов... // СУ. 1916. Отд. I. № 40. Ст. 222; О твердых, до урожая 1916 года, ценах на ячмень и ржаную муку // Там же. № 53. Ст. 351; Об установлении твердых цен на рожь, пшеницу, овес и ячмень в районах потребления // Там же. № 292. Ст. 2313).

[277] А.Н. Наумов — Б.В. Штюрмеру. 9 июня 1916 г.: РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 1269. Л. 3^{б}–4.

[278] 14 ноября 1915 г. распоряжением министра торговли и промышленности на кожевенные товары были установлены предельные цены, которые должны были действовать до 1 февраля 1916 г. Цены колебались от 1 руб. 40 коп. до 2 руб. 50 коп. за кожевенное сырье и от 10 руб. 50 коп. до 48 руб. за выделанные различными способами шкуры. В марте 1916 г. уже были установлены твердые цены на сапоги (от 11 руб. 35 коп. до 14 руб. 60 коп. за

торговли и промышленности о необходимости образовать отраслевые совещания для регулирования цен на различные товары и отмечал, что «этот законопроект не получил, однако, движения в Государственной думе, в значительной степени отвлекавшейся в последний созыв в сторону вопросов общего, политического характера и не имевшей таким образом возможности обсудить как приведенное, так и некоторые другие намеченные правительством первостепенной важности мероприятия». Совет министров постановил образовать для борьбы с дороговизной Особый комитет при Министерстве внутренних дел. Такое решение было принято коронными властями уже после того, как подобного рода комитеты были созданы в Думе и при различных общественных организациях. Это решение было утверждено царем 24 июня 1916 г.[279] Положение об Особом комитете, председателем которого назначался харьковский губернатор Н.Л. Оболенский, было утверждено 29 июня 1916 г. В состав Комитета вошли представители Министерства внутренних дел, Военного и Морского министерств, дворцового, сельскохозяйственного, торгово-промышленного, судебного, путейского и финансового ведомств, Государственного контроля, наместничества на Кавказе, Управления Великого княжества Финляндского и Особых совещаний по обороне, топливу, продовольствию и перевозкам. Комитет не получил никаких особых властных полномочий и должен был заниматься в основном исследованием рынка[280]. Практической пользы Комитет не принес и, как считали главы сельскохозяйственного и торгово-промышленного ведомств А.А. Бобринский и В.Н. Шаховской, «все время врывался в компетенцию особых совещаний», вызывая нарекания со стороны законодательных палат[281].

12 июля 1916 г. военный министр Д.С. Шуваев и министр торговли и промышленности В.Н. Шаховской представили в Совет министров законопроект об установлении предельных цен на металлы. В записке отмечалось, что льготный импорт в Россию чугуна приходилось допускать еще в довоенный период, так как отечественная металлургическая промышленность не могла полностью удовлетворять спрос на металл. Однако Закон от 22 июня 1914 г., который предоставлял льготы импортерам чугуна, практически так и не вступил в силу, поскольку началась война, которая, резко повысив спрос на металлы, вместе с тем способствовала ухудшению положения металлургических предприятий, как, впрочем, и многих других. Кроме сокращения численности рабочих рук, затруднений с перевозками и топливом вскоре после оставления русскими войсками губерний Царства Польского было потеряно около 10% выплавки чугуна. Если в 1914 г. в России выплавлялось 249 209 тыс. пудов чугуна, то в 1915 г. — только 224 969 тыс. пудов. Некоторое оживление металлургического производства началось лишь в первые месяцы 1916 г. Но уровень 1914 г. так и не был достигнут.

Рост производства не сказался, однако, на движении цен в сторону понижения (см. табл. 106), так как спрос все равно обгонял увеличение выплавки металлов. В июне 1916 г. правительство констатировало невозможность восстановить в ближайшее время равновесие между спросом и предложением в металлургической отрасли. Машиностроительные заводы, которые обязывались поставлять свою продукцию по определенным ценам, сами оказались вынуждены приобретать сырье по вздутым спекуляцией расценкам. Единственный выход виделся в установлении на металлы предельных цен, к тому времени уже установленных на другие виды сырья.

пару) (Об установлении предельных цен, по коим допускается продажа... кожевенных товаров... // СУ. 1916. Отд. I. № 14. Ст. 54; О предельных ценах на различные сорта сапог... // Там же. № 83. Ст. 656).

[279] Особый журнал Совета министров. 17 июня 1916 г.: РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 1269. Л. 8–10.

[280] Положение об особом комитете для борьбы с дороговизною // СУ. 1916. № 25. Ст. 1766.

[281] Утро России. 1916. 28 сент.

Решение об установлении твердых цен на металлы было принято Особым совещанием по обороне 18 мая 1916 г. Еще раньше, в ноябре 1915 г., Министерство торговли и промышленности внесло в Совет министров законопроект об учреждении Комитета по делам металлургической промышленности, который наделялся бы правом определять предельные цены на металлы. Этот законопроект не получил одобрения в Совете министров. Уполномоченному по делам металлургической промышленности, согласно Положению Особого совещания по обороне от 17 декабря 1915 г., разрешалось только выяснять расценки на необходимые для военных заказов металлы. В то же время в военном и торгово-промышленном ведомствах продолжали настаивать на обязательной нормировке цен, и не только на металлы, но и на полуфабрикаты и готовую продукцию. Совет министров рассматривал представление Д.С. Шуваева и В.Н. Шаховского 23 августа 1916 г., в итоге он предоставил министру торговли и промышленности право устанавливать предельные цены на металлы и изделия из них по соглашению с главами военного, морского и путейского ведомств. Дела о нарушениях издаваемых министром постановлений подлежали рассмотрению окружных судов. Царь утвердил журнал Совета министров 15 сентября 1916 г.[282]

Общим завершающим аккордом политики перехода от таксации цен к реквизиции стало введение в декабре 1916 г. продовольственной разверстки зерновых хлебов и фуража, которое явилось логическим следствием неудач с введением твердых цен на основные виды зерновых и муку[283].

Таким образом, падение покупательной способности рубля вследствие инфляции и увеличение внутреннего спроса, не в последнюю очередь инициированное закупками военного ведомства, на фоне общего падения производства, связанного с войной, особенно с ее первым периодом, стали основными факторами роста товарных цен. Преимущественным методом борьбы правительства с дороговизной было введение предельных цен, сперва на сырье и топливо, затем и на некоторые виды готовой продукции, прежде всего оптовых, а потом частично и розничных. Установление предельных цен происходило на основании решений отраслевых комитетов, а начиная с августа 1915 г. — отраслевых особых совещаний, и оформлялось в виде обязательных постановлений глав соответствующих ведомств. Только в редких случаях предельные цены определялись решениями Совета министров. Установив предельные цены, власти постоянно вынуждены были их увеличивать, о несостоятельности самой политики предельных цен свидетельствовал постепенный переход к реквизициям некоторых видов топлива и продовольствия.

* *
*

Основные статьи государственных расходов претерпели с началом первой мировой войны не только количественные, но и структурные изменения. Появление военного фонда, за счет которого финансировались военные действия и из которого черпали ассигнования на прочие, весьма отдаленно связанные с войной нужды, стало основным новшеством в этой области. Хотя военный фонд существовал и раньше (за счет него финансировалась армия в русско-японскую войну), теперь его объемы и значение возросли многократно. В частности, за его счет производились инвестиции в крупную военную промышленность, которая зачас-

---

[282] Представление Д.С. Шуваева и В.Н. Шаховского в Совет министров. 12 июля 1916 г.: РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 442. Л. 2–14; Особый журнал Совета министров. 23 августа 1916 г.: Там же. Л. 23–24 об.

[283] См.: *Островский А.В.* Государственно-капиталистические и кооперативные тенденции в экономике России: 1914–1917 гг. С. 487.

тую была не в состоянии исполнять военные заказы без постоянных ассигнований казначейства. Это обстоятельство вызвало к жизни весьма многочисленные, хотя и запоздалые планы ускоренного строительства казенных военных заводов.

Война изменила традиционную для правительства политику сельскохозяйственных ссуд. Операции Крестьянского и Дворянского банков пришли в постепенный упадок, как и деятельность акционерных коммерческих банков. Казна превращалась в основной источник ассигнований, поддерживающих сельскохозяйственное производство в неблагоприятных военных условиях, в первую очередь за счет закупок для армии.

Города Российской империи также не могли обходиться без казенных субсидий. Хотя коммерческие банки продолжали предоставлять городским общественным властям кредиты, эти кредиты открывались на все менее благоприятных для городов условиях. Поступление средств от городских облигационных займов, размещенных до войны на западноевропейских рынках, все более затруднялось.

Одним из основных факторов экономической жизни страны в годы первой мировой войны стало кризисное состояние железнодорожного транспорта. Несмотря на то, что железнодорожное строительство в годы войны продолжалось и на него ассигновывались значительные средства, кризис на железных дорогах, которые не справлялись с военными перевозками и одновременным обслуживанием тыла, усугублялся столь быстрыми темпами, что упреждающие его меры ничего существенно не меняли. Кроме того, кризис на железных дорогах углубляло «двоевластие» в их управлении в прифронтовой полосе и тылу.

Проблема ценообразования в военных условиях и его влияния на финансовую политику правительства, которую оно было вынуждено проводить в условиях возрастающей инфляции, — одна из наиболее сложных и многоплановых проблем. Несомненным, однако, является то, что власти при осуществлении поставок в армию и производстве казенных заказов во многом сами способствовали росту цен, с которым впоследствии были вынуждены бороться, по большей части безуспешно. Нужно отметить, что эта борьба не отличалась разнообразием приемов и свелась, по сути дела, к введению предельных цен с дальнейшим переходом к реквизиции продовольствия и сырья.

Кризисное положение многих отраслей хозяйства в связи с отсутствием необходимых инвестиций и субсидий было также результатом того, что правительство своевременно не выработало продуманной политики инвестирования в условиях войны. Подобного рода программы стали появляться только с 1916 г., когда время во многом было упущено и кризис приобрел общегосударственные масштабы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Попытки изменения финансовой политики страны, предпринятые после отставки В.Н. Коковцова и назначения на этот пост П.Л. Барка, оказались недолговечными. Они были прерваны первой мировой войной. Дезорганизация хозяйственной жизни в первые месяцы войны и необходимость оплачивать огромные военные расходы вернула Россию ко временам бюджетного дефицита и повлекла за собой нарушение бюджетного единства. Не контролируемый законодательными палатами военный фонд, за счет которого производились военные ассигнования, фактически стал вторым расходным бюджетом наряду с «обычной» росписью расходов. Система «двух бюджетов» привела к появлению фиктивных доходов от уплаты пошлин на казенные заказы или от казенных перевозок по железным дорогам, которые оплачивались за счет самого же казначейства. Бюджетная политика правительства неоднократно критиковалась в Думе, которая, впрочем, зачастую использовала этот повод для дискредитации правительственного курса в целом.

Дефицит ординарного бюджета удалось постепенно преодолеть исключительно за счет увеличения налогов, прежде всего косвенных, на которых и ранее по преимуществу строилась налоговая система страны. Характерной особенностью здесь было то, что большинство мероприятий по повышению налоговых ставок и введению новых видов обложения не обсуждалось в законодательных палатах, а проводилось по ст. 87 Основных законов. Правительством рассматривались также различные проекты введения государственных монополий. С началом военных действий был введен запрет на торговлю спиртными напитками и отменена винная монополия, что лишило ординарный бюджет примерно четверти его доходов. Преодолеть последствия этой отмены удалось только в 1916 г. Тогда же в России было введено подоходное обложение, которое должно было стать основой дальнейшего преобразования всей налоговой системы. В верхней палате законопроект о подоходном обложении столкнулся с решительным сопротивлением консервативных членов Государственного совета, которые не скрывали того, что защищают интересы имущих слоев населения, не желавших поступиться даже небольшой частью своих доходов ради планов послевоенного восстановления страны. Резкую оппозицию среди деловых кругов вызвало также введение налога на военные прибыли, хотя по сравнению с аналогичными законами в других воюющих странах ставки этого налога были весьма низкими. Плодами введения подоходного налога царское правительство, впрочем, так и не успело воспользоваться.

За годы войны Государственный банк приобрел более значимую роль. В начале 1914 г. появились проекты его преобразования, которые имели целью придать банку бóльшую самостоятельность, однако с началом войны банк оказался еще теснее связан с финансовым

ведомством. С прекращением свободного размена и расширением эмиссионного права Государственный банк превратился в один из основных источников финансирования военных действий и бюджета вообще, выпуская бумажные рубли под обеспечение краткосрочных казначейских обязательств, иными словами, осуществляя фиктивные займы. Кроме того, Государственный банк постепенно стал организатором долгосрочных и среднесрочных облигационных займов на внутреннем рынке.

В военный период ресурсы бюджета были основными источниками для кредитования промышленного производства, прежде всего военной промышленности, городского и сельского хозяйства. В упадок пришли операции Крестьянского и Дворянского банков, увеличилась роль казны в железнодорожном строительстве. Железнодорожная сеть в целом оказалась не способна обслуживать тыл и фронт одновременно, что явилось одной из причин нарушения связей между сырьевыми и промышленными районами. Дополнительные трудности создавали новые налоги на железнодорожные перевозки, усиливавшие дезорганизацию. Инфляция в условиях падения производства, массовые закупки продовольствия, фуража и сырья для армии, взвинтивших цены, вынудили коронные власти и городское общественное самоуправление практически сразу же после начала военных действий перейти к политике предельных цен, сначала оптовых и на сырье, а затем розничных и на отдельные виды товаров. Впрочем, эта политика была малоэффективна и вскоре вынудила власти вводить реквизиционные меры в отношении сырья и топлива, а затем и продовольственную разверстку в деревне.

С началом войны русские коммерческие банки были вынуждены приостановить реализацию масштабных проектов, которые они осуществляли при поддержке правительства в Южной Европе и средиземноморском бассейне. Установленный с началом войны мораторий на платежи временно парализовал международную финансовую активность, однако связи русских банков с их западными партнерами, как из стран Антанты, так и из держав центрального блока, не прервались. Они лишь претерпели некоторое изменение. Увеличилась роль западноевропейских отделений крупнейших петроградских банков, которые получили бóльшую, чем раньше самостоятельность, возникали новые международные банковские группы. Министерство финансов, испытывая острый дефицит иностранной валюты, пыталась использовать международные деловые связи русских банков в качестве средства привлечения валюты, не останавливаясь перед мерами, близкими к конфискационным. В эти же годы Министерство финансов выработало проекты реформы надзора за частными акционерными банками. Валютные запасы казны пополнялись, кроме того, путем заключения внешних займов, переговоры о которых П.Л. Барк неоднократно проводил в 1915–1916 гг. в Париже и Лондоне. Министру финансов всякий раз, хотя и со все большими трудностями, удавалось добиваться своих целей и получать от западных союзников необходимую для России финансовую поддержку. Финансовые проблемы, с которыми столкнулась Россия, существовали и в других воюющих странах. Сходными были и способы их решения, причем государства Антанты заимствовали опыт друг друга в этой сфере и даже пытались выработать общую программу экономических и финансовых мер борьбы с противником и послевоенного устройства отношений в финансовой сфере.

Накануне первой мировой войны Россия возвратилась к планам экспансии в Центральной Азии, оставленным после поражения в войне с Японией. Впрочем, теперь эти планы были по своим масштабам гораздо более скромными, чем на рубеже XIX и XX вв. Если Персия по-прежнему оставалась традиционным объектом такой экспансии, то в начале 1910-х гг. Россия, используя революционные события в Китае, получила возможность распространить свое влияние на Внешнюю Монголию. С началом войны финансовое и эконо-

мическое влияние России в обеих странах постепенно ослабевало. В Персии Россия уступала английскому, в Монголии — японскому давлению.

В целом финансовая политика, которую в 1914–1917 гг. осуществлял П.Л. Барк, была весьма противоречивой. Первая мировая война оказалась беспрецедентной по масштабам и финансовым затратам воюющих стран. Ни одна из них не имела опыта управления финансами в подобного рода условиях. Ряд объективных причин способствовал ухудшению финансового положения России, как и других воюющих держав. Россия не могла избежать краха золотого стандарта, инфляции, роста государственного долга, упадка производства и прочих негативных факторов, связанных с военными действиями. Что же касается субъективных факторов, то с одной стороны, П.Л. Барк сумел обеспечить казну необходимыми средствами для ведения боевых действий, с другой стороны — проводимая им налоговая политика отличалась известной хаотичностью и непоследовательностью, опиралась на старые и самим же финансовым ведомством осуждаемые методы, основанные на приоритете косвенного обложения. Однако умение комбинировать средства поддержания относительного бюджетного равновесия (налоги, займы, денежная эмиссия) и в целом проводимая П.Л. Барком политика предотвратили финансовый крах, несмотря на то, что данная политика осуществлялась в условиях весьма негибкой налоговой системы и относительной узости внутреннего денежного рынка, которые не позволяли получать должной отдачи от размещения внутренних займов. Формальное состояние бюджета в 1916 г. было более благоприятным, нежели в 1914 г. Однако сохранение бюджетного баланса, основанное на необходимости экономить на «тыловых» расходах, отдавая первенство расходам на армию, приводило к росту цен, инфляции и предусматривало усиление налогового пресса, социальные последствия которых сказались в 1917 г.

Таблица 1. **Ординарные доходы казны в министерском проекте бюджета 1914 г. (в руб.)**

Статьи доходов	Сумма
Прямые налоги	
Поземельный налог и налоги с недвижимости	82 960 000
Государственный промысловый налог	145 828 000
Сбор с доходов от денежных капиталов	35 719 000
Итого	264 507 000
Косвенные налоги	
Сборы с питей, не относящиеся к казенной винной монополии	54 660 000
Табачный доход	78 420 000
Доход от папиросных гильз и резаной папиросной бумаги	4 556 000
Сахарный доход	149 575 000
Нефтяной доход	50 040 000
Спичечный доход	20 016 000
Таможенный доход	351 900 000
Итого	709 167 000
Пошлины	
Гербовые, судебные, канцелярские	117 197 000
С переходящих имуществ	45 260 000
С товаров и судов в портах	10 500 000
С пассажиров и грузов, перевозимых по железным дорогам	32 400 000
С застрахованного от огня имущества	6 550 000
Прочие пошлины	20 530 000
Итого	232 437 000
Правительственные регалии	
Горный доход	350 000
Монетный доход	7 276 000
Почтовый доход	82 600 000
Телеграфный и телефонный доход	43 420 000
Винная монополия	935 805 000
Итого	1 069451000
Казенные капиталы и имущества	
Оброчные статьи и промыслы	44 367 000
Лесной доход	100 141 000
Казенные железные дороги	858 317 000
Казенные заводы, технические заведения и склады	26 271 000
Прибыли от капиталов и банковских операций	48 733 000
Прибыли от участия казны в частных железнодорожных обществах	33 976 000
Итого	1 111805000
Доход от продажи недвижимых имуществ	1 925 000
Выкупные платежи, не отмененные Манифестом от 3 ноября 1905 г.	945 000
Обязательные платежи железнодорожных обществ	20 563 000
Возврат ссуд и других расходов	53 156 000
Пособия Государственному казначейству из посторонних источников	34 777 000
Китайская контрибуция	8 140 000
Прочие доходы	14 824 000
Всего	3 521697000

* Составлена по: Проект государственной росписи доходов и расходов на 1914 год с объяснительною запискою министра финансов. Ч. 1. СПб., 1913. С. 75–76.

Таблица 2. **Ординарные расходы казны в министерском проекте бюджета 1914 г. (в руб.)***

Статьи расходов	Сумма
Высшие государственные учреждения	10783000
Гражданское управление	859816000
Оборона государства	826776000
Церковное управление и духовенство	54786000
Императорский двор	16359000
Казенная продажа питей	240226000
Казенные железные дороги	677629000
Прочие казенные операции	69542000
Государственные займы	402813000
Пенсии и аренды	127945000
Невыполненные расходы прошлых лет	6000000
Расходы, не предусмотренные сметами	10000000
Всего	3302675000

*Составлена по: Проект государственной росписи доходов и расходов на 1914 год с объяснительною запискою министра финансов. Ч. 1. СПб., 1913. С. 80.

Таблица 3. **Распределение ординарных расходов по ведомствам (в руб.)***

Учреждения	Сумма
Высшие государственные учреждения (за исключением Синода)	8 667 000
Синод	52 915 000
Военное министерство	599 135 000
Морское министерство	250 398 000
Министерство внутренних дел	206 846 000
Министерство финансов	494 523 000
Министерство юстиции	105 128 000
Министерство иностранных дел	7 746 000
Министерство народного просвещения	161 630 000
Министерство путей сообщения	739 939 000
Министерство торговли и промышленности	71 611 000
Государственный контроль	12 743 000
Министерство императорского двора	16 359 000
Главное управление землеустройства и земледелия	157 629 000
Главное управление государственного коннозаводства	4 593 000

* Составлена по: Проект государственной росписи доходов и расходов на 1914 год с объяснительною запискою министра финансов. Ч. 1. СПб., 1913. С. 123.

Таблица 4. **Экстраординарные расходы казны по министерскому проекту бюджета 1914 г. (в руб.)***

Статьи расходов	Сумма
Расходы, вызванные русско-японской войной и ее последствиями	435 000
Пополнение войсковых запасов и материальной части войск	125 420 000
Железнодорожное строительство**	110 324 485
Выплаты казны железнодорожным обществам	1 406 300
Строительство и улучшение портов	18 000 000
Итого	255 585 785

* Составлена по: Проект государственной росписи доходов и расходов на 1914 год с объяснительною запискою министра финансов. Ч. 1. СПб., 1913. С. 124–126.

** Предполагалось построить около 7000 верст казенных железных дорог.

Таблица 5. **Бюджетные расходы в 1914 г. по сравнению с проектом бюджетной комиссии Государственной думы (в млн руб.)***

Учреждение	Увеличены по сравнению с проектом	Уменьшены по сравнению с проектом
Военное министерство	29,8	6,8
Министерство финансов	13,3	8,4
Министерство внутренних дел	0,5	0,5
Министерство юстиции	0,5	0,7
Морское министерство	0,5	4,7
Синод	0,2	–
Государственный контроль	0,2	–
Министерство торговли и промышленности	0,1	0,8
Высшие государственные учреждения	0,05	0,4
Главное управление землеустройства и земледелия	–	0,2
Министерство путей сообщения	0,04	25,0
Министерство иностранных дел	0,04	–
Прочие учреждения	0,04	0,2

* Составлена по: Доклады бюджетной комиссии по рассмотрению проекта государственной росписи доходов и расходов на 1914 год. Четвертый созыв. Сессия II. 1913–1914 гг. Вып. 5. СПб., 1914. № 50.

Таблица 6. **Государственный бюджет 1914 г. (в руб.)**

Ординарные доходы	По проекту Министерства финансов	По утвержденному бюджет
1	2	3
Прямые налоги		
Поземельный налог и налоги с недвижимости	82 960 000	83 460 484
Государственный промысловый налог	145 828 000	156 827 900
Сбор с доходов от денежных капиталов	35 719 000	35 719 000
Итого	264 507 000	276 007 384
Косвенные налоги		
Сборы с питей, не относящиеся к казенной винной монополии	54 660 000	55 560 000
Табачный доход	78 420 000	81 422 000
Доход от папиросных гильз и резаной папиросной бумаги	4 556 000	4 856 000
Сахарный доход	149 575 000	149 575 000
Нефтяной доход	50 040 000	49 340 600
Спичечный доход	20 016 000	20 215 800
Таможенный доход	351 900 000	370 472 500
Итого	709 167 000	731 441 900
Пошлины		
Гербовые, судебные, канцелярские	117 197 000	119 197 000
С переходящих имуществ	45 260 000	48 260 000
С товаров и судов в портах	10 500 000	10 500 000
С пассажиров и грузов, перевозимых по железным дорогам	32 400 000	32 900 000
С застрахованного от огня имущества	6 550 000	6 550 000
Прочие пошлины	20 530 000	20 529 700
Итого	232 437 000	237 936 700

Продолжение табл. 6

1	2	3
Правительственные регалии		
Горный доход	350 000	350 000
Монетный доход	7 276 000	7 275 750
Почтовый доход	82 600 000	82 600 000
Телеграфный и телефонный доход	43 420 000	43 920 000
Винная монополия	935 805 000	936 077 500
Итого	1 069 451 000	1 070 223 250
Казенные капиталы и имущества		
Оброчные статьи и промыслы	44 367 000	48 318 016
Лесной доход	100 141 000	103 140 920
Казенные железные дороги	858 317 000	858 562 977
Казенные заводы, технические заведения и склады	26 271 000	26 271 044
Прибыли от капиталов и банковских операций	48 733 000	48 732 700
Прибыли от участия казны в частных железнодорожных обществах	33 976 000	34 864 000
Итого	1 111 805 000	1 119 889 657
Доход от продажи недвижимых имуществ	1 925 000	1 925 280
Выкупные платежи, не отмененные манифестом 3 ноября 1905 г.	945 000	944 900
Обязательные платежи железнодорожных обществ	20 563 000	20 624 589
Возврат ссуд и других расходов	53 156 000	53 156 123
Пособия Государственному казначейству из посторонних источников	34 777 000	34 492 759
Китайская контрибуция	8 140 000	10 175 397
Прочие доходы	14 824 000	15 351 534
Экстраординарные ресурсы	13 400 000	13 400 000
Свободная наличность	23 164 217	27 999 925
Ординарные расходы		
Высшие государственные учреждения (за исключением Синода)	8 667 000	8 316 955
Синод	52 915 000	53 093 225
Военное министерство	599 135 000	621 565 110
Морское министерство	250 398 000	246 111 003
Министерство внутренних дел	206 846 000	206 539 550
Министерство финансов	494 523 000	498 163 110
Министерство юстиции	105 128 000	104 909 299
Министерство иностранных дел	7 746 000	7 774 727
Министерство народного просвещения	161 630 000	169 579 399
Министерство путей сообщения	739 939 000	719 088 846
Министерство торговли и промышленности	71 611 000	70 892 569
Государственный контроль	12 743 000	12 918 740
Министерство императорского двора	16 359 000	16 359 595
Главное управление землеустройства и земледелия	157 629 000	157 520 349
Главное управление государственного коннозаводства	4 593 000	4 585 470
Платежи по займам	402 812 804	402 107 570
Экстраординарные расходы	255 585 785	304 045 881

* Составлена по: Проект государственной росписи доходов и расходов на 1914 год с объяснительною запискою министра финансов. СПб., 1913; СУ. 1914. Отд. I. № 143. Ст. 1596.

Таблица 7. **Основные разделы бюджета 1914 г. в проектах и окончательном варианте (в руб.)***

Статьи бюджета	По первоначальному проекту	По проекту Государственной думы	По проекту Государственного совета	Окончательный вариант
Ординарные доходы	3 521 697 282	3 572 169 473	3 563 424 473	3 572 169 473
Экстраординарные доходы	13 400 000	13 400 000	13 400 000	13 400 000
Итого	3 535 097 282	3 585 569 473	3 576 824 473	3 585 569 473
Ординарные расходы	3 302 675 714	3 309 631 766	3 328 354 846	3 309 523 517
Экстраординарные расходы	255 585 785	303 937 632	281 098 025	304 045 881
Всего	3 558 261 499	3 613 569 398	3 609 452 871	3 613 569 398
Свободная наличность	23 164 217	27 999 925	32 628 398	27 999 925

Составлена по: Сопоставление общего свода государственных доходов и расходов на 1914 год по исчислениям проекта росписи и согласно постановлениям Государственной думы и заключениям финансовой комиссии Государственного совета: РГИА. Ф. 1158. Оп. 1. 1914. Д. 187. Л. 714–717 об.

Таблица 8. **Сокращения государственного бюджета на основании Закона от 27 июля 1914 г. (в руб.)***

Ординарные расходы 1914 г.	Сумма
Государственный совет	140 000
Государственная дума	11 000
Синод	3 880 655
Министерство внутренних дел	3 809 000
Министерство финансов	34 559 824
Министерство юстиции	3 459 000
Министерство иностранных дел	50 000
Министерство народного просвещения	14 286 954
Министерство путей сообщения	27 726 035
Министерство торговли и промышленности	10 740 395
Главное управление землеустройства и земледелия	12 500 623
Главное управление государственного коннозаводства	1 000 000
Военное министерство	37 920 206
Морское министерство	30 862 395
Государственный контроль	59 500
Итого	181 005 587
Экстраординарные расходы 1914 г.	
Министерство финансов	600 000
Министерство путей сообщения	19 754 996
Министерство торговли и промышленности	12 917 000
Военное министерство	7 437 346
Государственный контроль	9 000
Сооружение железнодорожных подъездных путей	22 847 856
Итого	63 566 198
Всего по росписи 1914 г.	244 571 785
Сверхсметные кредиты по росписи 1914 г.	66 333 349
Сокращено по росписям 1912– 1913 г.	29 193 282
Сверхсметные кредиты по росписи 1913 г.	1 153 009
Всего сокращено по росписям и сверхсметным кредитам 1912–1914 гг.	341 292 913

* Составлена по: Список сокращенных на основании Закона от 27 июля 1914 г. кредитов по государственным росписям 1914 г. и предшествующих лет: РГИА. Ф. 1276. Оп. 11. Д. 215. Л. 7–26.

Таблица 9. **Сумма недополученных доходов по росписи 1914 г. (в руб.)***

Статьи ординарного бюджета	Сумма недополученных доходов
Казенная продажа питей	432 173 688
Казенные железные дороги	125 207 932
Таможенный доход	66 608 932
Лесной доход	25 102 109
Сборы с питей, не относящиеся к винной монополии	14 238 264
Гербовые, судебные и канцелярские пошлины	14 015 653
Казенные оброчные статьи и промыслы	10662 939
Пошлины с переходящих имуществ	10 056 674
Сахарный доход	10 046 509
Поземельные налоги, налоги с недвижимости и подати	6 210 527
Пособия казначейству из посторонних источников	4 144 304
Сборы с товаров и судов в портах	3 003 050
Возврат ссуд и других расходов	2 993 222
Обязательные платежи железнодорожных обществ	2 390 672
Почтовый доход	1 983 884
Сбор с пассажиров и грузов на железных дорогах	1 465 530
Китайская контрибуция	1 418 688
Доходы от продажи недвижимых имуществ	851 899
Разного рода пошлины	299 364
Итого	732 873 840

* Составлена по: Объяснительная записка к отчету Государственного контроля по исполнению государственной росписи и финансовых смет за 1914 год. Пг., 1915.

Таблица 10. **Превышение доходных поступлений над сметными предположениями на 1914 г. (в руб.)**

Статьи ординарного бюджета	Превышение поступивших доходов над сметными предположениями
Табачный доход	11 415 845
Разные доходы	9 703 709
Промысловый налог	9 515 768
Монетный доход	7 397 528
Нефтяной доход	5 609 161
Прибыли от принадлежащих казне капиталов и банковских операций	4 858 707
Спичечный доход	3 448 398
Телеграфный и телефоный доход	2 997 381
Сбор с доходов от денежных капиталов	1 244 582
Выкупные платежи	985 965
Прибыли от участия казны в доходах железнодорожных обществ	504 831
Горный доход	440 156
Акциз с папиросных гильз и бумаги	431 834
Доход от казенных заводов, технических заведений и складов	239 304
Пошлины от застрахованного от огня имущества	8 891
Итого	58 802 060

* Составлена по: Объяснительная записка к отчету Государственного контроля по исполнению государственной росписи и финансовых смет за 1914 год. Пг., 1915.

Таблица 11. **Исполнение бюджета 1914 г. (в руб.)***

Бюджетные статьи	Сумма
Ординарные доходы	2 898 097 693
Остатки смет прежних лет	24 012 664
Экстраординарные доходы	38 606 955
Поступления от займов	1 595 347 417
Свободная наличность	514 214 652
Итого	5 070 279 381
Ординарные расходы	2 927 099 234
Экстраординарные расходы	276 394 013
Расходы на усиление армии	11 027 489
Расходы на приведение армии в боевую готовность	1 645 925 332
Итого	4 860 446 068
Положительное сальдо	209 833 313

* Составлена по: Проект государственной росписи доходов и расходов на 1916 год с объяснительною запискою министра финансов. Пг., 1916. С. 9..

Таблица 12. **Ординарные доходы на 1915 г. по проекту Министерства финансов (в тыс. руб.)***

Ординарные доходы	1914 г.	1915 г.
1	2	3
Прямые налоги		
Поземельные и с недвижимости	83 460	94 865
Промысловый	156 828	210 499
С денежных капиталов	35 719	37 101
Итого	276 007	342 465
Косвенные налоги		
Сборы с питей	55 560	60 418
Табачный доход	81 422	106 706
Сбор с папиросных гильз и бумаги	4 856	10 854
Сахарный доход	149 575	177 600
Нефтяной доход	49 341	62 040
Спичечный доход	20 216	43 516
Таможенный доход	370 472	233 050
Итого	731 442	694 184
Пошлины		
Гербовые, судебные канцелярские	119 197	133 039
С переходящих имуществ	48 260	53 215
С товаров и судов в портах	10 500	8 000
С пассажиров и грузов на железных дорогах	32 900	286 000
С застрахованного от огня имущества	6 550	10 000
Прочие	20 530	18 659
Итого	237 937	508 913
Правительственные регалии		
Горный доход	350	374
Монетный доход	7 276	16 758
Почтовый доход	82 600	109 050
Телеграфный и телефонный доходы	43 920	53 730
Винная монополия	936 077	144 260
Итого	1 070 223	324 172

Продолжение табл. 12

1	2	3
Казенные капиталы и имущества		
Оброчные статьи и промыслы	48 318	44 321
Лесной доход	103 141	85 749
Казенные железные дороги	858 563	848 578
Казенные заводы, технические заведения и склады	26 271	25 825
Капиталы и банковские операции	48 733	39 891
Участие казны в доходах частных железных дорог	34 864	23 872
Итого	1 119 890	1 068 236
Доход от продажи недвижимых имуществ	1 925	1 827
Неотмененные выкупные платежи	945	1 865
Возмещение расходов казначейства		
Обязательные платежи железнодорожных обществ	20 625	16 926
Возврат ссуд и других расходов	53 156	63 080
Пособия казначейству из посторонних источников	34 493	33 802
Военное вознаграждение от Китая	10 175	9 525
Итого	118 449	123 333
Прочие доходы	15 351	15 113
Всего	3 572 169	3 080 108

* Составлена по: Проект государственной росписи доходов и расходов на 1915 год с объяснительною запискою министра финансов. Ч. 1. Пг., 1914. С. 96–98.

Таблица 13. **Доходы от налогов на недвижимость в министерском проекте росписи (в тыс. руб.)***

Виды налогов	1914 г.	1915 г.
Поземельные налоги	25 233	21 391
Налоги с недвижимых имуществ в городах	30 490	40 265
Подымные налоги в Царстве Польском	2 954	1 500
Кибиточная подать	3 651	7 322
Подати и платежи переселенцев за отведенные им казенные земли	10 645	9 500
Квартирный налог	9 600	14 000
Прочие окладные сборы	887	887
Итого	83 460	94 865

* Составлена по: Проект государственной росписи доходов и расходов на 1915 год с объяснительною запискою министра финансов. Ч. 1. Пг., 1914. С. 37.

Таблица 14. **Доходы от промыслового обложения в министерском проекте росписи (в тыс. руб.)***

Виды налогов	1914 г.	1915 г.
Основной промысловый налог	54 000	72 725
Прибавочный сбор с промысловых свидетельств на расходы по квартирному довольствию войск	1 100	1 000
Дополнительный промысловый налог с предприятий, обязанных публичной отчетностью	60 500	78 900
Дополнительный промысловый налог с предприятий, не обязанных публичной отчетностью	38 000	55 500
Особые сборы с промыслов	608	444
Штрафы и пени	2 620	1 930
Итого	156 828	210 499

* Составлена по: Проект государственной росписи доходов и расходов на 1915 год с объяснительною запискою министра финансов. Ч. 1. Пг., 1914. С. 40.

Таблица 15. **Доходы от обложения денежных капиталов в министерском проекте росписи (в тыс. руб.)***

Виды налогов	1914 г.	1915 г.
Налог на доходы от процентных бумаг	23 669	25 701
Налог на доходы от вкладов в кредитных установлениях	7 000	7 000
Налог на специальные текущие счета	3 150	2 400
Налог на доходы от ссуд торгово-промышленным предприятиям	1 900	2 000
Итого	35 719	37 101

* Составлена по: Проект государственной росписи доходов и расходов на 1915 год с объяснительною запискою министра финансов. Ч. 1. Пг., 1914. С. 43.

Таблица 16. **Доходы от акциза на водку в немонопольных губерниях в министерском проекте росписи (в тыс. руб).***

Виды налогов	1914 г.	1915 г.
Общий акциз со спирта и вина в немонопольных губерниях	17 350	3 505
Акциз с виноградного и фруктового спирта	1 200	2 900
Акциз с пивоварения и медоварения	23 500	37 500
Акциз с дрожжей	7 600	13 000
Патентный сбор	5 400	3 000
Взыскания за нарушение постановлений об акцизных сборах	510	513
Итого	55 560	60 418

* Составлена по: Проект государственной росписи доходов и расходов на 1915 год с объяснительною запискою министра финансов. Ч. 1. Пг., 1914. С. 45.

Таблица 17. **Таможенный доход на 1915 г. по проекту Министерства финансов (в тыс. руб.)***

Виды пошлин	1914 г.	1915 г.
Пошлины от импорта по европейской границе	334 572	192 000
Пошлины от импорта по азиатской границе	33 950	39 950
Пошлины от экспорта	525	200
Прочие статьи таможенного дохода	1 425	900
Итого	370 472	233 050

* Составлена по: Проект государственной росписи доходов и расходов на 1915 год с объяснительною запискою министра финансов. Ч. 1. Пг., 1914. С. 58.

Таблица 18. **Ординарные расходы в министерском проекте бюджета 1915 г. (в тыс. руб.)***

Учреждения	Бюджет 1914 г.	Сокращения по Закону от 27 июля 1914 г.	Министерский проект бюджета 1915 г.
1	2	3	4
Министерство императорского двора	16 359	16 359	16 359
Высшие государственные учреждения	8 317	8 166	8 912
Синод	53 093	49 212	49 189
Министерство внутренних дел	206 547	202 738	208 701
Министерство финансов	498 163	463 604	355 328
Министерство юстиции	104 901	101 442	101 692
Министерство иностранных дел	7 775	7 725	7 790
Министерство народного просвещения	169 579	155 292	146 652

Продолжение табл. 18

1	2	3	4
Министерство путей сообщения	719 086	691 360	710 588
Министерство торговли и промышленности	70 892	60 152	57 430
Главное управление землеустройства и земледелия	157 520	145 020	146 038
Главное управление государственного коннозаводства	4 584	3 584	3 838
Военное министерство	621 549	583 629	598 714
Морское министерство	246 094	215 231	204 880
Государственный контроль	12 958	12 898	12 996
Платежи по займам	402 106	402 106	439 707
Расходы на экстренные нужды	10 000	10 000	10 000
Итого	3 309 523	3 128 518	3 078 814

* Составлена по: Проект государственной росписи доходов и расходов на 1915 год с объяснительною запискою министра финансов. Ч. 2. Пг., 1914. С. 3–39.

Таблица 19. **Распределение расходов казны по отраслям государственного управления в министерском проекте ординарного бюджета 1915 г. (в тыс. руб.)***

Назначение	Бюджет 1914 г.	Сокращения по Закону от 27 июля 1914 г.	Министерский проект бюджета 1915 г.
Императорский двор	16 359	16 359	16 359
Высшие государственные учреждения	10 420	10 269	11 202
Церковное управление и духовенство	54 965	51 084	51 060
Гражданское управление	863 046	805 247	808 894
Оборона государства	845 108	780 617	781 384
Казенная продажа питей	246 177	222 767	106 086
Казенные железные дороги	658 873	638 967	659 456
Прочие казенные операции	69 530	64 158	65 387
Государственные займы	402 106	402 106	439 707
Пенсионное обеспечение служащих и аренды	127 939	121 944	124 279
Невыполненные расходы предыдущих лет	5 000	5 000	5 000
Расходы, не предусмотренные сметами	10 000	10 000	10 000
Итого	3 309 523	3 128 518	3 078 814

Составлена по: Проект государственной росписи доходов и расходов на 1915 год с объяснительною запиской министра финансов. Ч. 1. Пг., 1914. С. 102.

Таблица 20. **Исполнение бюджета 1915 г. (в млн руб.)***

Статьи бюджета	Поступило в 1914 г.	Поступило в 1915 г.
1	2	3
Налоги поземельные, с недвижимости и подати	77,3	104,8
Государственный промысловый налог	166,3	212,0
Сбор с доходов от денежных капиталов	37,0	42,9
Сборы с питей	41,3	18,1
Табачный доход	92,8	114,2
Акциз с папиросных гильз и резаной папиросной бумаги	5,3	7,2
Сахарный доход	139,5	186,1

Продолжение табл. 20

1	2	3
Нефтяной доход	55,0	61,2
Спичечный доход	23,7	27,2
Гербовые, судебные и канцелярские пошлины	105,2	125,6
Пошлины с переходящих имуществ	38,2	32,0
Пошлины с товаров и судов в портах	7,5	4,9
Пошлины с пассажиров и грузов на железных дорогах	31,4	224,8
Пошлины с застрахованных от огня имуществ	6,6	10,0
Почтовый, телеграфный и телефонный доходы	127,5	148,9
Прочие доходы	1 943,5	1 507,8
Итого	2 898,1	2 827,7

* Составлена по: Проект государственной росписи доходов и расходов на 1917 год с объяснительною запискою министра финансов. Ч. 1. Пг., 1916. С. 5.

Таблица 21. **Фактическое поступление ординарных доходов в 1915 г. по сравнению с росписью***

Статьи доходов	Поступило по сравнению с росписью (в тыс. руб.)	
	Более	Менее
Таможенный доход	50 348	
Монетный доход	11 663	
Сахарный доход	8 487	
Возврат ссуд и других расходов	7 460	
Телеграфный и телефонный доход	6 271	
Прибыли от казенных капиталов и банковских операций	4 586	
Табачный доход	2 485	
Государственный промысловый налог	1 543	
Разные доходы	22 375	
Почтовый доход		22 144
Пошлины с переходящих имуществ		21 179
Спичечный доход		16 282
Лесной доход		15 692
Гербовые, судебные и канцелярские пошлины		12 430
Оброчные статьи и промыслы		12 231
Налоги поземельные, с недвижимости и подати		11 563
Обязательные платежи железнодорожных обществ		5 535
Сбор с доходов от денежных капиталов		4 793
Акциз с папиросных гильз и бумаги		3 637
Казенные заводы, технические заведения и склады		3 619
Пошлины с товаров и судов в портах		3 092
Пособия казначейству из посторонних источников		2 140
Разные пошлины		2 035
Прочие доходы в общей сложности		839

*Составлена по: Проект государственной росписи доходов и расходов на 1917 год с объяснительною запискою министра финансов. Ч. 1. Пг., 1916. С. 6–7.

Таблица 22. **Урожай основных зерновых культур в 1913–1914 гг. (млн пудов)***

Виды культур	1913 г.	1914 г.
Рожь озимая	1 312,9	1 308,3
Пшеница озимая	362,9	389,3
Пшеница яровая	794,9	756,9
Ячмень	610,6	570,0
Овес	939,7	840,7

* Составлена по: Объяснительная записка министра финансов к проекту государственной росписи доходов и расходов на 1916 г. Ч. 2. Пг., 1915. С. 3.

Таблица 23. **Министерский проект государственного бюджета на 1916 г. (в руб.)***

Бюджетные статьи	Сумма
Ординарные доходы	2 914 083 005
Экстраординарные доходы	9 000 000
Итого	2 923 083 005
Ординарные расходы	3 174 124 091
Экстраординарные расходы	76 791 106
Итого	3 250 915 197
Сальдо	–327 832 192

* Составлена по: Проект государственной росписи доходов и расходов на 1916 год с объяснительною запискою министра финансов. Ч. 1. Пг., 1915. С. 21.

Таблица 24. **Ординарные доходы в министерском проекте бюджета 1916 г. по сравнению с назначениями 1915 г. (в тыс. руб.)***

Статьи бюджета	1915 г.	1916 г.
1	2	3
Прямые налоги		
Поземельные и с недвижимых имуществ	116 365	118 954
Промысловый налог	210 499	192 660
Налог с денежных капиталов	47 701	48 060
Итого	374 565	359 674
Косвенные налоги		
Сборы с питей	60 418	24 261
Табачный доход	111 706	149 594
Акциз на папиросные гильзы и бумагу	10 854	8 063
Сахарный доход	177 600	180 853
Нефтяной доход	62 040	82 040
Спичечный доход	43 516	43 518
Таможенный доход	233 050	314 400
Итого	699 184	802 729
Пошлины		
Гербовые, судебные, канцелярские	138 040	128 209
С переходящих имуществ	53 215	32 190
С товаров и судов в портах	8 000	8 000
С пассажиров и грузов на железных дорогах	286 000	236 000
С застрахованных от огня имуществ	10 000	10 000
Разные пошлины	18 659	18 202
Итого	513 914	432 601

Продолжение табл. 24

1	2	3
Правительственные регалии		
Горный доход	374	398
Монетный доход	16 758	18 910
Почтовый доход	109 050	94 680
Телеграфный и телефонный доходы	55 730	70 600
Доход от казенной продажи питей	144 260	49 860
Итого	326 172	234 448
Казенные имущества и капиталы		
Оброчные статьи и промыслы	44 321	41 078
Лесной доход	85 749	75 891
Казенные железные дороги	848 579	685 509
Казенные заводы, технические заведения и склады	25 825	25 541
Прибыли от принадлежащих казне капиталов и банковских операций	39 891	109 280
Участие казны в доходах железнодорожных обществ	26 474	13 878
Итого	1 070 838	951 177
Доход от продажи недвижимых имуществ	1 827	1 244
Выкупные платежи	1 865	1 564
Возмещение расходов казначейства		
Обязательные платежи железнодорожных обществ	22 290	11 705
Возврат ссуд и других расходов	63 080	57 815
Пособия казначейству из посторонних источников	33 802	34 311
Китайская контрибуция	9 525	10 016
Итого	128 697	113 847
Разные доходы	15 112	16 799
Всего	3 132 174	2 914 083

Составлена по: Проект государственной росписи доходов и расходов на 1916 год с объяснительною запискою министра финансов. Ч. 1. Пг., 1915. С. 21.

Таблица 25. **Ординарные расходы в министерском проекте бюджета на 1916 г. (в тыс. руб.)***

Назначения	1915 г.	1916 г.
Министерство императорского двора	16 359	16 359
Высшие государственные учреждения (кроме Синода)	8 830	9 098
Синод	52 565	53 966
Министерство внутренних дел	202 823	227 402
Министерство финансов	356 871	324 161
Министерство юстиции	101 483	101 786
Министерство иностранных дел	7 790	7 194
Министерство народного просвещения	158 915	165 160
Министерство путей сообщения	707 495	686 813
Министерство торговли и промышленности	54 607	63 515
Главное управление землеустройства и земледелия	143 497	138 791
Главное управление государственного коннозаводства	3 838	3 809
Военное министерство	590 439	590 439
Морское министерство	199 864	182 587
Государственный контроль	12 972	12 721
Платежи по займам	439 707	580 323
Расходы, не предусмотренные сметами	10 000	10 000
Итого	3 068 055	3 174 124

Составлена: Проект государственной росписи доходов и расходов на 1916 год с объяснительною запискою министра финансов. Ч. 1. Пг., 1915. С. 123–124.

Таблица 26. **Ординарные расходы по предметам назначения в министерском проекте бюджета на 1916 г. сравнительно с бюджетом 1915 г. (в тыс. руб.)***

Назначения	1915 г.	1916 г.
I. Расходы государственные и по обязательствам казны		
Расходы общего управления	390 264	414 729
Оборона государства	723 771	696 496
Платежи по займам	439 707	580 323
Гарантия платежей по обязательствам предприятий	27 067	36 658
Вознаграждения рентного характера взамен переданных в казну имений и капиталов и за отмененные и перешедшие в казну доходы	17 978	16 618
Пенсионное обеспечение служащих и аренды	117 521	137 705
Итого	1 716 308	1 882 529
II. Расходы на культурные и производительные потребности		
Содержание духовенства и церковные расходы	23 875	24 633
Просвещение, науки, искусства	240 144	247 486
Врачебная часть	36 797	38 038
Сельское хозяйство	92 663	88 084
Торговля и промышленность	5 099	5 544
Пути сообщения кроме казенных железных дорог	51 779	45 372
Почта, телеграф, телефон	83 538	98 062
Итого	533 895	547 219
Казенные операции	802 852	729 376
Невыполненные расходы прежних лет	5 000	5 000
Расходы на непредусмотренные сметами потребности	10 000	10 000
Всего	3 068 055	3 174 124

* Составлена по: Проект государственной росписи доходов и расходов на 1916 год с объяснительною запискою министра финансов. Ч. 1. Пг., 1915. С. 89–90.

Таблица 27. **Исполнение доходного бюджета за первую половину 1916 г. (в руб.)***

Статьи бюджета	Поступления в первое полугодие 1915 г.	Поступления в первое полугодие 1916 г.
Прямые налоги		
Поземельные и с недвижимых имуществ	37 799	45 759
Промысловый налог	92 407	173 764
Налог с денежных капиталов	23 485	30 032
Итого	153 691	249 555
Косвенные налоги		
Сборы с питей	9 565	15 127
Табачный доход	51 052	77 840
Акциз на папиросные гильзы и бумагу	2 598	2 497
Сахарный доход	57 248	65 294
Нефтяной доход	32 531	47 483
Спичечный доход	19 149	19 231
Таможенный доход	95 720	214 159
Итого	267 863	441 631

Продолжение табл. 27

1	2	3
Пошлины		
Гербовые, судебные, канцелярские	60 393	73 705
С переходящих имуществ	16 294	26 764
С товаров и судов в портах	1 355	1 789
С пассажиров и грузов на железных дорогах	95 962	185 507
С застрахованных от огня имуществ	4 967	5 219
Разные пошлины	8 388	13 698
Итого	187 359	306 682
Правительственные регалии		
Горный доход	143	231
Монетный доход	7 716	15 660
Почтовый доход	44 393	51 901
Телеграфный и телефонный доход	32 238	36 003
Доход от казенной продажи питей	15 502	14 370
Итого	99 992	118 165
Казенные имущества и капиталы		
Оброчные статьи и промыслы	13 935	15 577
Лесной доход	31 038	38 551
Казенные железные дороги	389 081	485 442
Казенные заводы, технические заведения и склады	11 605	13 004
Прибыли от принадлежащих казне капиталов и банковских операций	34 088	122 487
Участие казны в доходах железнодорожных обществ	26 650	22 645
Итого	506 397	697 706
Доход от продажи недвижимых имуществ	592	619
Выкупные платежи	629	600
Возмещение расходов казначейства		
Обязательные платежи железнодорожных обществ	13 442	16 004
Возврат ссуд и других расходов	39 575	43 581
Пособия казначейству из посторонних источников	16 022	17 236
Китайская контрибуция	4 501	4 966
Итого	73 540	81 787
Разные доходы	21 334	23 095
Всего	1 311 397	1 919 840

Составлена по: Проект государственной росписи доходов и расходов на 1917 год с объяснительной запиской министра финансов. Ч. 1. Пг., 1916. С. 90–91.

Таблица 28. **Поступление ординарных доходов за первую половину 1916 г. по сравнению с аналогичным периодом 1915 г. (в тыс. руб.)***

Статьи доходов	Больше	Меньше
Казенные железные дороги	184 500	
Таможенный доход	118 439	
Прибыли от казенных капиталов и банковских операций	88 399	
Государственный промысловый налог	81 357	
Табачный доход	26 788	
Нефтяной доход	14 952	
Гербовые, судебные и канцелярские пошлины	13 312	
Пошлины с переходящих имуществ	10 470	
Сахарный доход	8 046	
Налоги поземельные, с недвижимых имуществ и подати	7 960	
Монетный доход	7 944	
Лесной доход	7 513	
Почтовый доход	7 508	
Сбор с доходов от денежных капиталов	6 547	
Сборы с питей	5 562	
Пошлины разных наименований	5 310	
Возврат ссуд и других расходов	4 006	
Телеграфный и телефонный доход	3 765	
Оброчные статьи и промыслы	1 642	
Казенные заводы, технические заведения и склады	1 399	
Пособия государственному казначейству из посторонних источников	1 214	
Прочие доходы в общей сложности	3 109	
Казенная винная операция		1 132
Акциз с папиросных гильз и бумаги		101
Неотмененные выкупные платежи		29

* Составлена по: Проект государственной росписи доходов и расходов на 1917 год с объяснительною запиской министра финансов. Ч. 1. Пг., 1916. С. 12–13.

Таблица 29. **Курсы валют, установленные в 1916 г. расчетным отделом Кредитной канцелярии (в руб.)***

Наименование валюты	Паритет	Курс расчетного отдела
10 ф.ст.	94,5	149
100 фр.	37,5	53
1 долл.	1,94	3,13

* Составлена по: Объяснительная записка министра финансов к проекту государственной росписи доходов и расходов на 1917 год. Ч. 2. Пг., 1916. С. 110.

Таблица 30. **Министерский проект бюджета 1917 г.(в руб.)***

Бюджетные статьи	Сумма
Ординарные доходы	3 998 631 714
Ординарные расходы	3 734 657 086
Сальдо	263 974 628
Экстраординарные доходы	6 000 000
Экстраординарные расходы	343 159 985
Сальдо	337 159 985
Общее сальдо	37 185 357

* Составлена по: Проект государственной росписи доходов и расходов на 1917 год с объяснительною запискою министра финансов. Ч. 1 Пг., 1916. С. 24.

Таблица 31. **Бюджетные доходы в министерском проекте на 1917 г. (в руб.)***

Статьи доходов	Исчислено по росписи 1916 г.	Предположено по министерскому проекту 1917 г.
Прямые налоги		
Налоги поземельные, с недвижимости и подати	118 954	114 148
Государственный подоходный налог	-	130 000
Государственный промысловый налог	192 660	275 664
Сбор с доходов от денежных капиталов	48 060	46 245
Итого	359 674	566 057
Косвенные налоги		
Сборы с питей	25 261	39 835
Табачный доход	149 594	252 184
Акциз с папиросных гильз и бумаги	8 063	8 058
Сахарный доход	190 853	231 573
Чайный доход	-	23 000
Нефтяной доход	82 040	87 027
Спичечный доход	43 518	36 017
Таможенный доход	314 400	421 375
Итого	813 729	1 099 069
Пошлины		
Гербовые, судебные, канцелярские	128 209	145 961
С переходящих имуществ	32 190	46 210
С товаров и судов в портах	6 000	5 000
С пассажиров и грузов на железных дорогах	240 000	201 700
С застрахованных от огня имуществ	10 000	10 500
Разные пошлины	27 202	32 825
Итого	443 601	442 196
Правительственные регалии		
Горный доход	398	378
Монетный доход	34 638	29 878
Почтовый доход	94 680	113 976
Телеграфный и телефонный доход	70 600	85 700
Доход от казенной продажи питей	51 360	49 600
Итого	251 676	279 532

Продолжение табл. 31

1	2	3
Казенные имущества и капиталы		
Оброчные статьи и промыслы	41 629	45 992
Лесной доход	95 890	111 206
Казенные железные дороги	728 682	1 028 753
Казенные заводы, технические заведения и склады	25 641	26 069
Прибыли от капиталов и банковских операций	124 280	208 803
Прибыли от участия казны в доходах железнодорожных обществ	14 708	24 707
Итого	1 030 830	1 445 530
Доходы от продажи недвижимых имуществ	1 274	1 238
Неотмененные выкупные платежи	1 564	1 742
Возмещение расходов казначейства		
Обязательные платежи железнодорожных обществ	12 199	24 558
Возврат ссуд и других расходов	55 342	66 670
Пособия казначейству из посторонних источников	34 996	40 994
Китайская контрибуция	10 016	10 016
Итого	112 553	142 238
Разные доходы	17 248	21 030
Всего	3 032 149	3 998 632

* Составлена по: Проект государственной росписи доходов и расходов на 1917 год с объяснительною запискою министра финансов. Ч. 1 Пг., 1916. С. 87–89.

Таблица 32. **Ординарные расходы в министерском проекте бюджета 1917 г. (в тыс. руб.)***

Назначение	1916 г.	1917 г.	Больше, чем в 1916 г.	Меньше, чем в 1916 г.
Министерство императорского двора	16 359	16 359	-	-
Высшие государственные учреждения	9 263	9 836	573	
Синод	62 921	66 796	3 875	
Министерство внутренних дел	214 706	265 017	50 311	
Министерство финансов	326 301	354 207	27 906	
Министерство юстиции	106 189	118 976	12 787	
Министерство иностранных дел	7 194	7 343	149	
Министерство народного просвещения	195 624	214 212	18 588	
Министерство путей сообщения	676 925	978 745	301 820	
Министерство торговли и промышленности	56 395	67 939	11 544	
Министерство земледелия	137 547	144 397	6 850	
Главное управление государственного коннозаводства	3 809	4 181	372	
Военное министерство	580 085	560 555		19 530
Морское министерство	181 564	181 553		11
Государственный контроль	12 697	13 746	1 049	
Платежи по государственным займам	690 339	720 795	30 456	
Расходы, не предусмотренные сметами	10 000	10 000		
Итого	3 287 918	3 734 657	446 739	30 530

* Составлена по: Проект государственной росписи доходов и расходов на 1917 год с объяснительною запиской министра финансов. Ч. 2. Пг., 1916. С. 5–33.

Таблица 33. **Распределение ординарных расходов по предметам назначения в министерском проекте бюджета 1917 г. (в тыс. руб.)**

Виды расходов	1916 г.	1917 г.
Расходы общегосударственные и по обязательствам		
Расходы общего управления	401 232	436 192
Оборона государства	692 840	667 258
Платежи по государственным займам	690 339	720 795
Гарантия платежей по обязательствам предприятий	36 258	40 725
Рента взамен переданных в казну имений и капиталов и за отмененные и переданные в казну доходы	16 618	21 795
Пенсии и аренды	135 424	144 189
Итого	1 972 711	2 030 954
Расходы на культурные и производительные потребности		
Содержание духовентства и церковное управление	25 298	26 298
Просвещение, наука, искусство	286 706	318 244
Врачебная часть	40 138	42 303
Землеустройство, переселение, сельское хозяйство	87 734	91 611
Содействие казны развитию торговли и промышленности	4 111	5 774
Пути сообщения, кроме казенных железных дорог	46 538	63 908
Почта, телеграф, телефон	91 366	136 330
Итого	581 891	684 468
Казенные операции	718 316	1 005 235
Невыполненные расходы предыдущих лет	5 000	4 000
Непредвиденные расходы	10 000	10 000
Всего	3 287 918	3 734 657

* Составлена по: Проект государственной росписи доходов и расходов на 1917 год с объяснительною запискою министра финансов. Ч. 1. Пг., 1916. С. 93–94.

Таблица 34. **Национальное богатство стран-участниц первой мировой войны (в млрд марок)***

Страна	1914 г.	1919 г.
США	850	1 200
Япония	80	100
Англия	325	275
Франция	260	180
Россия	250	100
Германия	375	250
Австро-Венгрия	170	100
Италия	100	80

* Составлена по: Россия в мировой войне 1914–1918 гг. (в цифрах). М., 1925. С. 93.
** Паритет марки по отношению к рублю составлял 1 марка = 0, 463 руб.

Таблица 35. **Потребление водки и доход от ее продажи (в среднем за период 1903–1907 гг.)***

Страна	Потребление на душу населения в литрах	Доходы казны в германских марках
Дания	6,71	1,37
Венгрия	4,30	3,68
Германия	3,95	2,38
Голландия	3,82	8,22
Австрия	3,74	2,81
Швеция	3,68	4,21
Франция	3,58	6,56
Бельгия	3,12	6,53
США	2,78	6,47
Англия и Ирландия	2,50	8,30
Швейцария	2,50	2,32
Россия	2,46	7,80

Составлена по: *Фридман М.И.* Винная монополия. Т. 1. Винная монополия в иностранных государствах. СПб., 1914. С. 7.

Таблица 36. **Ходатайства о прекращении торговли крепкими напитками, удовлетворенные в 1914 г.***

Акцизные управления	Прекращена навсегда		Прекращена до окончания войны	
	Городские учреждения	Земские учреждения	Городские учреждения	Земские учреждения
1	2	3	4	5
Архангельское	3	-	-	-
Астраханское	1	-	2	3
Бессарабское	-	-	1	-
Варшавско-Седлецкое	-	-	-	-
Виленское	-	-	-	-
Витебское	-	-	-	-
Владимирское	4	-	-	-
Вологодское	7	3	-	-
Волынское	-	-	1	-
Воронежское	5	-	2	4
Вятское	7	-	5	12
Гродненское	-	-	-	-
Донское	-	-	-	-
Екатеринославское	7	-	-	2
Казанское	-	-	15	1
Калишско-Петроковское	-	-	-	-
Калужское	3	1	6	-
Киевское	-	-	-	-
Ковенское	-	-	-	-
Костромское	-	-	-	-
Кубанско-Черноморское	2	-	-	-
Курляндское	3	-	-	-
Курское	3	1	1	1
Лифляндское	-	-	-	-

Продолжение табл. 36

1	2	3	4	5
Холмское	-	-	-	-
Люблинско-Радомско-Келецкое	-	-	-	-
Минское	-	-	-	-
Могилевское	1	-	-	-
Московское	4	-	12	3
Нижегородское	4	-	2	-
Новгородско-Олонецкое	6	-	10	10
Оренбургско-Тургайское	2	-	3	-
Орловское	7	7	4	-
Пензенское	2	-	3	6
Пермское	-	-	13	5
Подольское	-	-	-	-
Полтавское	6	-	-	-
Псковское	1	-	-	-
Рязанское	8	-	2	-
Самарско-Уральское	3	-	-	-
Петербургское	-	-	1	-
Саратовское	4	-	3	3
Симбирское	6	-	4	-
Смоленское	-	-	-	-
Ставропольское	-	-	-	-
Таврическое	-	-	2	-
Тамбовское	5	-	7	5
Тверское	5	-	7	3
Терско-Дагестанское	-	-	-	-
Тульское	1	-	6	-
Уфимское	6	-	1	2
Харьковское	1	-	1	-
Херсонское	-	-	1	-
Черниговское	6	-	-	-
Эстляндское	-	-	-	-
Ярославское	5	3	4	2
Енисейское	4	-	1	-
Забайкальское	2	-	1	-
Иркутско-Якутское	3	-	-	-
Тобольско-Акмолинское	-	-	10	-
Томско-Семипалатинское	6	-	2	-
Амурско-Приморское	2	-	-	-
Туркестанское	13	-	2	-
Закавказское	-	-	-	-
Итого	158	15	135	62

Составлена по: Число ходатайств о прекращении торговли крепкими напитками, удовлетворенных в 1914 г. РГИА. Ф. 575. Оп. 6. Д. 833. Л. 204–204 об.

Таблица 37. **Предполагаемые поступления от введения подоходного налога (1905 г.)***

Получатели дохода	Доход		Налог		
	в млн руб.	в %	Процент обложения	в тыс. руб.	в % к общей сумме налога
1–2 тыс. руб.	317,2	18,4	1,0	3 172,2	7,3
2–5 тыс. руб.	343,5	19,9	1,1	3 778,9	8,7
5–10 тыс. руб.	229,5	13,3	1,5	3 443,2	7,9
10–20 тыс. руб.	193,7	11,2	2,1	4 068,2	9,3
20–50 тыс. руб.	189,3	11,0	3,5	6 624,6	15,2
Свыше 50 тыс. руб.	450,5	26,2	5,0	2 2524,3	51,6
Итого	1 723,8	100,0	2,5	43 611,3	100,0

Составлена по: Представление В.Н. Коковцова в Государственную думу. 23 февраля 1907 г.: РГИА. Ф. 1278. Оп. 6. Д. 15. Л. 26–67 об.

Таблица 38. **Предполагаемые поступления от введения подоходного налога (1910 г.)***

Категории расходов (руб.)	Налогоплательщики		Доходы		Налоги	
	тыс.чел.	%	млн руб	%	тыс.руб.	%
1 тыс. — 2 тыс.	396,5	56,9	553,5	20,9	6 129	9,5
2 тыс. — 5 тыс.	216,1	31,0	662,8	25,0	8 726	13,5
5 тыс. — 10 тыс.	52,0	7,5	357,4	13,6	6 078	9,4
10 тыс. — 20 тыс.	19,9	2,9	273,5	10,4	6 737	10,4
20 тыс. — 50 тыс.	8,7	1,2	259.7	9,8	10 391	16,1
Свыше 50 тыс.	3,5	0,5	537,8	20,3	26 499	41,0
Итого	696,7	100,0	2 664,7	100,0	64 562	100,0

Составлена по: Доклад по законопроекту о введении государственного подоходного налога [1915 г.]: РГИА. Ф. 1278. Оп. 6. Д. 16. Л. 550 об., 553.

Таблица 39. **Источники доходных поступлений, облагаемых подоходным налогом (по подсчетам Департамента окладных сборов)***

Категории доходов	Взимаемые налоги	
	в абсолютном выражении (в млн руб.)	в процентном выражении
От торгово-промышленных предприятий	856,6	32,4
От личного труда	760,3	28,7
От земельной собственности	412,4	15,6
От денежных капиталов	339,8	12,9
От городской недвижимости	275,5	10,4
Итого	2 644,7	100,0

Составлена по: Доклад по законопроекту о введении государственного подоходного налога [1915 г.]: РГИА. Ф. 1278. Оп. 6. Д. 16. Л. 55.

Таблица 40. **Годовые обороты Государственного банка за 1913–1914 гг.***

Статьи баланса	1913 г.		1914 г.		Прилив и отлив (в тыс.руб.)
	Млн руб.	%	Млн руб.	%	
Касса, золото, серебро и счеты с Монетным двором	38 848,3	16,6	47 948,4	17,4	+ 89 584
Учетно-ссудные операции	14 137,6	6,0	11 919,2	4,3	- 51 143
Обороты по процентным бумагам	1 184,0	0,5	1 102,6	0,4	- 41 264
Прочие активы	620,5	0,3	634,8	0,3	- 37 132
Кредитные билеты	325,0	0,1	1 500,0	0,5	+1 350 000
Вклады и текущие счета	46 906,7	20,0	49 356,4	17,9	+246 280
Прочие пассивы	3 717,0	1,6	4 278,8	1,6	+28 814
Междуконторные расчеты	120 660,3	51,6	144 226,2	52,4	- 32 999
Краткосрочные обязательства казначейства	-		969,5		
Прочие затраты за счет казны	472,0	3,3	740,7	5,2	- 1 372 972
Средства казны	7 137,9		12 718,9		
Итого	234 009,3	100	275 395,5	100	+ 89 584

* Составлена по: Государственный банк. Отчет за 1914 г. Пг., 1915. С. 4.

Таблица 41. **Годовые обороты Государственного банка за 1915–1916 гг.***

Статьи баланса	1915 г.		1916 г.	
	млн руб.	%	млн руб.	%
Касса, золото, серебро и счеты с Монетным двором	66 371,2	15,5	98 425,7	14,1
Учетно-ссудные операции	12 717,9	2,9	13 072,8	1,9
Обороты по процентным бумагам	3 463,5	0,8	2 784,7	0,4
Прочие активы	640,7	0,2	972,7	0,1
Кредитные билеты	2 612,0	0,6	3 488,0	0,5
Вклады и текущие счета	69 420,2	16,1	113 310,8	16,2
Прочие пассивы	6 253,8	1,5	9 892,7	1,4
Междуконторные расчеты	209 263,6	48,9	342 972,3	49,0
Краткосрочные обязательства казначейства	15 020,0		32 418,6	
Прочие затраты за счет казны	1 252,9		1 850,0	16,4
Средства казны	41 245,0	13,5	80 727,3	
Итого	428 260,8	100	699 915,6	100

* Составлена по: Государственный банк. Отчет за 1916 г. Пг., 1917. С. 4.

Таблица 42. **Изменение структуры балансовых остатков на счетах Государственного банка в 1914/1915 г. (в млн руб.)***

Статьи баланса	1 января 1914 г.	1 января 1915 г.
Касса и золото	1 866,3	1 955,8
Учет и ссуды	1 072,0	1 123,1
Процентные бумаги, принадлежащие банку	107,9	149,2
Прочие активы	50,4	87,5
Краткосрочные обязательства	-	663,2
Прочие затраты за счет казны	54,3	415,0
Междуконторные расчеты	-	33,0
Итого	3 150,9	4 426,8
Кредитные билеты	1 775,0	3 125,0
Капиталы	55,0	55,0
Вклады и текущие счета	277,0	523,2
Прочие пассивы	92,6	121,4
Средства казны	951,2	602,2
Междуконторные расчеты	0,1	-
Итого	3 150,9	4 426,8

* Составлена по: Государственный банк. Отчет за 1914 г. Пг., 1915. С. 4.

Таблица 43. **Изменение структуры балансовых остатков на счетах Государственного банка в 1916/1917 г. (в млн руб.)***

Статьи баланса	1 января 1916 г.	1 января 1917 г.
Касса и золото	2 420,1	3 858,1
Учет и ссуды	1 235,8	897,1
Процентные бумаги, принадлежащие банку	271,7	138,1
Прочие активы	78,6	77,1
Краткосрочные обязательства	3 270,1	6 867,4
Прочие затраты за счет казны	603,5	924,6
Междуконторные расчеты	14,0	-
Итого	7 893,8	12 762,4
Кредитные билеты	5 737,0	9 225,0
Капиталы	55,0	55,0
Вклады и текущие счета	1 041,1	1 534,7
Прочие пассивы	266,6	590,1
Средства казны	794,1	1 357,4
Междуконторные расчеты	-	0,2
Итого	7 893,8	12 762,4

* Составлена по: Государственный банк. Отчет за 1916 г. Пг., 1917. С. 4.

Таблица 44. **Золото, монета и кредитные билеты в обращении (в млн руб.)***

Статьи баланса	1 января 1914 г.	1 января 1915 г.	1 января 1916 г.	1 января 1917 г.
Золото Государственного банка в России				
Российская золотая монета нового чекана	655,5	690,6	707,6	714,6
Российская золотая монета старого чекана	1,3	1,3	1,4	1,4
Финские марки	7,6	3,9	3,9	3,9
Ассигновки на золото	30,1	5,9	15,8	26,4
Слитки	702,6	758,1	693,3	458,6
Иностранная монета	128,7	96,5	96,2	76,2
Банкноты эмиссионных банков	2,0	3,7	1,1	5,8
Золото в пути	-	-	94,7	189,5
Итого	1 528	1 560	1 614,0	1 476,4
Золото за границей	167	173	646,1	2 140,9
Общая сумма золота	1 695	1 733	2 260,1	3 617,3
Выпуск кредитных билетов (предельная сумма)	1 995,2	3 232,5	5 760,1	10 117,3
Кредитные билеты в обращении	1 664,7	2 946,6	5 616,8	9 103,4
Неиспользованное эмиссионное право	330,5	285,9	143,3	1 013,9
Процентное отношение золота Государственного банка к кредитным билетам в обращении	101,8	58,8	40,2	39,7

* Составлена по: Государственный банк. Отчет за 1916 г. Пг., 1917. С. 9.

Таблица 45. **Золотое обеспечение рубля по сравнению с другими валютами в пересчете на рубли (конец 1914 г.).***

Страна	Золото	Банкноты и казначейские билеты в обращении (млн руб)	Процентное соотношение
Россия	1 732,5	2 946,6	58,8
Англия	785,0	705,5	111,2
Франция	1 553,2	3 744,7	41,4
Германия	968,8	2 653,3	36,5

* Составлена по: Государственный банк. Отчет за 1914 г. Пг., 1915. С. V.

Таблица 46. **Денежное обращение в 1914–1917 гг. (в млн руб.)***

Деньги	На 1 января 1914 г.	На 1 января 1915 г.	На 1 января 1916 г.	На 1 января 1917 г.
Кредитные билеты	1664,7	2 946,6	5 616,8	9 103,4
Золотая монета	494,2	459,8	442,9	436,0
Серебро	122,7	141,2	145,4	144,1
Разменное серебро	103,1	119,8	161,8	172,6
Медная монета	18,1	18,9	21,9	23,1
Казначейские знаки и марки	-	-	39,8	128,3
Итого	2 402,8	3 686,3	6 428,6	10 007,5

* Составлена по: Государственный банк. Отчет за 1916 г. Пг., 1917. С. 11.

Таблица 47. **Среднегодовые объемы распределения денег (в млн руб.)**

Деньги	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.
В обращении	1 550,1	2 094,7	3 983,6	6 860,1
В кассах Государственного банка и казначействах	68,8	90,5	82,9	102,3
Итого	1 618,9	2 185,2	4 066,5	6 962,4

Составлена по: Государственный банк. Отчет за 1916 г. Пг., 1917. С. 8.

Таблица 48. **Выпуск и учет казначейских обязательств (в млн. руб.)***

Время выпуска	Казначейские обязательства			
	На сумму	Учтено Государственным банком	Размещено в сберегательных кассах	На свободном рынке
1 января 1916 г.	4 000	3 295,0	-	705,0
1 апреля 1916 г.	5 000	3 950,0	-	1 050,0
1 июля 1916 г.	5 850	4 055,1	175	1 619,9
1 октября 1916 г.	8 525	5 144,4	425	2 955,6
31 декабря 1916 г.	9 775	6 866,0	300	2 609,0

* Составлена по: Государственный банк. Отчет за 1916 г. Пг., 1917. С. X.

Таблица 49. **Операции Государственного банка за счет казны (в млн руб.)***

Статьи баланса	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.
1	2	3	4	5
В кредит текущего счета Департамента государственного казначейства	2 811,0	4 432,8	14 506,9	23 404,4
В том числе:				
счета разменных марок и казначейских знаков	-	-	53,0	187,9
текущих счетов казенных распорядителей	-	-	59,1	2 517,0
специальных средств и депозитов	727,3	842,5	1 055,2	1 528,3
по реализации займов и серий	69,8	909,6	3 309,2	5 570,2
по оплате 5-процентных обязательств	-	-	1 735,0	7 437,5
Итого	3 608,1	6 184,9	20 718,4	40 645,3
К концу года в пассиве на текущем счете Департамента государственного казначейства	607,9	229,7	271,2	244,6
В том числе:				
счета разменных марок и казначейских знаков	-	-	2,6	2,2
текущих счетов казенных распорядителей	-	-	16,6	318,1
специальных средств и депозитов	343,3	370,4	429,4	607,7
по реализации займов и серий	-	2,1	73,8	178,0
по оплате 5-процентных обязательств	-	-	0,5	6,8
Итого средств казны	951,2	602,2	794,1	1 357,4
В дебет счетов				
В том числе:	-	816,3	8 813,5	1 807,9
по 5-процентным обязательствам				
по оплате 6-процентных обязательств Крестьянского банка	47,9	5,0	0,7	0,1
по заключительным оборотам	200,5	545,7	719,7	1 083,0
по расходам по реализации займов	-	-	0,2	2,5
Итого	248,4	1 367,0	9 534,1	
Остается к концу года в активе				6 779,9

Продолжение табл. 49

1	2	3	4	5
В том числе:				
по 5-процентным обязательствам	-	663,2	3 270,1	6867,4
по заключительным оборотам (превышение выдач по государственным доходам над поступлениями)	21,7	390,9	583,0	902,8
по счету с казной по оплате 6-процентных обязательств Крестьянского банка	32,6	24,1	19,4	19,5
по расходам по реализации займов	-	-	0,2	2,3
Итого затрат за счет казны:	54,3	1 078,2	3 873,6	7 792,0
по текущему счету Департамента государственного казначейства	547,6	393,1	237,4	220,7
по текущему счету казенных распорядителей				112,4
специальных средств и депозитов	327,8	337,6	372,1	486,2
Итого	875,4	730,7	609,5	819,3
По 5-процентным обязательствам	-	-	1 991,1	4 425,9
Средняя срочность нахождения сумм:	70	32	6	3
на текущем счете Департамента государственного казначейства				
на счете специальных средств и депозитов	162	144	127	115

* Составлена по: Государственный банк. Отчет за 1916 г. Пг., 1917. С. 34.

Таблица 50. **Основные операции Государственного банка за счет казны (в тыс. руб.)***

Статьи баланса	1913 г.	1914 г	1915 г.	1916 г.
Государственные доходы и расходы:				
а) превышение поступлений над выдачами в казначействах	1 314 085	1 011 878	786 180	1 112 303
б) превышение выдач над поступлениями в казначействах	2 115 604	4 334 283	9 666 734	15 172 269
Эксплуатационные сборы железных дорог	863 606	793 640	862 663	964 166
Оплата купонов и тиражей процентных бумаг:				
тысячи штук	37 705	40 188	48 364	65 067
сумма	370 633	320 853	348 853	504 553
таможенные пошлины	328 540	286 965	203 159	292 767
Расчеты с казной по заграничным операциям:				
а) уплачено за счет казны за границей	79 856	115 340	179 141	140 489
б) принято от казны	24 863	179 258	669 504	1 642 521
Вечные вклады (поступления)	1 379	1 806	963	1 128
Обмен процентных бумаг и купонных листов:				
число листов (тыс. штук)	997	306	241	243
сумма	256 235	167 200	139 446	155 163
Процентные бумаги, принадлежащие казне, на хранении (остатки)	240 662	247 551	259 727	282 987
Затраты банка за счет казны	248 385	1 367 051	9 534 138	19 093 505

* Составлена по: Государственный банк. Отчет за 1916 г. Пг., 1917. С. 35.

Таблица 51. **Учетно-ссудные операции Государственного банка в 1914 г. (в млн руб.)***

Дата	Учет векселей и открытие специальных текущих счетов под векселя	Ссуды				Итого
		Ссуды и специальные текущие счета под процентные бумаги	Ссуды под товары	Ссуды учреждениям мелкого кредита	Прочие ссуды	
1 января 1914 г.	595,7	202,6	160,4	68,3	45,0	1 072,0
16 июля 1914 г.	407,6	129,1	49,8	135,6	55,0	777,1
1 августа 1914 г.	711,7	252,1	48,4	133,4	56,6	1 202,2
1 января 1915 г.	618,8	254,1	110,1	87,8	52,3	1 123,1

* Составлена по: Государственный банк. Отчет за 1914 г. Пг.; 1915. С. VI.

Таблица 52. **Учетно-ссудные операции Государственного банка (в млн руб.)***

Статьи баланса	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.
Учет купонов и свидетельств	5,5	7,0	5,3	4,1
Учет 5-процентных обязательств казначейства	-	-	15,9	301,9
Учет векселей	1 470,1	1 261,5	618,1	291,4
Специальные текущие счета под векселя	2 837,9	2 250,2	1 892,9	1 263,3
Срочные ссуды под залог процентных бумаг	22,4	49,0	34,5	44,3
Специальные текущие счета, обеспеченные процентными бумагами	1 226,9	1 001,8	3 065,0	3 991,0
Ссуды под товары и документы на них	388,2	315,6	239,8	187,5
Ссуды банковских зернохранилищ под складочные свидетельства	0,6	1,0	0,2	-
Ссуды учреждениям мелкого кредита	153,4	199,3	170,9	134,6
Ссуды сельским хозяевам	27,1	24,5	22,6	20,3
Ссуды промышленным предприятиям	18,4	19,3	17,8	12,7
Ссуды на покупку сельскохозяйственных машин	9,5	11,4	9,9	5,6
Ссуды городам и земствам	-	0,2	0,1	-
Авансы посредникам	6,7	4,5	3,5	1,0
Ссуды под драгоценности	6,4	7,9	3,7	3,5
Итого	6 173,1	5 153,2	6 100,2	6 261,7
Увеличение за год	1 184,1	-	947,0	161,5
Уменьшение за год	-	1 019,9	-	-

* Составлена по: Государственный банк. Отчет за 1916 г. Пг., 1917. С. 13.

Таблица 53. **Балансовые остатки по учетно-ссудным операциям (на 1 января каждого года в млн руб.)***

Статьи баланса	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.
Учет купонов и свидетельств	1,4	1,3	1,7	1,4	1,1
Учет 5-процентных обязательств казначейства	-	-	-	10,1	-
Учет векселей	375,3	414,9	374,9	228,6	125,3
Специальные текущие счета под векселя	162,3	179,4	242,3	142,2	105,2
Срочные ссуды под залог процентных бумаг	25,2	25,6	43,9	46,6	51,0
Специальные текущие счета, обеспеченные процентными бумагами	186,2	177,0	210,2	588,5	492,3
Ссуды под товары и документы на них	126,6	159,9	109,5	102,5	44,7
Ссуды банковских зернохранилищ под складочные свидетельства	-	0,5	0,5	-	-
Ссуды учреждениям мелкого кредита	45,2	68,3	87,8	71,7	40,8
Ссуды сельским хозяевам	13,0	16,7	20,7	19,6	17,7
Ссуды промышленным предприятиям	14,4	8,7	7,1	5,0	3,7
Ссуды на покупку сельскохозяйственных машин	2,3	3,6	3,7	2,9	2,1
Ссуды городам и земствам	-	-	0,2	-	-
Авансы посредникам	0,6	0,6	0,8	0,7	0,5
Рассроченные долги	-	-	-	0,2	0,2
Ссуды под драгоценности	14,1	15,5	19,8	15,8	12,5
Итого	966,6	1 072,0	1 123,1	1 235,8	897,1

* Составлена по: Государственный банк. Отчет за 1916 г. Пг., 1917. С. 15.

Таблица 54. **Ссуды Государственного банка частным кредитным установлениям 1913–1914 гг. (в млн руб.)***

Статьи баланса	1913 г.		1914 г.	
	Ссуды	Остатки	Ссуды	Остатки
Ссуды банкам по переучету векселей	556,7	75,9	464,4	79,1
Ссуды банкам по специальным текущим счетам под векселя	2 777,8	149,2	2 196,0	166,0
под процентные бумаги	1 037,7	127,5	766,8	103,0
под товары и документы на них	158,3	33,8	101,8	40,5
Итого	4 530,5	386,4	3 529,0	388,6
Ссуды учреждениям мелкого кредита	153,4	45,2	199,3	68,3
Ссуды железным дорогам, земствам и другим учреждениям	41,0	26,4	43,0	30,8
Всего	4 724,9	458,0	3 771,3	487,7
Отношение к сумме всех выдач по учету и ссудам в (%)	76,5		73,2	

* Составлена по: Государственный банк. Отчет за 1914 г. Пг., 1915. С. 14, 15.

Таблица 55. **Ссуды Государственного банка частным кредитным учреждениям в 1915–1916 гг. (в млн руб.)***

Ссуды	1915 г.	1916 г.
Банкам:		
по переучету векселей	190,6	48,6
по специальным текущим счетам под векселя	1 862,6	1 237,2
под процентные бумаги	2 829,2	3 654,9
под товары и документы на них	20,0	18,7
Итого	4 902,4	4 959,4
Учреждениям мелкого кредита	170,9	134,6
Железным дорогам, земствам и другим учреждениям	28,2	15,8
Всего	5 101,5	5 109,8
Отношение к сумме всех выдач по учету и ссудам (%)	83,6	81,6

* Составлена по: Государственный банк. Отчет за 1916 г. Пг., 1917. С. 14.

Таблица 56. **Средняя продолжительность учетно-ссудных операций Государственного банка (в днях)***

Статьи баланса	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.
Учтенные местные векселя и другие срочные бумаги	124	146	106	200
Присланные векселя	67	78	116	180
Специальные текущие счета под векселя	19	27	31	34
Ссуды под процентные бумаги	389	240	450	400
Специальные текущие счета под процентные бумаги	47	51	54	42
Ссуды под товары и документы на них	98	109	124	116
Ссуды учреждениям мелкого кредита	194	212	212	180
Ссуды сельским хозяевам	202	277	360	360
Ссуды промышленным предприятиям	279	166	138	138
Ссуды на покупку сельскохозяйственных машин	117	120	97	133
Авансы посредникам	43	56	82	?
Ссуды под драгоценности	865	818	1 800	?
Средняя продолжительность операций	55	69	70	58

* Составлена по: Государственный банк. Отчет за 1916 г. Пг., 1917. С. 17.

Таблица 57. **Отношение процентов, полученных по учетно-ссудным операциям, к средней сумме затрат Государственного банка (в %)***

Статьи баланса	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.
Учет векселей и других срочных бумаг	6,1	5,9	5,7	5,3
Учет 5-процентных казначейских обязательств	-	-	5,0	?
Специальные текущие счета под векселя	6,3	6,5	6,7	6,7
Ссуды под процентные бумаги	5,9	5,9	5,8	5,3
Специальные текущие счета под процентные бумаги	5,6	5,9	5,6	5,6
Ссуды под товары и документы на них	5,8	5,9	6,4	6,5
Ссуды учреждениям мелкого кредита	6,0	5,9	6,9	6,0
Ссуды сельским хозяевам	5,8	5,8	6,1	6,3
Ссуды промышленным предприятиям	5,7	5,6	6,3	7,1
Ссуды на покупку сельскохозяйственных машин	6,1	5,3	6,4	6,6
Авансы посредникам	-	1,4	1,7	?
Ссуды под драгоценности	4,0	4,0	3,9	5,6
Средняя процентная ставка	6,0	5,1	5,3	

* Составлена по: Государственный банк. Отчет за 1916 г. Пг., 1917. С. 18.

Таблица 58. **Учет векселей**

Кредиты	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.
Количество кредитов:				
Открытых	4 617	3 607	1 580	952
Увеличенных	1 952	1 547	439	422
Сокращенных	1 209	1 574	1 326	457
Закрытых	3 913	4 570	3 778	2 521
Осталось к концу года	28206	27243	25045	23476
В числе оставшихся к концу года				
На сумму до 1 тыс. руб.	2 019	1 809	1 680	1 523
До 5 тыс. руб.	13069	12427	11229	10 435
До 50 тыс. руб.	11137	10930	10182	9 635
Свыше 50 тыс. руб.	1 981	2 077	1 954	1 883
Отклонено				
Ходатайств об открытии кредитов	3 093	2 030	462	234
Об увеличении кредитов	1 155	815	188	115
Сумма кредитов (в тыс. руб.)				
Вновь открытых	61947	80664	30108	23 155
Увеличенных	24187	38414	15735	5 825
Сокращенных	10438	10487	11400	13 808
Закрытых	61626	65794	63558	49 676
Осталось к концу года	763279	806076	776961	742457
Средний размер кредита (в тыс. руб.)	27,1	29,6	31,0	31,6

* Составлена по : Государственный банк. Отчет за 1916 г. Пг., 1917. С. 18.

Таблица 60. **Соотношение кредитов, открытых Государственным банкам частным и общественным кредитным учреждениям их собственных капиталов и вкладов на 1 января***

Годы	Сумма (в млн руб.)			Отношение суммы кредита	
	кредитов	капиталов	вкладов	к капиталам (в %)	к вкладам (в %)
1914	611,4	996,5	2 786,5	61,4	21,9
1915	792,7	1 089,1	3 152,9	72,8	25,1
1916	824,0	1 090,8	4 019,9	75,5	20,5
1917	906,8	1 153,6	6 764,5	78,5	13,2

* Составлена по: Государственный банк. Отчет за 1916 г. Пг., 1917. С. 21.

Таблица 59. **Учтенные в течение года векселя начиная со дня учета***

Векселя	1913 г.						1914 г.					
	К-во	%	На сумму (в тыс. руб)	%	Остатки (в млн руб.)	%	К-во	%	На сумму (в тыс. руб)	%	Остатки (в млн руб.)	%
от 1 до 3 мес.	1 364 357	62,8	368 346	40,3	207,3	61,7	762 069	48,3	248 638	31,2	184,3	60,2
от 3 до 6 мес.	744 069	34,2	474 263	51,9	111,3	33,1	567 832	35,9	431 330	54,1	102,3	33,3
от 6 до 9 мес.	59 047	2,7	65 501	7,2	9,9	3,0	54 309	3,4	67 822	8,5	8,1	2,6
от 9 до 12 мес.	5 868	0,3	5 254	0,6	0,6	0,2	5 017	0,4	6 277	0,8	0,6	0,2
Срок, истекший по мораторию	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Без срока	-	-	-	-	6,7	2,0	189 769	12,0	43 067	5,4	11,2	3,7
Итого	2 173 341	100	913 364	100	335,8	100	1 578 996	100	797 134	100	306,4	100

Продолжение табл. 59

Векселя	1915 г.						1916 г.					
	К-во	%	На сумму (в тыс. руб)	%	Остатки (в млн руб.)	%	К-во	%	На сумму (в тыс. руб)	%	Остатки (в млн руб.)	%
от 1 до 3 мес.	193 226	43,0	112 995	26,5	95,7	54,9	48 030	33,4	58 629	24,9	49,0	48,5
от 3 до 6 мес.	230 139	51,1	275 533	64,4	50,6	28,9	85 198	59,2	161 885	65,5	32,0	31,6
от 6 до 9 мес.	25 013	5,5	36 114	8,4	3,6	2,1	9 910	6,9	20 642	8,9	2,5	2,4
от 9 до 12 мес.	1 887	0,4	2 876	0,7	0,1	0,1	708	0,5	1 558	0,7	0,1	0,9
Срок, истекший по мораторию	-	-	-	-	13,5	7,7	-	-	-	-	4,8	4,2
Без срока	-	-	-	-	11,1	6,3	-	-	-	-	12,7	12,4
Итого	450 265	100	427 518	100	174,6	100	143 846	100	242 714	100	101,0	100

* Составлена по: Государственный банк. Отчет за 1916 г. Пг., 1917. С. 20.

Таблица 61. **Ссуды Государственного банка частным и общественным кредитным учреждениям***

Годы	Баланс ссуд (в млн руб.)		Время пользования капиталом (в днях)
	Взято ссуд	Средний балансовый остаток	
1913	4 530,5	346,9	27
1914	3 529,0	301,2	31
1915	4 903,2	555,0	40
1916	4 959,4	439,4	32

* Составлена по: Государственный банк. Отчет за 1916 г. Пг., 1917. С. 21.

Таблица 62. **Ссуды частным кредитным учреждениям (в млн руб.)***

Дата	Акционерные банки			Общества взаимного кредита		Городские общественные банки		Всего	
	Банки	Отделения	Сумма	Число	Сумма	Число	Сумма	Число	Сумма
1 января 1914 г.	43	363	519,5	504	72,2	161	19,7	1071	611,4
1 января 1915 г.	53	383	640,9	682	125,5	184	26,3	1302	792,7
1 января 1916 г.	53	384	668,6	685	127,1	191	28,3	1313	824,0
1 января 1917 г.	57	411	742,2	688	133,2	198	31,4	1354	906,8

* Составлена по: Государственный банк. Отчет за 1916 г. Пг., 1917. С. 20.

Таблица 63. **Задолженность частных и общественных кредитных учреждений Государственному банку по состоянию на 1 июля 1914 г. (в тыс. руб.)***

Банк	Задолженность			
	По переучету векселей	По специальному текущему счету	Под прочие обеспечения и смешанный кредит	Итого
1	2	3	4	5
Азовско-Донской коммерческий банк	8 000	32 000	-	40 000
Волжско-Камский коммерческий банк	-	40 300	2 200	42 500
Русский для внешней торговли банк	-	10 300	34 700	45 000
Русский Торгово-Промышленный банк	-	850	37 250	38 100
Русско-Азиатский банк	1 500	12 300	50 150	64 000?
Русско-Английский банк	-	3 000	2 000	5 000
Русско-Французский банк	950	100	2 500	3 550
Петербургский Международный коммерческий банк	-	-	50 000	50 000
Петербургский Торговый банк	-	2 000	3 000	5 000
Петербургский Учетный и ссудный банк	-	6 000	4 000	10 000
Петербургский Частный коммерческий банк	8 000	17 000	15 000	40 000
Отделения Crédit Lyonnais	-	1 000	-	1 000
Сибирский Торговый банк	-	10 080	19 720	30 000
Московский банк	3 500	12 000	-	15 500

Продолжение табл. 63

1	2	3	4	5
Московский Купеческий банк	-	-	30 000	30 000
Морсковский Торговый банк	2 000	4 000	5 000	11 000
Московский Учетный банк	-	-	7 000	7 000
Московский Частный коммерческий банк	1 500	3 500	-	5 000
Соединенный банк	-	225	34 775	35 000
И.В.Юнкер и К°	3 750	8 250	-	12 000
Бузулукский Купеческий банк	100	-	100	200
Коммерческий банк в Варшаве	6 650	10 950	-	17 600
Варшавский Учетный банк	3 000	1 250	-	4 250
Банк кооперативных товариществ в Варшаве	400	100	-	500
Банк для торговли и промышленности в Варшаве	50	150	-	200
Варшавский Промышленный банк	300	200	-	500
Западный банк в Варшаве	1 900	2 600	-	4 500
Виленский Частный коммерческий банк	1 400	200	-	1 600
Воронежский коммерческий банк	350	400	400	1 150
Казанский купеческий банк	700	300	-	1 000
Киевский Частный коммерческий банк	1 200	1 700	600	3 500
Лодзинский Купеческий банк	1 350	150	-	1 500
Лодзинский Торговый банк	6 800	1 200	-	8 000
Нижегородский Купеческий банк	600	400	-	1 000
Одесский Купеческий банк	500	-	300	800
Одесский Учетный банк	500	2 050	-	2 550
Пермский Купеческий банк	50	100	-	150
Рижский коммерческий банк	8 500	1 500	-	10 000
Ростовский-на-Дону Купеческий банк	300	900	-	1 200
Самарский Купеческий банк	500	1 000	500	2 000
Смоленский Купеческий банк	50	100	-	150
Тифлисский Купеческий банк	500	5 500	-	6 000
Юрьевский коммерческий банк	100	300	-	400
Итого	65 050	193 955	72 700	558 400?
Общества взаимного кредита (525 обществ)	24 730	31 271	22 967	78 968
Городские общественные банки (173 банка)	11 365	12 531	1 810	25 706
Всего	101 145	237 757	324 172	663 074

* Составлена по: Список частных банков, коим открыты кредиты в конторах и отделениях Государственного банка на 1 июля 1914 г. СПб., 1914. С. 60–96.

Таблица 64. **Векселя, переучтенные частными кредитными учреждениями в Государственном банке***

Сроки	1913 г.				1914 г.				1915 г.				1916 г.			
	К-во	%	Сумма (в тыс. руб.)	%	К-во	%	Сумма (в тыс. руб.)	%	К-во	%	Сумма (в тыс. руб.)	%	К-во	%	Сумма (в тыс. руб.)	%
от 1 до 3 мес.	1138839	90,2	497,8	89,4	805623	76,4	367,7	79.2	175864	66,6	130,0	68,2	29206	60,5	33,6	68,9
от 3 до 6 мес.	121999	9,7	58,5	10,5	114939	10,9	66,8	14.4	87706	33,2	60,1	31,5	18883	39,2	14,3	29,3
от 6 до 9 мес.	428	-	0,3	0,1	585	-	0,9	0.2	520	0,2	0,5	0,3	159	0,3	0,8	1,8
от 9 до 12 мес.	643	0,1	0,2		-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Без срока	-	-			133 722	12,7	29,0	6,2	-	-					-	-
Итого	1261909	100	556,8	100	1054869	100	464,4	100	264090	100	190,6	100	48148	100	48,7	100

*Составлена по: Государственный банк. Отчет за 1916 г. Пг., 1917. С. 22.

Таблица 65. **Срочные ссуды частным банкам под залог процентных бумаг (в тыс.руб.)***

Виды залогов	1913 г.		1914 г.		1915 г.		1916 г.	
	К-во	Общая сумма	К-во	Общая сумма	К-во	Общая сумма	К-во	Общая сумма
Государственные и гарантированные бумаги		15623		32848		25206	31 122	35 036
Ипотечные бумаги	30539	5052	40 518	13434	30875	6256	1 216	3 310
Прочие бумаги		607		1856		716	65	238
В форме кредитов	142	1081	116	891	169	2180	123	1 224
Итого	30681	22363	40 634	49029	31044	34358	32 526	39 808
Остатки								
Государственные и гарантированные бумаги		19203		28401		32126		37 755
Ипотечные бумаги	38 996	5494	46639	13210	43948	10940	39 380	8 322
Прочие бумаги		732		1866		1546		1 146
В форме кредитов	45	186	25	447	109	1881	62	809
Итого	39041	25615	46664	43924	44057	46493	39 442	48 032
Средний размер ссуды		729		1207		1106		1 223

* Составлена по: Государственный банк. Отчет за 1916 г. Пг., 1917. С. 22.

Таблица 66. **Подтоварные ссуды (в млн руб.)***

Ссуды	1813 г.		1914 г.		1915 г.		1916 г.	
	К-во	Сумма	К-во	Сумма	К-во	Сумма	К-во	Сумма
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Выдано ссуд								
под сельскохозяйственные продукты**:	14584	143,6	9690	108,6	7701	95,2	1 459	40,4
при посредничестве железных дорог	24574	9,6	24488	13,3	4919	3,4	2 009	3,1
при посредничестве прочих посредников	36953	100,7	17402	76,6	10664	14,2	6 183	7,0
Итого	76111	253,9	51580	198,5	23284	112,8	9 651	50,5
под металлы	391	16,1	402	14,9	309	14,0	162	20,2
под прочие товары***	448	18,9	519	27,2	2085	42,2	523	55,6
Итого	76950	288,9	52501	240,6	25678	169,0	10 336	126,3
под товары под свидетельства зернохранилищ	60	0,1	45	0,2	4	0.003	-	-
под дубликаты железнодорожных накладных	55142	60,3	20823	31,8	4134	53,1	1 304	48,2
под прочие документы	3824	38,9	1166	43,0	601	17,7	122	13,0
Итого под документы	59026	99,3	22034	75,0	4739	70,8	1 426	61,2

Продолжение табл. 66

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Выдано зернохранилищами под зерно	1148	0,6	1712	1,0	143	0,2	4	0,01
Всего выдано	137124	388,8	76247	316,6	30560	240,0	11 766	187,5
Остатки								
под сельскохозяйственные продукты из банка	13362	91,7	8746	61,0	6981	57,3	1 133	20,1
при посредничестве железных дорог	6384	0,7	3026	2,3	447	0,8	125	0,2
при посредничестве прочих посредников	32830	35,8	14160	12,3	9544	5,8	5 525	0,6
Итого	52576	128,2	25932	75,6	16972	63,9	6 783	20,9
под металлы и прочие товары	594	12,5	716	19,9	619	26,2	365	21,2
под документы на товары	8547	19,2	1089	14,0	638	12,4	70	2,7
Итого	9141	31,7	1805	33,9	1257	38,6	435	23,9
В зернохранилищах	1061	0,5	1137	0,5	27	0,02	-	-
Всего остатков	62778	160,4	28874	110,0	18256	102,5	7 218	44,8
Средний размер ссуд в рублях		2 835		4152		7853		15 941

*Составлена по: Государственный банк. Отчет за 1916 г. Пг., 1917. С. 23.

**Ссуды выдавались под пшеницу, которая чаще всего принималась в залог (159 296 тыс. пудов, 128 962 тыс. пудов и 85 688тыс. пудов в 1913–1915 гг. соответственно) рожь, овес, ячмень, кукурузу, масляное семя, муку, картофель, гречиху, горох, просо.

***Ссуды выдавались под хлопок, лен, табак, нефть и соль.

Таблица 67. **Ссуды Государственного банка учреждениям мелкого кредита (в тыс. руб.)***

Виды ссуд	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.
Выдано и переведено по ссудам				
В основные капиталы	43	73	26	76
По краткосрочным ссудам	134504	168081	134854	119 249
Выдано специально для производства ссуд под хлеб	18835	31100	35974	15 250
Итого	153382	199254	170854	134 575
Остатки по ссудам				
В основные капиталы	5258	4707	3988	3 172
По краткосрочным ссудам	46373	56717	39409	28 792
Выдано специально для производства ссуд под хлеб	16624	26403	28299	8 820
Итого	68255	87827	71696	40 785
Среднегодовой остаток				
По ссудам в основные капиталы	5572	4961	4260	3 637
По краткосрочным ссудам	69790	99249	78585	63 478
Выдано специально для производства ссуд под хлеб	7060	11944	15637	11 835
Итого	82422	116154	98482	78 950
Средняя продолжительность затрат банка				
По краткосрочным ссудам	187	212	211	208
По ссудам под хлеб	135	138	156	286

* Составлена по: Государственный банк. Отчет за 1916 г. Пг., 1917. С. 25.

Таблица 68. **Ссуды сельским хозяевам***

Ссуды	Число ссуд по годам				Сумма кредитов (в тыс. руб.)			
	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.
Вновь открыто	580	491	344	162	7092	7074	5470	2 486
Восстановлено	26	18	1	1	37	32	12	2
Закрыто	377	453	453	307	3400	3428	4741	3 344
Остаток на конец года	2388	2418	2310	2106	22959	26949	28067	27 476

* Составлена по: Государственный банк. Отчет за 1916 г. Пг., 1917. С. 26.

Таблица 69. **Задолженность имений по соловекселям на конец года (в тыс. руб.)***

Виды задолженности	1913 г.		1914 г.		1915 г.		1916 г.	
	Сумма	%	Сумма	%	Сумма	%	Сумма	%
Долг по кредитам под свободные имения	2067	12,4	2655	12,8	2454	12,5	1 912	10,8
Обремененные долгами:								
до 60% оценки	11756	70,4	13690	66,1	12988	66,1	10 765	60,8
свыше 60% оценки	2880	17,2	4382	21,1	4210	21,4	5 026	28,4
Итого	16703	100	20727	100	19652	100	17 703	100
Отношение суммы долга к сумме кредитов		72,8		76,9		70,6		65,1
Предшествующий соловексельному кредиту долг	153259		151832		171666		157738	
на десятину заложенной земли (в руб.)	67 руб. 64 коп.		64 руб. 21 коп.		71 руб. 54 коп.		65руб.75 коп.	
вместе с кредитом (в руб.)	77 руб. 76 коп.		74 руб. 23 коп.		78 руб. 24 коп.		72руб.33 коп.	

* Составлена по: Государственный банк. Отчет за 1916 г. Пг., 1917. С. 26.

Таблица 70. **Ссуды промышленным предприятиям (в тыс. руб.)***

Виды ссуд	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.
Фабрично-заводским предприятиям	20	22	56	50
Золотопромышленным предприятиям	5425	2715	1924	1 377
Рыбопромышленным предприятиям	560	1241	801	843
По учету контрактных платежей предприятиям казенных учреждений и частных железных дорог	10793	13936	13837	8 765
Через посредников	1609	1344	1190	1 682
Итого ссуд	18407	19258	17808	12 717
Остатки				
По ссудам фабрично-заводским предприятиям	210	205	28	26
Золотопромышленным предприятиям	540	147	130	963
Рыбопромышленным предприятиям	2296	2420	1997	1 129
По учету контрактных платежей предприятиям казенных учреждений и частных железных дорог	1711	1405	1803	600
Итого:	4757	4177	3958	2 718
по ссудам через посредников	3 921	2953	1064	1 014
остатков	8678	7130	5022	3 732

* Составлена по: Государственный банк. Отчет за 1916 г. Пг., 1917. С. 27.

Таблица 72. **Основные статьи баланса Государственного банка (16 июля 1914 г. — 23 ноября 1916 г. в млн руб.)***

Статьи баланса	16 июля 1914 г.	1 января 1915 г.	1 августа 1916 г.	23 ноября 1916 г.	Изменения
Кредитные билеты в обращении	1 633	5 617	6 876	8 305	+ 6 672
Золотой запас в России	1 603	1 614	1 549	1 465	- 138
Золотой запас за границей	141	646	1 963	2 150	+ 2 009
Золотой запас за границей в форме английских кредитов	-	567	1 797	1 891	+ 1 891
Свободное эмиссионное право	5 611	143	136	810	- 4 801
Учет казначейских обязательств	-	3 270	3 938	6 014	+ 6 014
Портфель ценных бумаг	103	272	157	139	+ 36
Текущий счет Департамента государственного казначейства	514	271	200	215	- 299
Прочие вклады и текущие счета	636	1 490	1 819	2 156	+ 1 520
Учет и ссуды	777	1 236	919	909	+ 132
Задолженность частных банков	179	642	359	405	+ 226
В том числе по займам	-	388	203	275	+ 275

* Составлена по: Изменения главнейших счетов Государственного банка за время войны. Ноябрь 1916 г.: РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 574. Л. 22.

Таблица 73. **Прибыли и убытки Государственного банка (в млн руб.)***

Статьи баланса	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.
Валовая прибыль (в процентах)				
По учету и ссудам	56,2	58,9	69,1	56,7
По учету краткосрочных казначейских обязательств	-	6,5	100,3	227,9
По долгам, покрытым прибылями прежних лет	6,3	13,8	16,1	18,9
Реализация займов	-	-	1,1	13,1
По прочим операциям	19,1	21,3	22,5	25,4
Итого	81,6	100,5	209,1	342,0
Валовой убыток и расходы				
Списано				
По учету и ссудам	11,8	20,1	28,3	35,5
По процентным бумагам, принадлежащим банку	0,4	9,3	2,7	0,3
Сметные расходы	24,6	35,1	41,8	57,7
Прочие списания и убытки	2,6	3,5	12,0	19,1
Итого	39,4	68,0	84,8	112,6
Чистая прибыль	42,2	32,5	124,3	229,4

* Составлена по отчетам Государственного банка за 1914–1916 гг.

Таблица 71. **Вклады и текущие счета Государственного банка (в млн руб.)***

Виды вкладов	1913 г.		1914 г.		1915 г.		1916 г.	
	Сумма	Остатки	Сумма	Остатки	Сумма	Остатки	Сумма	Остатки
Срочные вклады	-	9,7	-	7,4	-	3,8	-	2,9
Бессрочные вклады	120,5	18,7	139,1	34,0	78,4	20,2	89,5	20,0
Текущие счета в банке	20564,9	179,8	21882,4	381,4	30778,7	763,2	50209,8	1 303,2
Текущие счета в казначействах	1676,1	27,6	1758,3	59,8	2526,2	153,3	4 620,4	174,1
Расчеты с железными дорогами	1089,7	41,1	1021,5	40,6	1585,7	100,6	1 982,4	34,5
Итого	23451,2	276,9	24801,3	523,2	34969,0	1041,1	56902,1	1 534,7

* Составлена по: Государственный банк. Отчет за 1916 г. Пг., 1917. С. 36, 37.

Таблица 74. **Государственные облигационные займы 1914–1916 гг.**

Заем	%	Сумма (млн руб.)	Эмиссионный курс (%)	Цена консорциума (%)	Срок погашения	Залоговая цена	Размещено через Государственный банк и его посредников (млн руб.)	Размещено консорциумом (млн руб.)
I. 3 октября 1914 г.	5	500	94	92	49	85	200	300
II. 6 февраля 1915 г.	5	500	94	92	49	85	283	217
III. 24 апреля 1915 г.	5,5	1000	99	97,5	81	90	317	683
IV. 28 октября 1915 г.	5,5	1000	95	93	10	88-87*	650	350
V. 26 февраля 1916 г.	5,5	2000	95	93	10	88-87	1 317	683
VI. 10 октября 1916 г.	5,5	3000	95	93	10	88-87	1 200	1 800

* Составлена по: *Мукосеев В.* Военные займы России // Военные займы. Пг., 1917. С. 155–177.
**Залоговая цена для банков в отличие от частных лиц.

Таблица 75. **Процентные ставки русских государственных займов по состоянию на 1 января 1913 г.***

Процентные ставки	Число займов	Сумма (млн руб.)	Процентное отношение к общей сумме
6	2	38,4	0,4
5	10	1 569,6	17,7
4,5	4	775,3	8,8
4	45	5 530,3	62,7
$3^{8}/_{10}$	1	82,4	0,9
3.5	1	141,9	1,6
3	9	486,9	5,5

* Составлена по: Русские биржевые ценности 1914–15 г. Пг., 1915. С. 2.

Таблица 76. **Подписка на 5,5-процентный заем 1916 г. в Государственном банке и кредитуемых им учреждениях***

Учреждение	Число подписчиков	Сумма в млн руб.
Государственный банк	14 515	54,7
Казначейства	8 059	12,8
Сберегательные кассы	75 813	67,1
Учреждения мелкого кредита	846	3,6
Городские банки и общества взаимного кредита	2 253	43,2
Итого	101 486	181,4
В Петрограде	19 459	30,8
В Москве	17 501	25,9
В провинции	64 526	124,7
Итого	101 486	181,4

* Составлена по: Всеподданнейший доклад П.Л. Барка 1 июня 1916 г. «О деятельности Государственного банка и мерах, принятых банком вследствие чрезвычайных событий в марте 1916 г.»: РГИА. Ф. 587. Оп. 60. Д. 35. Л. 31–37 об.

Таблица 77. **Внутренние займы Германии***

Тип займа	Выпускная цена	Номинальная сумма (млн марок)
I. 5-процентный	97,5	4 460,7
II. 5-процентный	98,5	9 060,0
III. 5-процентный	99,0	12 160,0
IV. 5-процентный	98,5	
Свидетельства казначейства 4,5-процентные	95,0	10 600,0
Итого		36 280,7

* Составлена по: Струве П.Б. Экономическое положение неприятельских стран. 15 марта 1916 г.: РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 1524. Л. 11–13.

Таблица 78. **Основные статьи баланса Банка Франции (в млн франков)***

Дата	Золото	Денежная эмиссия	Учет	Ссуды	Текущие счета
1914 г. (23 июля)	4 104	5 912	1 541	718	943
1914 г. (30 июля)	4 141	6 683	2 890	771	1 072
1915 г. (конец июня)	3 927	12 105	2 531	624	2 275
1915 г. (конец декабря)	5 015	13 909	2 268	1 148	2 114
1916 г. (конец июня)	4 763	15 856	1 917	1 206	2 273
1916 г. (12 октября)	4 857	17 029	1 815	1 190	2 346
1916 г. (2 ноября)	4 992	16 128	1 950	1 393	1 743

Источник: *Théry E.* Les problèmes économiques de la guerre. P., 1916. P. 31.

Таблица 79. **Золотая наличность Государственного банка (в млн руб.)***

Дата	Наличность			
	Поступило	Отправлено за границу	Итог поступления или отсылки	Остаток к концу года
До 16 июля 1914 г.	107,6	75,6	+ 32	1560
С 16 июля до конца: 1914 г.	31,6	75,6	- 44	1560
1915 г.	54	-	+ 54	1614
1916 г.	50,5	189,5	- 139	1475

* Составлена по: Движение золота Государственного банка в России. 16 февраля 1917 г.: РГИА. Ф. 587. Оп. 33. Д. 26. Л. 8. В этом подсчете не приняты во внимание отправки золота за границу в ноябре 1916 г. на сумму 189,5 млн руб. и в январе 1917 г. — на сумму 379 млн руб. Если принять во внимание эти отправки золота, то баланс на 8 февраля 1917 г. составит не 1 475 млн руб., а 1 096 млн руб.

Таблица 80. **Учет 5-процентных краткосрочных обязательств казначейства (в млн руб.)***

Дата	Держатели			
	Государственный банк	Частные банки	Прочие категории	Итого
1	2	3	4	5
		1914 г.		
16 августа	25,0	-	-	25,0
1 сентября	175,0	25,0	-	200,0
1 октября	239,0	60,0	1,0	300,0
1 ноября	432,9	66,1	1,0	500,0
1 декабря	471,9	102,1	1,0	575,0
		1915 г.		
1 января	653,2	137,5	9,3	800,0
1 февраля	995,7	194,8	9,5	1 200,0
1 марта	1 125,9	233,0	41,1	1 400,0
1 апреля	1 276,1	256,0	42,6	1 575,0
1 мая	1 486,4	344,0	69,6	1 900,0
1 июня	1 567,8	251,3	80,9	1 900,0
1 июля	1 586,5	282,0	31,5	1 900,0
1 августа	2 143,7	347,4	33,9	2 525,0
1 сентября	2 421,9	424,7	53,4	2 900,0
1 октября	2 652,0	455,6	92,4	3 900,0
1 ноября	3 356,0	442,3	201,7	4 000,0
1 декабря	3 326,0	426,3	247,7	4 000,0
		1916 г.		
1 января	3 295,0	416,9	288,1	4 000,0
1 февраля	3 305,0	540,8	454.2	4 500,0
1 марта	3 867,2	556,3	469,5	5 000,0
1 апреля	3 744,6	528,3	727,1	5 000,0
1 мая	3 646,7	569,9	783,4	5 000,0
1 июня	3 679,3	670,1	925,6	5 275,0
1 июля	3 823,7	775,1	1 251,2	5 850,0
1 августа	3 873,3	927,0	1 699,7	6 500,0
1 сентября	4 420,3	1 292,5	1 637,2	7 350,0
1 октября	5 144,4	1 593,1	1 787,5	8 525,0
1 ноября	6 202,2	1 036,5	1 661,3	8 900,0
1 декабря	6 214,4	1 140,6	1 773,0	9 125,0

Продолжение табл. 80

1	2	3	4	5
		1917 г.		
1 января	6 729,4	1 228,6	1 817,0	9 775,0

* Составлена по: *Мукосеев В.А.* Военные займы России // Военные займы. Пг., 1917. С. 182.

Таблица 81. **Выпуск кредитных билетов (в млн руб.)***

Годы	Всего	В среднем за месяц
С начала войны до конца 1914 г.	1 314	238
1915 г.	2 670	223
1916 г.	3 487	290
1917 г. (январь–февраль)	846	423
1917 г. (март–июнь)	3 105	776
1917 г. (июль–август)	2 346	1 173

* Составлена по: Об увеличении предоставленного Государственному банку права на выпуск государственных кредитных билетов. 6 сентября 1917 г.: РГИА. Ф. 87. Оп. 33. Д. 27. Л. 18.

Таблица 82. **Динамика денежного оборота по сравнению с основными операциями Государственного банка (в млн руб.)***

Годы	Кредитные билеты в обращении, за исключением кассы	Свободное эмиссионное право	Учет казначейских обязательств	Текущий счет Департамента государственного казначейства	Учет и ссуды	В том числе задолженность частных банков	Вклады и текущие счета
1914 г.							
16 июля	1 633	1 611	-	514	777	179	636
23 июля	1 860	1 359	-	550	1 012	403	629
1 августа	2 321	901	-	518	1 202	564	693
1 сентября	2 554	736	175	231	1 198	491	726
1 октября	2 697	635	239	208	1 191	443	717
1 ноября	2 791	473	434	211	1 137	384	803
1 декабря	2 846	422	473	211	1 162	426	762
1915 г.							
1 января	2 947	286	619	230	1 167	401	893
1 февраля	3 059	149	1 006	208	998	317	888
1 марта	3 152	57	1 130	202	967	310	1 131**
1 апреля	3 313	895	1 287	205	1 013	376	1 082
1 мая	3 362	848	1 490	209	870	259	1 165
1 июня	3 477	720	1 573	491	1 236	682	1 148
1 июля	3 756	423	1 589	226	1 184	571	1 117***
Изменения с 16 июля 1914 г. по 1 июля 1915 г.	+ 2 123	- 2 188	+ 1 589	- 288	+ 407	+ 392	+ 481

* Составлена по: Представление П.Л. Барка в Государственную думу. Июль 1915 г.: РГИА. Ф. 1276. Оп. 11. Д. 338. Л. 5об.

**В том числе текущий счет Банка Франции, на который поступили суммы (173,3 млн руб.), внесенные в уплату за предоставленную русским банкам и предприятиям французскую валюту по соглашению между русским правительством и Банком Франции.

***В том числе 185,4 млн руб. на текущем счету Банка Франции.

Таблица 83. **Денежная эмиссия и золотая наличность Государственного банка**

Дата эмиссии	Кредитные билеты в обращении за исключением кассы	Золотая наличность			Обеспечение кредитных билетов золотой наличностью (в %)	Свободное эмиссионное право
		Всего	В России	За границей		
1914 г.						
16 июля	1 633	1 744	1 603,3	140,7	106,8	1 611
23 июля	1 860	1 719	1 602,9	116,1	92,4	1 359
1 августа	2 321	1 722	1 605,2	116,8	74,2	901
1 сентября	2 554	1 790	1 612,1	177,9	70,0	736
1 октября	2 697	1 832	1 616,2	215,8	67,9	635
1 ноября	2 791	1 764	1 548,6	215,4	63,2	473
1 декабря	2 846	1 768	1 553,4	214,6	62,1	422
1915 г.						
1 января	2 947	1 732	1 559,5	172,5	58,8	198
1 февраля	3 059	1 708	1 569,1	138,9	55,8	149
1 марта	3 152	1 709	1 558,8	140,2	54,2	57
1 апреля	3 313	1 708	1 568,2	139,8	51,6	895
1 мая	3 362	1 710	1 571,0	139,0	50,9	848
1 июня	3 477	1 697	1 572,7	124,3	48,8	720
1 июля	3 756	1 679	1 579,0	100,0	44,7	423
Изменения с 16 июля 1914 г. по 1 июля 1915 г.	+ 2 123	-65	- 24,3	- 40,7	- 62,1	- 2 188

* Составлена по: Представление П.Л. Барка в Государственную думу. Июль 1915 г.: РГИА. Ф. 1276. Оп. 11. Д. 338. Л. 6об.–7.

Таблица 84. **Золотой запас центральных банков и денежное обращение в основных воюющих странах***

Страна	Годы						Изменения за период (в %)
	1914 г. (июль)			1915 г. (июнь)			
	Деньги в обращении (в млн руб.)	Золотой запас (в млн руб.)	Обеспечение золотом (в %)	Деньги в обращении (в млн руб.)	Золотой запас (в млн руб.)	Обеспечение золотом (в %)	
Россия	1 633	1 744	106,8	3 583	1 686	47,1	- 59,7
Англия	277,3	378,8	136,6	750,0	781,2	104,2	- 31,6
Франция	2 266,8	1 534,9	67,7	4 539,4	1 472,6	32,4	- 35,3
Германия	1 007,3	622,1	61,8	2 895,0	1 472,6	38,1	- 23,7

* Составлена по: Представление П.Л. Барка в Государственную думу. Июль 1915 г.: РГИА. Ф. 1276. Оп. 11. Д. 338. Л. 4–9об.

Таблица 85. **Выпуск кредитных билетов (в млн руб.)***

Месяц	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.
Январь		48,3	29	87
Февраль		0,1	93	190
Март		28,0	161	179
Апрель		22,8	49	135
Май		7,3	115	167
Июнь		3,3	279	248
Июль	5*	690,7**	206	248
Август	100	233	249	246
Сентябрь	139	143	682	465
Октябрь	5	94	148	496
Ноябрь	22	55	160	222***
Декабрь	19	184	421	

* Составлена по: Выпуск кредитных билетов за время войны по месяцам сравнительно с выпуском прошлого года в млн руб. Ноябрь 1916 г.: РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 574. Л. 21 об.

** Данные за вторую половину месяца.

** Из них 688 млн руб. выпущено за период с 16 по 31 июля 1914 г.

*** По 23 ноября 1916 г.

Таблица 86. **Основные операции Государственного банка в январе–апреле 1916 г. (в млн руб.)***

Актив	1 января	1 февраля	1 марта	1 апреля
Коммерческие операции				
Учет векселей	385	376	348	379
Ссуды под процентные бумаги	632	491	407	530
Ссуды под хлеб	81	72	57	44
Ссуды под товары	31	28	30	33
Ссуды учреждениям мелкого кредита	75	71	75	80
Ссуды сельским хозяевам	23	21	19	19
Ссуды под прочие обеспечения	25	26	25	24
Портфель ценных бумаг	238	209	193	200
Итого	1 520	1 294	1 154	1 309
Ссуды казне				
Учет краткосрочных обязательств казначейства	3 231	3 505	3 867	3 745
Золото в России	1 613	1 619	1 624	1 628
Золото за границей	648	758	945	1 137
Итого	2 261	2 377	2 569	2 765
Прочие активы	437	445	569	464
Баланс	7 449	7 621	8 159	8 283
Пассив				
Билетное обращение	5 622	5 710	5 899	6 078
Вклады и текущие счета	1 633	1 627	1 805	1 745
Прочие пассивы	194	284	455	460
Баланс	7 449	7 621	8 159	8 283
Ценные бумаги на хранении	7 373	7 418	7 491	7 779

* Составлена по: Всеподданнейший доклад П.Л. Барка 25 марта 1916 г. «О деятельности Государственного банка и мерах, принятых банком вследствие чрезвычайных событий в январе 1916 г.»: РГИА. Ф. 587. Оп. 60. Д. 35. Л. 18–23; Всеподданнейший доклад П.Л. Барка 15 апреля 1916 г. «О деятельности Государственного банка и мерах, принятых банком вследствие чрезвычайных событий в феврале 1916 г.»: Там же. Л. 24–30 об.

Таблица 87. **Курс валют, установленный в январе–апреле 1916 г. (в руб.)***

Дата	100 ф.с.	100 фр.	1 долл.
25 января	159	57	3,34
1 февраля	152	54,5	3,20
1 марта	149	53	3,13
1 апреля	149	52,5	3,13

* Составлена по: Всеподданнейший доклад П.Л. Барка 25 марта 1916 г. «О деятельности Государственного банка и мерах, принятых банком вследствие чрезвычайных событий в январе 1916 г.»: РГИА. Ф. 587. Оп. 60. Д. 35. Л. 18–23; Всеподданнейший доклад П.Л. Барка 15 апреля 1916 г. «О деятельности Государственного банка и мерах, принятых банком вследствие чрезвычайных событий в феврале 1916 г.»: Там же. Л. 24–30 об.

Таблица 88. **Эмиссионное право Государственного банка по состоянию на февраль и март 1917 г. (в млн руб.)***

Статьи баланса	Февраль	Март
Золото в России	1 477	1 098,5
Золото за границей	2 141	2 519,9
Всего золота	3 618	3 618,4
Кредитные билеты в обращении	9 794	9 956,7
Кредитные билеты в кассах Государственного банка	106	103,3
Разрешенный предел выпуска кредитных билетов сверх суммы золотого обеспечения	6 500	6 500
Свободное эмиссионное право Государственного банка за исключением билетов в его кассах	324	
Свободное эмиссионное право, включая билеты в кассах Государственного банка	218	

* Составлена по: Положение эмиссионного права Государственного банка в феврале 1917 г.: РГИА. Ф. 587. Оп. 33. Д. 26. Л. 21; Сведения по эмиссионной операции Государственного банка на 1 марта 1917 г.: Там же. Л. 28.

Таблица 89. **Изменение вкладов в сберегательных кассах (в млн руб.)***

Районы	1 июля 1913 г. — 1 июня 1914 г.	Июль 1914 г. — июнь 1915 г.	Июль — ноябрь 1915 г.	Всего за 17 месяцев войны
Столичный район	18,3	59,2	56,7	115,9
Северный район	3,8	15,0	9,9	24,9
Юго-Восточный район	1,0	18,2	9,7	27,9
Центральный промышленный район	9,8	29,3	14,8	44,1
Восточно-Черноземный район	-2,9	47,8	23,2	71,0
Южный район	2,7	35,1	29,4	64,5
Юго-Западный район	-5,0	49,8	57,3	107,1
Северо-Западный район	-0,3	34,6	15,6	50,2
Польша	0,5	8,9	-7,2	1,7
Кавказ	4,0	23,4	11,5	34,9
Средняя Азия	1,6	4,9	4,5	9,4
Сибирь	1,9	20,6	13,3	33,9
Сберегательные кассы при полевых казначействах	-	29,7	5,7	35,4
Итого	36,0	376,5	244,3	620,8

* Составлена по: Известия государственных сберегательных касс. 1916. № 1. С. 8–31.

Таблица 90. **Остатки вкладов в сберегательных кассах по состоянию на 1 января (в млн руб.)***

Годы	Вклады наличными	Вклады в процентных бумагах	Всего	Рост вкладов (в %)
1914	1 685,4	348,6	2 034,0	
1915	1 835,0	401,0	2 236,0	10
1916	2 448,6	664,4	3 113,0	35
1917	3 889,5	1 335,8	5 225,3	68

* Составлена по: Война и сберегательные кассы // Вестник финансов, промышленности и торговли. 1917. № 43. С. 507.

Таблица 91. **Облигации военных займов, поступившие в фонд сберегательных касс и размещенные среди покупателей при их посредничестве на 1 октября 1917 г.***

Займы	На сумму	
	Поступившие в фонд (в руб.)	Размещенные (в млн руб.)
5-процентный заем 1914 г.	49 536 400	-
5-процентный заем 1915 г.	160 914 900	-
5,5-процентный заем 1915 г.	196 020 600	-
5,5-процентный краткосрочный заем 1915 г.	184 370 000	189,6
5,5-процентный заем 1916 г. Вып. I	316 655 000	316,9
5,5-процентный заем 1916 г. Вып. II	113 000 000	350,0
«Заем свободы»	1 000 000 000	556,0
Казначейские обязательства	1 070 000 000	-
Казначейские билеты (серии)	75 000 000	-
Итого	3 165 496 900	1 412,5

* Составлена по: Война и сберегательные кассы // Вестник финансов, промышленности и торговли. 1917. № 43. С. 509.

Таблица 92. **Ассигнования Военному министерству за счет военного фонда (в руб.)***

Соединения	По представлению Военного министерства	По представлению Совещания А.С. Лукомского
1	2	3
С 15 ноября 1914 г. по 15 марта 1915 г.		
Штаб Верховного главнокомандующего	1 000 000	1 000 000
Северо-Западный фронт	273 684 740	217 129 505
Юго-Западный фронт	365 000 000	278 756 144
VI армия	57 328 815	52 855 265
Одесский военный округ	25 330 453	22 938 640
Кавказская армия	52 020 100	42 853 407
Итого	773 364 108	615 532 961
С 15 марта по 15 июля 1915 г.		
Штаб Верховного главнокомандующего	680 000	680 000
Северо-Западный фронт	330 327 200	313 959 544
Юго-Западный фронт	434 537 911	337 170 411
VI армия и Петроградский военный округ	57 495 400	55 488 800
VII армия и Одесский военный округ	24 827 543	24 516 013
Кавказская армия	72 060 200	72 653 170
Итого	919 928 254	804 467 938

1	2	3
С 15 июля по 15 ноября 1915 г.		
Штаб Верховного главнокомандующего*		
Северо-Западный фронт	395 388 900	329 039 309
Юго-Западный фронт	262 224 461	203 029 750
VI армия и Петроградский военный округ	64 708 100	55 691 060
VII армия и Одесский военный округ	25 384 390	22 336 644
Кавказская армия	70 649 099	65 644 099
Итого	818 354 950	675 740 862
С 15 ноября 1915 г. по 15 марта 1916 г.		
Штаб Верховного главнокомандующего	2 377 000	2 377 000
Северный фронт	193 875 600	159 898 480
Западный фронт	332 383 800	259 161 388
Юго-Западный фронт	234 666 330	117 872 346
Главное управление военных сообщений**	83 689 502	107 868 877
VII армия и Одесский военный округ	23 937 159	23 366 751
Кавказская армия	99 408 092	98 157 589
Итого	970 337 483	768 702 431
С 15 марта по 15 июля 1916 г.		
Штаб Верховного главнокомандующего	1 547 000	1 547 000
Северный фронт	180 087 000	164 577 582
Западный фронт	368 127 500	266 964 689
Юго-Западный фронт	244 029 910	227 826 425
Главное управление военных сообщений	266 575 785	221 457 614
Кавказская армия	167 238 900	155 684 523
Итого	1 187 606 905	1 038 057 833
*С 15 июля по 15 ноября 1916 г.****		
Штаб Верховного главнокомандующего	1 300 000	1 300 000
Северный фронт	210 634 800	194 471 680
Западный фронт	389 068 700	263 833 758
Юго-Западный фронт	214 304 213	191 765 503
Главное управление военных сообщений****	108 905 328	108 862 966
Кавказская армия	178 140 700	166 917 938
Итого	1 102 353 741	927 151 845

* Составлена по: Журнал Междуведомственного совещания по поверке расходов, вызываемых военными обстоятельствами. 25, 27, 28 ноября, 9 декабря 1914 г.: РГИА. Ф. 1276. Оп. 10. Д. 749. Л. 133, 139; Канцелярия Военного министерства — Совету министров. 14 июня 1915 г.: Там же. Оп. 11. Д. 815. Л. 246–247; Канцелярия Военного министерства — Совету министров. 4 октября 1915 г.: Там же. Л. 580–581; Канцелярия Военного министерства — Совету министров. 15 марта 1916 г.: Там же. Оп. 12. Д. 1111. Л. 1–2; Канцелярия Военного министерства — Совету министров. 19 сентября 1916 г.: Там же. Л. 160, 162; Канцелярия Военного министерства — Совету министров. 14 декабря 1916 г.: Там же. Л. 302, 304.

**На этот период кредиты по штабу Верховного главнокомандующего не отпускались, так как было сочтено, что остаток прошлого кредита «нормально может обеспечить потребность штаба» (П.К. Кондзеровский — А.С. Лукомскому. 25 июня 1915 г.: РГИА. Ф. 1276. Оп. 11. Д. 815. Л. 584).

***Положение о Главном управлении военных сообщений было утверждено 18 сентября 1915 г.

****Ассигнования на следующий период не были утверждены.

Таблица 93. **Ассигнования из военного фонда по перечням Военного министерства (в руб.)***

Номер ведомости	По представлениям Военного министерства	По представлениям Совещания А.С. Лукомского
2,3	68 845 251	68 342 251
4	102 505 217	87 775 392
5	170 233 007	155 857 408
6	99 522 528	99 563 303
7	217 789 200	262 774 823
8	590 350 107	570 053 539
9	121 450 050	120 261 050
10	364 958 795	364 934 795
11	117 933 737	108 537 272
12	294 487 813	294 437 117
13, 14	313 476 064	309 483 259
15	114 041 900	114 041 900
16 и 1**	229 156 843	229 156 843
17 и 2	601 450 215	601 450 215
18	419 221 570	419 221 570
3	28 318 844	28 318 844
19	372 328 622	372 328 622
20	467 788 770	330 672 821
4	44 516 477	44 516 477
21	339 932 839	301 417 460
22	404 067 704	391 209 353
6***	1 376 456	1 376 456
7	432 780	432 780
23	464 932 455	377 647 900
8	479 959	479 959
24	336 501 415	326 338 533
25	217 972 126	211 951 726
26	343 341 665	256 812 991
27	793 293 900	714 343 187
9	10 483 757	10 483 757
28	616 958 630	512 883 399
29	243 387 775	183 160 207
30	999 687 217	971 352 677
10	154 102 685	149 902 685

* Составлена по: Журнал Междуведомственного совещания по поверке расходов, вызываемых военными обстоятельствами. 26, 28 августа 1914 г.: РГИА. Ф. 1276. Оп. 10. Д. 749. Л. 9 об.; Канцелярия Военного министерства — Совету министров. 14 октября 1914 г.: Там же. Л. 18; Канцелярия Военного министерства — Совету министров. 19 ноября 1914 г.: Там же. Л. 30, 31; Канцелярия Военного министерства — Совету министров. 14 января 1915 г.: Там же. Оп. 11. Д. 815. Л. 1-2; Канцелярия Военного министерства — Совету министров. 15 февраля 1915 г.: Там же. Л. 33; Канцелярия Военного министерства — Совету министров. 13 марта 1915 г.: Там же. Л. 66; Канцелярия Военного министерства — Совету министров. 28 марта 1915 г.: Там же. Л. 88; Канцелярия Военного министерства — Совету министров. 28 апреля 1915 г.: Там же. Л. 203; Канцелярия Военного министерства — Совету министров. 17 мая 1915 г.: Там же. Л. 216; Канцелярия Военного министерства — Совету министров. 9 июня 1915 г.: Там же. Л. 231; Канцелярия Военного министерства — Совету министров. 28 июня 1915 г.: Там же. Л. 367; Канцелярия Военного министерства — Совету министров. 26 июля 1915 г.: Там же. Л. 480, 481; Канцелярия Военного министерства — Совету министров. 2 сентября 1915 г.: Там же. Л. 512, 513; Канцелярия Военного министерства — Совету министров. 27 октября 1915 г.: Там же. Л. 719; Канцелярия Военного министерства — Совету министров. 30 октября 1915 г.: Там же. Л. 736; Канцелярия Военного министерства — Совету министров. 25 декабря 1915 г.: Там же. Л. 790; Канцелярия Военного министерства — Совету министров. 25 декабря 1915 г.: Там же. Л. 801; Канцелярия Военного министерства — Совету министров. 21 января 1916 г.: Там же. Оп. 12. Д. 1077. Л. 45;

Канцелярия Военного министерства — Совету министров. 10 февраля 1916 г.: Там же. Л. 64, 65; Канцелярия Военного министерства — Совету министров. 2 марта 1916 г.: Там же. Л. 108, 109; Канцелярия Военного министерства — Совету министров. 14 марта 1916 г.: Там же. Л. 142, 143; Канцелярия Военного министерства — Совету министров. 18 марта 1916 г.: Там же. Л. 166, 167; Канцелярия Военного министерства — Совету министров. 4 апреля 1916 г.: Там же. Л. 173, 174; Канцелярия Военного министерства — Совету министров. 8 апреля 1916 г.: Там же. Л. 180, 181; Канцелярия Военного министерства — Совету министров. 17 апреля 1916 г.: Там же. Л. 225, 226; Канцелярия Военного министерства — Совету министров. 7 мая 1916 г.: Там же. Л. 233, 234; Канцелярия Военного министерства — Совету министров. 27 мая 1916 г.: Там же. Л. 265, 267; Канцелярия Военного министерства — Совету министров. 1 июля 1916 г.: Там же. Оп. 11. Д. 815, Л. 407, 408; Канцелярия Военного министерства — Совету министров. 24 августа 1916 г.: Там же. Оп. 12. Д. 1150. Л. 85, 86; Канцелярия Военного министерства — Совету министров. 17 сентября 1916 г.: Там же. Л. 142; Канцелярия Военного министерства — Совету министров. 30 сентября 1916 г.: Там же. Л. 153, 155; Канцелярия Военного министерства — Совету министров. 24 октября 1916 г.: Там же. Л. 276, 277; Канцелярия Военного министерства — Совету министров. 20 января 1917 г.: Там же. Оп. 1. Д. 176. Л. 1, 3; Канцелярия Военного министерства — Совету министров. 17 февраля 1917 г.: Там же. Л. 565.

**Со времени составления этой ведомости к ведомостям Военного министерства добавляются ведомости Особого совещания по обороне.

***Ведомость Особого совещания по обороне № 5 не обнаружена.

Таблица 94. **Кредиты Морскому министерству из военного фонда по представлениям Совещания А.П. Зеленого (в руб.)***

Сумма, испрашиваемая Морским министерством	Дата рассмотрения в Совещании	Сумма, отпущенная по решению Совещания
84 297 406	23 января 1915 г.	83 261 203
166 518 407	3,4,6 июля 1915 г.	145 592 364
43 587 080	15, 16 сентября 1915 г.	45 640 406
215 164 400	4, 6 ноября 1915 г.	173 914 624
50 279 241	9 января 1916 г.	53 765 532
200 412 351	21, 22, 28, 29 марта 1916 г.	154 166 861
219 629 993	31 мая, 2 — 4 июня 1916 г.	209 600 747
105 666 134	12, 13 сентября 1916 г.	97 069 107
232 128 527	14, 16, 18, 19, 22, 25 ноября 1916 г.	215 391 999
177 697 788	1 — 3 февраля 1917 г.	163 134 369

* Составлена по: Журнал Междуведомственного совещания для предварительного рассмотрения перечня чрезвычайных сверхсметных кредитов, испрашиваемых Морским министерством на расходы, вызываемые войною (далее — Журнал...).11, 12 сентября 1914 г.: РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 5575. Л. 12–16; Журнал... 4 декабря 1914 г.: Там же. Л. 28–32; Журнал... 23 января 1915 г.: Там же. Л. 47–53 об.; Журнал... 3,4,6 июля 1915 г.: Там же. Л. 75–87; Журнал... 15, 16 сентября 1915 г.: Там же. Л. 103–110; Журнал... 4, 6 ноября 1915 г.: Там же. Л. 135–146 об.: Журнал... 9 января 1916 г.: Там же. Л. 152–155; Журнал... 21, 22, 28, 29 марта 1916 г.: Там же. Л. 188–198; Журнал... 31 мая, 2 — 4 июня 1916 г.: Там же. Л. 236–238 об.; Журнал... 12, 13 сентября 1916 г.: Там же. Д. 5648. Л. 113 об.–118 об.; Журнал... 14, 16, 18, 19, 22, 25 ноября 1916 г.: Там же. Л. 180–183 об.; Журнал... 1–3 февраля 1917 г.: Там же. Д. 5575. Л. 378–380.

Таблица 95. **Ассигнования на военные цели и военные расходы казны за 1914 г. (в руб.)***

Статьи расходов	Ассигнования	Расходы	Закрыто кредитов
На мероприятия по усилению боевой готовности армии в подготовительный к войне период	16 386 842	9 483 205	5 359 352
Расходы, вызванные войной, по ведомствам:			
Министерству имп. двора	500 000	-	
Высшим государственным учреждениям	6 500	6 500	
Синоду	603 000	206 872	
Министерству внутренних дел	200 567 061	158 049 760	
Министерству финансов	6 178 337	5 216 763	
Министерству иностранных дел	7 299 204	2 911 593	
Министерству народного просвещения	826 723	80 763	
Министерству путей сообщения	36 784 430	3 138 916	
Министерству торговли и промышленности	1 204 000	148 467	
Главному управлению землеустройства и земледелия	318 000	48 786	
Главному управлению государственного коннозаводства	47 483	5 835	
Итого по сметам гражданских ведомств	254 334 740	163 814 257	
Военному министерству			
Главному интендантскому управлению	1 297 066 708	929 109 556	
Главному артиллерийскому управлению	337 203 261	245 743 661	
Главному военно-техническому управлению	137 528 299	74 396 615	
Главному управлению по квартирному довольствию войск	47 500 235	20 155 155	
Главному управлению военно-учебных заведений	6 857 531	3 610 598	
Главному управлению Генерального штаба	130 060 276	99 858 679	
Главному штабу	18 001 167	14 207 920	
Главному военно-санитарному управлению	48 658 214	30 641 710	
Главному военно-судному управлению	666 462	361 550	
Канцелярии Военного министерства	167 771 612	-	
Итого по Военному министерству	2 191 313 769	1 418 085 447	
Морскому министерству	83 359 989	64 025 626	
Итого расходов, вызванных войной	2 529 008 499	1 645 925 331	
Всего	2 540 035 988	1 655 408 536	5 359 352

* Составлена по: Общий свод расходов, вызванных войною 1914 г. // РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 285. Л. 3–8.

Таблица 96. **Военные расходы России по данным Центрального статистического управления***

Годы	Абсолютная сумма (в млн руб.)	Суточные расходы (в млн руб.)	На душу населения в год (в руб.)	На одного солдата (в руб.)
1914	1 655	10	9,2	1,8
1915	8 818	24	48,9	3,5
1916	14 573	40	81,0	4,0
1917	25 200	69	140,0	6,2
Всего	50 246	42	279,1	4,7

* Составлена по: Россия в мировой войне 1914 — 1918 года (в цифрах). М., 1925. С. 5.

Таблица 97. **Основные статьи баланса акционерных земельных банков в 1915–1916 гг. (в млн руб.)***

Банк	Касса, текущие счета и корреспонденты	Процентные бумаги	Капитальные долги по ссудам	Ссуды краткосрочные	Платежи заемщиков, льготные	Платежи заемщиков, просроченные	Прочие статьи актива	Складочный капитал	Запасной капитал	Закладные листы в обращении	Закладные листы, вышедшие в тираж	Купоны истекших сроков	Погасительный фонд	Фонд на оплату купонов
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
На 1 января														
Бессарабско-Таврический														
1915 г.	4 470	10 531	136 128	2 472	4 144	2 450	1 292	8 750	5 369	136 134	313	3 169	869	3 063
1916 г.	4 560	10 518	136 217	2 255	4 168	3 140	1 317	8 750	5 369	136 222	345	3 314	877	3 065
Виленский														
1915 г.	2 826	12 818	150 812	2 356	4 240	3 478	1 703	10 500	5 250	151 518	176	3 453	689	3 409
1916 г.	1 876	12 055	152 621	2 347	4 719	6 296	1 784	10 500	5 250	153 334	220	4 013	710	3 450
Донской														
1915 г.	1 587	15 646	166 029	2 605	4 983	4 553	2 812	10 000	6 935	167 145	175	3 847	1 111	3 761
1916 г.	1 926	14 416	164 681	2 473	4 752	5 352	2 835	10 000	6 947	165 785	177	3 916	1 094	3 730
Киевский														
1915 г.	3 350	12 331	111 204	532	3 236	1 803	588	7 500	4 505	111 209	97	2 763	538	2 502
1916 г.	2 861	11 693	112 172	593	3 358	2 625	714	7 500	4 505	112 174	78	2 957	553	2 254
Московский														
1915 г.	6 110	13 085	179 317	4 592	5 076	3 880	2 875	12 500	6 525	180 555	353	4 481	1 228	4 062
1916 г.	6 912	12 773	179 823	4 066	5 082	4 761	3 039	12 500	6 525	181 032	351	4 633	1 202	4 073
Нижегородско-Самарский														
1915 г.	6 300	11 937	119 271	1 528	4 479	2 036	1 669	9 009	4 398	120 310	85	2 942	1 187	2 707
1916 г.	5 786	12 182	118 385	1 839	4 049	2 527	1 772	9 010	4 399	119 436	84	2 997	1 199	2 687
Петроградско-Тульский														
1915 г.	2 836	9 844	99 868	1 709	3 004	2 045	1 509	8 000	4 095	100 577	364	2 231	705	2 263
1916 г.	2 768	9 090	98 021	1 739	2 269	3 022	1 562	8000	4 095	98 720	381	2 235	696	2 221
Полтавский														
1915 г.	6 011	11 270	153 756	2 396	4 220	3 664	1 570	7 600	8 921	154 694	141	3 659	937	3 481
1916 г.	5 933	10 693	153 254	2 513	4 556	4 197	1 565	7 600	8 936	154 199	141	3 689	934	3 469

Продолжение табл. 97

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
Харьковский														
1915 г.	5 565	10 361	156 747	4 847	4 512	2 450	2 013	13 000	3 193	157 819	187	3 782	1 065	3 551
1916 г.	5 908	10 750	155 728	4 652	4 397	2 585	1 952	13 000	3 328	156 792	193	3 866	1 055	3 528
Ярославско-Костромской														
1915 г.	3 566	4 899	60 299	90	1 718	1 154	2 048	4 500	1 870	60 915	83	1 425	611	1 370
1916 г.	3 414	5 028	59 527	60	1 638	1 387	2 121	4 500	1 870	60 122	76	1 441	588	1 352
Итого за:														
1915 г.	42 621	112 722	1 333 431	23 127	39 662	27 513	17 079	91 359	51 061	1 340 876	1 974	31 752	8 940	30 169
1916 г.	41 944	109198	1 330 429	22 537	39 688	35 892	18 662	91 360	51 224	1 337 816	2 046	33 061	8 908	30 099

* Составлена по: РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 347. Л. 25об.–26.

Таблица 98. **Операции Крестьянского поземельного банка в январе–марте 1914 г.***

Категории покупателей	Проданные земли (в дес.)	Продажная цена (в руб.)	Назначенная ссуда (в руб.)
Отдельные домохозяева	81 337	10 012 154	9 355 440
Мелкие товарищества	706	38 428	33 720
Крупные товарищества	2 584	106 332	89 570
Общины	1 423	75 679	58 120
Всего	86 050	10 232 593	9 536 850

* Составлена по: Сведения о деятельности Крестьянского поземельного банка за январь, февраль и март 1914 г.: РГИА. Ф. 592. Оп. 44. Д. 84. Л. 259–267.

Таблица 99. **Земельный фонд Крестьянского банка в 1914 г.***

Земли (на 1 января 1914 г.)			Поступило за год		Продано за год		На 1 января 1915 г.
	дес.	руб.	дес.	руб.	дес.	руб.	дес.
Приобретено за счет банка	1 688 730	114399997	83 503	11385285	209 140	18177403	1561807
Передано из Удельного ведомства	925 342	31519445	3 107	203 740	62 091	4780798	866479
Перешло от неисправных заемщиков	224 026	12998246	16 950	1694158	44 554	3164532	195 579
Итого	2838098	158917688	103560	13283183	315 785	26122683	2623865

* Составлена по: Отчет Крестьянского поземельного банка за 1914 г. Пг., 1915.

Таблица 100. **Продажа земли Крестьянским банком с назначением ссуд в 1916 г. (в руб.)***

Категории покупателей	К-во сделок	К-во земли (в дес.)	Стоимость	Цена за дес.	Ссуда
Отдельные домохозяева	4 464	82 979	9 287 909	112	8 642 020
Мелкие товарищества	13	536	34 692	65	27 850
Крупные товарищества	16	2 504	133 061	53	113 460
Сельские общества	19	1 919	97 823	51	76 180
Итого	4 512	87 938	9 553 485	109	8 859 510
За 1915 г.	6 494	125 758	13 126 724	104	12 128 821

* Составлена по: Сведения о деятельности Крестьянского поземельного банка за 1916 год: РГИА. Ф. 1291. Оп. 121. 1917 г. Д. 31. Л. 5.

Таблица 101. **Земельный запас Крестьянского банка в 1916 г. (в дес.)***

Годы	Приобретено у частных владельцев	Передано Удельным ведомством	Перешло от неисправных заемщиков	Итого
На 1 января 1916 г.	1 485 844	836 368	230 100	2 552 312
Поступило в течение 1916 г.	287 453	186	18 219	305 858
Отчуждено в течение 1916 г.	57 149	26 714	15 025	98 888
На 1 января 1917 г.	1 716 148	809 840	233 294	2 759 282

* Составлена по: Сведения о деятельности Крестьянского поземельного банка за 1916 год: РГИА. Ф. 1291. Оп. 121. 1917 г. Д. 31. Л. 6 об.

Таблица 102. **Ссуды Крестьянского банка для приобретения земли у частных владельцев (в руб.)***

Ссуды	К-во заявок	К-во десятин	Стоимость земли	Цена за дес.	Ссуда
Заявленные	1 187	39 552	6 383 549	161	4 861 753
Разрешенные	1 799	51 540	7 413 129	144	4 408 150

* Составлена по: Сведения о деятельности Крестьянского поземельного банка за 1916 год: РГИА. Ф. 1291. Оп. 121. 1917 г. Д. 31. Л. 6 об.

Таблица 103. **Сделки по приобретению земли у частных владельцев, осуществленные в 1916 г. со ссудой Крестьянского банка (в руб.)***

Категории покупателей	К-во сделок	К-во дес.	Стоимость земли	Цены за дес.	Ссуда
Отдельные домохозяева	2 006	30 140	4 253 035	141	2 655 840
Мелкие товарищества	487	20 778	2 895 906	139	1 708 480
Крупные товарищества	244	43 927	5 275 439	120	3 133 770
Сельские общества	31	5 019	359 023	72	211 370
Итого	2 768	99 864	12 783 403	128	7 709 460
За 1915 г.	5 720	200 760	27 252 379	136	16 682 870

* Составлена по: Сведения о деятельности Крестьянского поземельного банка за 1916 год: РГИА. Ф. 1291. Оп. 121. 1917 г. Д. 31. Л. 7 об.

Таблица 104. **Ссуды Крестьянского банка под залог земель, приобретенных без его участия***

Категории покупателей	К-во сделок	Площадь заложенной земли (в дес.)	Ссуда (в руб.)
Отдельные домохозяева	66	1 724	190 640
Мелкие товарищества	15	1 100	112 830
Крупные товарищества	4	4 358	186 730
Сельские общества	2	1 768	254 260
Итого	87	8 950	744 460
За 1915 г.	174	5 802	516 650

* Составлена по: Сведения о деятельности Крестьянского поземельного банка за 1916 год: РГИА. Ф. 1291. Оп. 121. 1917 г. Д. 31. Л. 8 об.

Таблица 105. **Рост цен в 1915 г. сравнительно с их ростом в 1914 гг. (в руб.)***

Годы	Овес	Ржаная мука	Шерсть	Каменный уголь
1914				
Июль	115	109	103	92
Август	126	112	107	100
Сентябрь	128	119	115	108
Октябрь	130	118	119	108
Ноябрь	142	118	126	108
Декабрь	159	124	130	108
1915				
Январь	186	141	139	108
Февраль	192	144	139	108
Март	193	146	139	123
Апрель	214	151	135	123

* Составлена по: *Маслов П.П.* Движение товарных цен и влияние их на распределение национального дохода // Труды Комиссии по изучению современной дороговизны. Вып. 1. М., 1915. С. 46.

Таблица 106. **Цены на металлы в 1914–1916 гг.***

Годы	Чугун (коп. за пуд)	Железо (руб. за пуд)	Медь (руб. за пуд)
1914 (январь)	69–110	1,49–2,32	16,60–22,00
1914 (декабрь)	73–120	1,59–2,52	18,00–24,60
1915 (июнь)	82–145	1,71–2,57	23,00–37,00
1916 (январь)	110–200	2,20–4,45	31,00–44,50
1916 (апрель)	125–250	2,50–4,55	30,50–52,50

* Составлена по: Представление Д.С. Шуваева и В.Н. Шаховского в Совет министров. 12 июля 1916 г.: РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 442. Л. 2–14.

Таблица 107. **Вклады русской казны в странах Антанты и нейтральных государствах (на 1 января 1918 г.)***

Города	Число банков	Суммы вкладов
Париж	19**	208 012 326 фр.[g]
Лондон	11***	578 146 ф.ст.
Амстердам	4*****	8 010 471 гульден
Брюссель	4******	1 413 497 фр.
Нью-Йорк	4*******	94 141 долл.
Женева	1********	21 914 фр.
Копенгаген	1	7 904 кроны

* Составлена по: Остатки сумм Государственного казначейства у банкиров за границею на 1 января 1918 г.: РГИА. Ф. 583. Оп. 16. Д. 126. Л. 1–1 об. (Подсчитано без учета разменной монеты на счетах).

** В том числе четыре отделения петроградских банков и отделение банкирского дома «Братья Зелигман». Кроме того, в Париже были депонированы 400 814 фр., принадлежавшие Петроградскому Частному банку. Наиболее крупная сумма (72 800 878 фр.) была размещена в Banque Privée Lyon-Marseille.

*** В том числе три отделения петроградских и два отделения парижских банков. Наиболее крупный вклад у Baring Brothers (421 793 ф. ст.).

****В том числе в отделении Banque de Paris et des Pays-Bas. Самый крупный вклад у Lippman Rosenthal &C° (3 995 270 гульденов), почти равный с ним у Hope&C° (3 295 586 гульденов).

***** Самый крупный вклад в банкирском доме «Л.Ломбард и К°« (1 000 600 фр.), остальные вклады были размещены в отделениях Международного банка, Banque de Paris et des Pays-Bas и Deutsche Bank.

****** Самый крупный вклад у Моргана (31 944 долл.).

******* Отделение Banque de Paris et des Pays-Bas.

******** Кроме того, 806 ф. ст. было размещено на счетах Rothschild Frères.

Таблица 108. **Заказы, не оплаченные русской казной к 1 апреля 1918 г. (в млн руб.)***

Учреждения	Страны			
	Англия	Франция	Япония	США
Военное министерство	1560	315	9	280
Морское министерство	76	6	7	46
Министерство путей сообщения	254	-	-	462
Металлоснабжение	316	-	20	-
Министерство земледелия	36	-	-	115
Министерство торговли и промышленности	-	-	-	52
Разные учреждения, общественные организации и частная промышленность	126	6	-	133
Всего	2368	327	36	1088

* Составлена по: Распределение неоплаченных заказов по кредитам и ведомствам на 1 апреля 1918 г.: РГИА. Ф. 1525. Оп. 1. Д. 703. Л. 158. Кредиты открывались по курсу 1 ф. ст.=10 руб., 1 долл.=2 руб., 1 иена=1 руб., 1 лира = 40 коп., 1 фр.= 40 коп., 1 крона=60 коп., 1 гульден=80 коп.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи
ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации
МОЭИ — Международные отношения в эпоху империализма. 1978–1917. Серия II. Т. XVIII–XX. М., 1938–1940; Серия III. Т. I–X. М.; Л., 1931–1938.
ОР РНБ — Отдел рукописей Российской Национальной Библиотеки
ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи
РГА ВМФ — Российский государственный архив Военно-морского флота
РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства
РГАЭ — Российский государственный архив экономики
РГИА — Российский государственный исторический архив
РО ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы
СУ — Собрание узаконений и распоряжений правительства
ЦИАМ — Центральный исторический архив Москвы
ЦГИА СПб. — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга
AD — Archives Diplomatiques (France)
AEF — Archives Economiques et Financières (France)
AN — Archives Nationales (France)
SHAT — Service Historique de l'Armeé de Terre (France)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Научное издание

Беляев Сергей Геннадьевич

П.Л. Барк и финансовая политика России
1914–1917 гг.

Редактор *И.П. Комиссарова*
Обложка художника *Е.И. Егоровой*
Технический редактор *А.В. Борщева*
Компьютерная верстка *И.М. Беловой*

Лицензия ИД № 05679 от 24.08.2001

Подписано в печать 01.07.2002. Формат $70\times100^{1}/_{16}$.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 49,99. Уч.-изд. л. 64,07.
Тираж 1000 экз. Заказ 314

Издательство СПбГУ. 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.

Тел. (812) 328-77-63; факс (812) 328-44-22
E-mail: books@dk2478.spb.edu
www.unipress.spb.ru

ЦОП типографии Издательства СПбГУ
199034, С.-Петербург, наб. Макарова, 6